

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3

2025

www.kisi.kz

Каковы идеологические основы либерального государства общего благосостояния? Нормативный анализ «теории справедливости» Джона Роулза

Гульсара Каппасова
Мейрамгуль Алтыбасарова
Диас Абетанов

Эволюция курылтая в геокультурном и кросс-темпоральном измерениях

Зубайда Сураганова
Нурбек Пусырманов
Куандык Какимов

Оценки эффективности НПО: обзор методов и подходов

Алуа Жолдыбалына
Сағыныш Ахантаева
Данагуль Копежанова

Оценка роли маслихатов в формировании социально-ориентированного государства

Габит Тажимуратов
Максим Споткай
Эльмира Отар

Формирование имиджа государственного служащего в Казахстане с применением технологий политического маркетинга

Роза Дюзденбаева
Елена Нечаева
Татьяна Дронзина

Коммуникационные стратегии: моделирование бизнес-подходов в политическом управлении (на примере деятельности институтов гражданского общества)

Фарида Каюпова

Дипломатия диаспор и транснациональная политика: новые горизонты взаимодействия

Куралай Нурбек
Наталья Калашникова
Мухит-Ардагер Сыдыкназаров

Культурное сотрудничество между Китаем и Грузией в рамках инициативы «Один пояс, Один путь»

Ван Цзйбао

Критерии классификации университетов на научно-исследовательские и прикладные категории на основе мирового опыта

Даниал Саари
Дамиус Павалкис
Камран Гусейнов
Дулат Есенбаев

Влияние политических и экономических показателей на создание новых предприятий: данные по Казахстану

Татьяна Кудашева
Динара Рахматудлаева
Рысжан Кабылхайраткызы
Данияр Калдияров
Рустамжон Уринбоев

Компетентность как интегральный индикатор человеческого капитала: квалиметрический подход

Кульзада Кудайбергенова
Сабира Исалдаева
Асел Абен

ISSN 1562-6318

0 3

9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Гульсара Каппасова Мейрамгуль Алтыбасарова Диас Абетанов	Каковы идеологические основы либерального государства общего благосостояния? Нормативный анализ «теории справедливости» Джона Роулза 7
--	--

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Зубайда Сураганова Нурбек Пусырманов Куандык Какимов	Эволюция курылтая в геокультурном и кросс-темпоральном измерениях 17
Алуа Жолдыбалина Сағыныш Ахантаева Данагуль Копежанова	Оценки эффективности НПО: обзор методов и подходов 39
Габит Тажимуратов Максим Споткай Эльмира Отар	Оценка роли маслихатов в формировании социально-ориентированного государства 54
Роза Дюзденбаева Елена Нечаева Татьяна Дронзина	Формирование имиджа государственного служащего в Казахстане с применением технологий политического маркетинга 76
Фарида Каюпова	Коммуникационные стратегии: моделирование бизнес-подходов в политическом управлении (на примере деятельности институтов гражданского общества) 95
Куралай Нурбек Наталья Калашникова Мухит-Ардагер Сыдыкназаров	Дипломатия диаспор и транснациональная политика: новые горизонты взаимодействия 108
Ван Цзибао	Культурное сотрудничество между Китаем и Грузией в рамках инициативы «Один пояс, Один путь» 122
Даниал Саари Даниус Павалкис Камран Гусейнов Дулат Есенбаев	Критерии классификации университетов на научно-исследовательские и прикладные категории на основе мирового опыта 139

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Татьяна Кудашева Динара Рахматуллаева Рысжан Кабылкайраткызы Данияр Калдияров Рустамжон Уринбоев	Влияние политических и экономических показателей на создание новых предприятий: данные по Казахстану 157
Кульзада Кудайбергенова Сабира Исалдаева Асел Абен	Компетентность как интегральный индикатор человеческого капитала: квалиметрический подход 177

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Асель Назарбетова**,
Руководитель Представительства КИСИ при
Президенте РК в г. Алматы

Верстка: Меруерт Әсіл

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

Отпечатано в.
Тираж:

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Гүлсара Каппасова
Мейрамгүл Алтыбасарова
Диас Абетанов

Либеральді жалпыға бірдей әл-ауқаттылық мемлекетінің
идеологиялық негіздері қандай? Джон Роулзтың
«әділеттілік теориясына» нормативті анализ жүргізу 7

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Зүбайда Сұрағанова
Нұрбек Пұсырманов
Қуандық Какимов

Құрылтайдың геомәдени және
кросс-темпоральды өлшемдердегі эволюциясы 17

Алуа Жолдыбалына
Сағыныш Ахантаева
Данагүл Көпежанова

ҰЕҰ тиімділігін бағалау:
әдістер мен тәсілдерге шолу 39

Ғабит Тәжімұратов
Максим Споткай
Эльмира Отар

Мәслихаттардың әлеуметтік бағдарланған
мемлекетті қалыптастырудағы рөлін бағалау 54

Роза Дюденбаева
Елена Нечаева
Татьяна Дронзина

Саяси маркетинг технологияларын қолдана отырып,
Қазақстанда мемлекеттік қызметшінің имиджін
қалыптастыру 76

Фарида Каюпова

Коммуникациялық стратегиялар: саяси менеджментте
бизнестік тәсілдерді модельдеу (азаматтық
қоғам институттары қызметінің мысалы негізінде) 95

Құралай Нұрбек
Наталья Калашникова
Мұхит-Ардагер Сыдықназаров

Диаспора дипломатиясы және трансұлттық саясат:
өзара әрекеттесудің жаңа көкжиектері 108

Ван Цибао

Қытай мен Грузия арасындағы мәдени ынтымақтастық
«Бір белдеу, бір жол» бастамасы аясында 122

Даниал Саари
Даниус Павалкис
Камран Гусейнов
Дулат Есенбаев

Әлемдік тәжірибе негізінде университеттерді
ғылыми-зерттеу және қолданбалы
санаттарға жіктеу критерийлері 139

ӨЗЕКТІ ЭКОНОМИКА

Татьяна Құдашева
Динара Рахматуллаева
Рысжан Қабылқайратқызы
Данияр Қалдияров
Рустамжон Уринбов

Саяси және экономикалық көрсеткіштердің
бизнестің жаңа қалыптасуына әсері:
Қазақстаннан алынған деректер 157

Күлзада Құдайбергенова
Сабира Исалдаева
Әсел Әбен

Құзыреттілік адам капиталының интегралды
көрсеткіші ретінде: квалиметриялық тәсіл 177

Қазақстан Республикасы
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

Бас редактор **Әсел Назарбетова**,
Алматы қаласындағы ҚР Президенті жанындағы
ҚСЗИ өкілдігінің басшысы

Беттеу: Меруерт Әсіл
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Аста
на қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21.
E-mail: office@kisi.kz

Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмей
мүмкін. Таралымы: .

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

Gulsara Kappassova Meiramgul Altybassarova Dias Abetanov	What is the ideological justification of a liberal welfare state? The normative analysis of John Rawls' 'difference principle'	7
---	--	---

POLITICS AND SOCIETY

Zubaida Suraganova Nurbek Pusyrymanov Kuandyk Kakimov	The Evolution of the Kurultai in geocultural and cross-temporal Dimensions	17
Alua Zholdybalina Sagynysh Akhantayeva Danagul Kopezhanova	Evaluating the Effectiveness of NGOs: An Overview of Methods and Approaches.	39
Gabit Tazhimuratov Maxim Spotkay Elmira Otari	An Assessment of the Role of Maslikhats in the Formation of a Socially-Oriented Stat	54
Roza Dyuzdenbaeva Elena Nechayeva Tatyana Dronzina	Formation of the Image of a Civil servant in Kazakhstan using political Marketing technologies	76
Farida Kayupova	Communication Strategies: Modeling Business Approaches in political Management (based on the example of the activities of civil society institutions).	95
Kuralay Nurbek Natalya Kalashnikova Mukhit-Ardager Sydyknazarov	Diaspora Diplomacy and Transnational Policy: New Horizons of Interaction.	108
Wang Jibao	Cultural Cooperation between China and Georgia under the Belt and Road Initiative	122
Danial Saari Danius Pavalkis Kamran Guseinov Dulat Yessenbayev	Criteria for Classification of Universities into research and applied Categories based on World Experience.	139

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

Tatyana Kudasheva Dinara Rakhmatullayeva Ryszhana Kabytkairatkyzy Daniyar Kaldiyarov Rustamjon Urinboyev	Impact of political and economic Indicators on new Business Formation: Evidence from Kazakhstan.	157
Kulzada Kudaibergenova Sabira Isaldaeva Assel Aben	Competence as an integral Indicator of Human Capital: a qualimetric Approach	177

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Nazarbetova**,
Head of the Representative Office of the KazISS under
the President of the Republic of Kazakhstan in Almaty

Layout: Meruert Asyl
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by:
Copies: .

Редакционный совет

- Санат Кушкумбаев** – Председатель Редакционного совета, главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Марлен Ларюэль** – Директор Института европейских, российских и евразийских исследований Школы международных отношений Эллиота Университета Вашингтона, Ph.D. (США)
- Тимур Дадабаев** – Доцент кафедры международных отношений Университета Цукуба, Ph.D. (Япония)
- Адриен Фов** – Ассистент-профессор кафедры политики и международных отношений в Университете Пари-Сюд, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Ассоциированный профессор коммерческого права Школы права Лестера Лестерского университета, Ph.D. (Великобритания)
- Мартон Краснай** – Научный директор Центра исследований Центральной Азии при Университете Корвинуса, Ph.D. (Венгрия)
- Гульнара Насимова** – Заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Дастан Кошербаев** – Директор Института прикладных исследований Академии госуправления при Президенте РК, кандидат политических наук
- Рахман Алшанов** – Президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Анар Есенгельдина** – Заведующая отделом профессионального развития Центра исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, кандидат экономических наук, профессор

Редакционная коллегия

- Асель Назарбетова** – Шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, Ph.D. по политологии
- Алуа Жолдыбалина** – Заместитель директора КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по политологии, ассоциированный профессор
- Айгуль Кошербаева** – Ученый секретарь КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук, ассоциированный профессор
- Асель Абен** – Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по экономике

Редакциялық кеңес

- Санат Көшкімбаев** – Редакциялық кеңес төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы
- Марлен Ларюэль** – Вашингтон университеті Эллиот халықаралық қатынастар мектебінің Еуропа, Ресей және Еуразиялық зерттеулер институтының директоры, Ph.D. (АҚШ)
- Тимур Дадабаев** – Цукуба университетінің Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті, Ph.D. (Жапония)
- Адриен Фов** – Пари-Сюд университетінің Саясат және халықаралық қатынастар кафедрасының ассистент-профессоры, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Шығыс Еуропа және халықаралық зерттеулер орталығының ғылыми қызметкері, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Лестер университетінің Лестер заң мектебінің коммерциялық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Ph.D. (Ұлыбритания)
- Мартон Краснай** – Корвинус университетінің Орталық Азияны зерттеу орталығының ғылыми директоры, Ph.D. (Венгрия)
- Гүлнара Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Дастан Көшербаев** – ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Қолданбалы зерттеулер институтының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Анар Есенгелдина** – ҚР Жоғарғы есеп палатасы жанындағы Ғылыми-зерттеу, талдау және қызметтің тиімділігін бағалау орталығының біліктілікті арттыру бөлімінің меңгерушісі, экономика ғылымдарының кандидаты, профессор

Редакциялық ұжым

- Әсел Назарбетова** – Бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ Алматы қаласындағы Өкілдігінің басшысы, Ph.D.
- Алуа Жолдыбалина** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ директорының орынбасары, Ph.D., қауымдастырылған профессор
- Айгүл Көшербаева** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ ғалым хатшысы, экономика ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор
- Әсел Әбен** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, Ph.D.

Editorial board

- Sanat Kushkumbayev** – Chairman of the Editorial Board, Chief Researcher at the Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS), Doctor of Political Science
- Marlene Laruelle** – Director of the Institute for European, Russian and Eurasian Studies at the Elliott School of International Affairs, George Washington University, Ph.D. (USA)
- Timur Dadabayev** – Associate Professor of International Relations Department at the University of Tsukuba, Ph.D. (Japan)
- Adrien Fauve** – Assistant Professor of Politics and International Relations at the University of Paris-Sud, Ph.D. (France)
- Beate Eschment** – Research Fellow at the Center for East European and International Studies, Ph.D. (Germany)
- Horace Yeung** – Associate Professor in Commercial Law at Leicester Law School, University of Leicester, Ph.D. (United Kingdom)
- Marton Krasznai** – Scientific Director of the Center for Central Asian Studies at Corvinus University, Ph.D. (Hungary)
- Gulnara Nassimova** – Head of the Department of Political Science and Political Technologies of the Kazakh National University named after Al-Farabi, Doctor of Political Sciences, Professor
- Dastan Kosherbayev** – Director of the Institute of Applied Research of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences
- Rakhman Alshanov** – President of the educational corporation "Turan", President of the Association of Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, Professor
- Anar Esengeldina** – Head of the Department of Professional Development of the Center for Research, Analysis and Evaluation of Performance under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Economic Sciences, Professor

Editorial team

- Assel Nazarbetova** – Chief Editor, Head of the Representative Office of KazISS in Almaty, Ph.D. in Political Science
- Alua Zholdybalina** – Deputy Director of KazISS, Ph.D. in Political Science, Associate Professor
- Aigul Kosherbayeva** – Academic Secretary of KazISS, Doctor of Economics, Associate Professor
- Assel Aben** – Chief Expert of KazISS, Ph.D. in Economics

IRSTI:
11.01.61

WHAT IS THE IDEOLOGICAL JUSTIFICATION OF A LIBERAL WELFARE STATE? THE NORMATIVE ANALYSIS OF JOHN RAWLS' 'DIFFERENCE PRINCIPLE'

Gulsara Kappasova¹

Meiramgul Altybassarova²

Dias Abetanov^{3*}

¹ Associate Professor of Toraigyrov University, PhD; Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: kappasova_g@bk.ru, ORCID: 0000-0002-4656-1861

² Professor of Toraigyrov University, Candidate of Political Sciences; Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: mika_alt68@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0415-339X

^{3*} Lecturer of Toraigyrov University, Master of Political Sciences; Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: abetanov.95@mail.ru, ORCID: 0009-0001-5393-1330

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.001>

Abstract. In this paper we aim to analyze how well the famous John Rawls' theory of justice provides ideological underpinning for the contemporary liberal democracies. We argue that Rawls while formulating his 'difference principle' did not clarify what he had meant by 'the least well off' and did not pay enough attention to natural primary goods, that entailed implications going against our intuitive conviction of justice, and which are hardly applicable in explaining any developments of social and political life. But we also argue that those implications are mainly the unavoidable consequences of the practical politics in the Western democracies, and it is plausible that seeing this Rawls purposely chose to formulate his argument in that way.

Keywords: *political ideologies, liberal egalitarianism, welfare state, public justice.*

ЛИБЕРАЛЬДІ ЖАЛПЫҒА БІРДЕЙ ӘЛ-АУҚАТТЫЛЫҚ
МЕМЛЕКЕТІНІҢ ИДЕОЛОГИЯЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ ҚАНДАЙ? ДЖОН
РОУЛЗТЫҢ «ӘДІЛЕТТІЛІК ТЕОРИЯСЫНА» НОРМАТИВТІ АНАЛИЗ
ЖҮРГІЗУ

Гүлсара Каппасова¹, Мейрамгүл Алтыбасарова², Диас Абетанов^{3*}

¹ Торайғыров университетінің қауымдастырылған профессоры, PhD; Павлодар, Қазақстан, e-mail: kappasova_g@bk.ru,

² Торайғыров университетінің профессоры, саяси ғылымдарының кандидаты; Павлодар, Қазақстан, e-mail: mika_alt68@mail.ru,

^{3*} Торайғыров университетінің оқытушысы, магистр; Павлодар, Қазақстан, e-mail: abetanov.95@mail.ru.

Аңдатпа. Берілген мақалада Джона Роулздың әйгілі «әділеттілік теориясы» қаншалықты деңгейде заманауи Батыс либеральді демократияларының идеологиясын түсіндіре алатындығына талдау жасалынады. Мақаланың басты аргументі бойынша, өз теориясының негізгі бөлімдерінің бірін, «айырмашылық қағидасын» әзірлегенде, «ең нашар позицияда орналасқан азаматтар» деген түсінікті жиі қолданып, оған нақты түсіндірме бермеу, немесе «адам үшін негізгі табиғи игіліктер» деген түсінікке аса назар аудармау, Роулз теориясының ниетті әрекеті еді. Нәтижесінде, Роулз қағидаттары бір-бірімен де, қоғамдық әділдік пен әлеуметтік саясат бойынша логикалық сенімдерге де қайшы келетін секілді. Алайда, мақала қорытындысы бойынша, Роулз теориясының осындай кемшіліктері болып жатқан саяси өмірді қарапайым тұрғыдан түсіндіруге мүмкіндік бере алады, демек Батыс әлемінің демократиялық саясатының кемшіліктері мен артықшылықтарын талдауға да әдістемелік құрал бола алады.

Түйін сөздер: саяси идеология, либеральді теңдік, әл-ауқаттылық мемлекеті, қоғамдық әділеттілік.

КАКОВЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ? НОРМАТИВНЫЙ АНАЛИЗ «ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ» ДЖОНА РОУЛЗА

Гүлсара Каппасова¹, Мейрамгүл Алтыбасарова², Диас Абетанов^{3*}

¹Ассоциированный профессор Торайғыров университета, PhD; Павлодар, Казахстан, e-mail: kappasova_g@bk.ru,

² Профессор Торайғыров университета, кандидат политических наук; Павлодар, Казахстан, e-mail: mika_alt68@mail.ru,

^{3*} Преподаватель Торайғыров университета, магистр; Павлодар, Казахстан, e-mail: abetanov.95@mail.ru.

Аннотация. В данной статье делается попытка проанализировать, насколько известная в социальных науках «теория справедливости» Джона Роулза может служить идеологической основой современных либеральных демократий Запада. Согласно основному аргументу статьи, Роулз в одном из ключевых аспектов своей теории, «принципу разницы», намеренно отказался пояснить что он имел в виду под определением «граждан находящимся в наихудшей позиции», и также намеренно придал мало значению основным естественным благам людей. Это приводит к некоторым противоречиям как в самой теории Роулза, так и в логических убеждениях о том какой должна быть социальная политика и публичная справедливость. Несмотря на такие несоответствия, один из выводов статьи концентрируется на все той же намеренной попытке Роулза сузить нормативные и практические рекомендации своей теории для того чтобы еще более проще попытаться объяснить политическую реальность.

Ключевые слова: политические идеологии, либеральное равенство, государство общего благосостояния, публичная справедливость.

1. An introduction: the difference principle.

It is generally well-agreed that, although published in 1971, John Rawls' theory of justice continues to be not just a normative bases, but it is still a reference guide on why the contemporary welfare states put so much emphasis on redistributing the tremendous amount of economic resources among all members of society in the form of generous unemployment benefits and universally free and high-quality healthcare system [1]. This is the reason on why liberal egalitarianism attracts so many intellectual debates on how justified the politics of Western democracies toward its own citizens is.

Rawls presents this justification as follows¹: not all inequalities are unfair, but only those that harm somebody. If allowing the wealthy and talented to exercise their incomes and talents helps to promote the well-being of the poor and disabled then we say that those inequalities are not unfair, because they are beneficial to all. If there are such inequalities, why do not allow them, hence they profit everybody. This is the argument for Rawls's conception of justice, which he calls 'the difference principle', the principle that ensures that people have a claim to be more wealthy and talented only if they can show that it is not going to make other people sacrificed, but instead will be to the advantage of the least well off. We can regard this principle as a sort of veto that the disadvantaged people can exercise if any of inequalities harm them, without improving their situation.

For Rawls it is important to have that veto, because the current distribution of income and wealth are predominately determined only by the fair equality of opportunity. Any inequalities in income are justified if in allotting advantageous positions and careers that yield those inequalities nobody was discriminated on the basis of their social class, race or gender. Unequal income is just regardless of whether it benefits everybody or only the holder of that lucrative position, because people's success is determined by their actions and efforts, not by social arbitrary contingencies, that are given from birth. The equality of opportunity ensures that any inequality is 'deserved', because we removed social circumstances that are unjust, from the distribution of income and wealth.

But Rawls notes that the fair equality of opportunity does not grasp all arbitrary factors, because being born into ethnical, religious or sexual minorities is equally arbitrary as being born with or without natural talents and abilities, which also in the same degree influence the distributive shares. The difference principle is the better way of dealing with those factors: both social circumstances and natural talents are equally underserved and "the higher expectations of those better situated are just if and only if they work as part of a scheme which improves the expectations of the least advantaged members of society" [3, p.65]. From our point of view Rawls is right that there are circumstances when we have to compensate the least well-off for the income inequalities. But there are cases when the difference principle works in a quite peculiar way that is far from our intuitive conviction of fairness. That is where we attempt to contribute to the discussions about the contemporary liberal theory

Methodology

We employ the normative methodology of political analysis to show that in fact, the Rawls's principle does entail unfair treatment of citizens, and this is because of

1 Here we briefly discuss the difference principle, without commenting on all points of the Rawls argument, like the 'original position' and 'veil of ignorance'. The useful and short manual on all aspects of a 'theory of justice' can be found in Jonathan Maynard's recent article [2].

his ambiguous definition of whom he considers to be the least well off.

The tools of analytic philosophy would be the most useful here, as the fundamental coercive apparatus of a state always derives its legitimacy from what persons think is morally permissible to do to one another. We all have some moral convictions including those that concern others, like the rules of personal conduct; other obligations are about public responsibility and are enforced through politics. The normative analysis strives to determine those obligations that set practical boundaries for the actions of political institutions. Therefore, applied politics is a matter of ideological justification, and this, in turn, is a matter of moral argument, which, in its own turn, appeals to our intuitive convictions of what is right and wrong. We all have reasons why we adhere to these convictions, and these reasons can be organized into systematic explanations of political life. A central aim of normative analysis, we see in evaluating these competing explanations to assess the coherence and strength of their arguments for the justification of their views. We schematically represent how we understand the entire enterprise of the normative analysis.

Figure 1. Normative analysis, as we see it in this study

In Figure 1, we can go either from left to right, or the other way around, but a logic here is that any political action that we observe in a real life is based on some intuitive and moral explanations. This is the reason why we decided to resort to normative analysis in trying to explain a liberal welfare state. More specifically, we improvise a sort of a thought experiment in which we exemplify both a simple life situation and the key pillars of the Rawls' argument. Then, in accordance with the normative methodology, we attempt to derive from this experiment any simple moral judgements. If the results fit our entrenched convictions of justice, then we deem the Rawls' theory as conforming to analytic philosophy. In light of negative results, we discuss in what way either our thought experiment or the argument can be rectified so as to yield any satisfying thought experiment.

In next section we apply this analysis to its most famous ideological justification – Rawls 'difference principle'.

2. Results: Critique of Rawls' argument

2.1. Ambiguous definition of the least well off.

Rawls implicitly says that his conception of justice aims to rectify only undeserved inequalities of birth and natural endowment, and people have to assume the responsibility for the inequalities if they voluntarily choose them. But does the difference principle would work in that way in practical politics?

The sizable body of philosophical literature criticize Rawls in the regard of his emphasis on income redistribution, which many see as an attempt to justify welfare dependence and to discourage entrepreneurial activity [4]. In order to simplify these debates, we suggest to make the following thought experiment. Suppose three people in the original position and behind the veil of ignorance have chosen approximately the similar amount of social and natural primary goods, meaning that they are from the same social background and have the same natural assets. One of them, Jack,

is a boozier, and wants to spend his share of wealth and income only to satisfy his needs in alcohol. Second, Robert, wants to work long enough only to earn money for renting basketball court and to play basketball with his friends at all remaining free time. Third, Jane, used her share of resources to pursue a college degree. It is obvious that Jack will soon get impoverished having spent all his money on alcohol, Robert will sustain his initial share approximately at the same amount, and Jane will come to increase her equal share of resources by using her college degree. Even though they all started with the same portion of natural talents and wealth, they chose different ways of using their distributive shares. But note that the difference principle would only permit the emerged inequality between Jack, Robert and Jane only if it is to the advantage of the least well off, that is, the government has to redistribute some of the additional income generated by Jane to less diligent Jack and Robert.

It is scarcely necessary to add that the reason why Jack chose money-losing drinking and Robert chose non-money making basketball is that they value those lifestyles more than money-making education as Jane did. All three of them chose to do the things that give meaning to their lives, and sometimes people themselves prefer to earn less than the others. Although we equalized arbitrary factors that might influence the distribution of wealth and income, redistributing the income of Jane means encouraging the indolent lifestyles of Jack and Robert. What constitute being 'the least well off' differs sharply among people, and some of them, like Jack and Robert might be in that position entirely by choice. We can see that sometimes the difference principle fails to treat people as equals, because now Jack and Robert can continue to do what they like to do, and Jane has to make more money with her college degree for herself and sponsor their leisure-time activities. There are no any justifiable grounds why they are treated unequally, even though the difference principle works and we have eliminated arbitrary factors.

Basing our judgement on the existing literature, we can say that the difference principle failed to fit our intuitive conviction of justice for two reasons [5]. First, Rawls wanted to mitigate the effect of inequalities in natural talents and social circumstances by making them work for the benefit of the least well. But in practice the difference principle simply forces any inequality to work for the benefit of the least well off. As we have seen some people willingly choose to be the least advantaged and it is far from being fair to make other people bear the expenses of those decisions. The fact is that not all inequalities stem out of the differences in our social background and natural talents, but some of them stem out of the differences in persons' plans of life. Equal treatment means that people be responsible for their plans of life, and even though Rawls admits it, his difference principle does not make any such distinction. We believe this is so because Rawls did not specify what constitutes being the least well off, which made it impossible for his principle to differentiate between any inequalities.

There are other similar critiques of Rawls [6]. Although Rawls says that inequalities of birth and natural endowment are undeserved, but can such capacities as diligence and hard-work be counted as natural advantages? Someone from poor working class without having any considerable natural talents might earn a bigger fortune than others entirely by his own efforts and hard work, as Jane in our previous example did. Note that she, Jack and Robert all had the same background and none of the arbitrary factors influenced their emerged unequal incomes. Some people might say that constant and earnest efforts in pursuing goals are the same as having

a high IQ, while the others might say that it depends purely on the willingness of the pursuer. In any case, if Rawls clarified whether the diligence in pursuing goal is going to be counted as a natural talent, it would be clear what he meant by being the least advantaged. Otherwise his difference principle is going to minify the justifiable outcome of our efforts and actions.

As has already been mentioned, the curious part of the discussion above is that it reflects exactly the content of the contemporary political debates in the legislative assemblies in the developed countries regarding the rationality of the extremely large portion of budgetary resources devoted to social services, like universal and free healthcare, high education, public pensions and social insurance [6]. The provisions of covering everybody, in essence, allows the civil society to feel safe in case of any economic upheavals in the form a reduction of a labor market or the associated pandemics of some diseases. From one hand, this naturally leads to the decrease in poverty levels. But on the other hand, this results in the fact that certain parts of the general population can also feel safe not to bother with the thoughts over sustaining themselves as the government generously provides welfare benefits to everybody, just exactly as Jack and Robert felt in our thought experiment. In the practical politics, the phenomenon that we attempted to simplify via normative analysis, is known as the welfare dependence, and it is often heralded as one of the biggest shortcomings of economically developed democracies. While Rawls' argument, in an attempt to support the normative logic above, turned out to be so influential that it is still referenced to in the practical debates, it is not hard to see the disparities within its logic. In the section on discussions, we will go back to this issue to check the further implications of these shortcomings for practical democratic politics.

2.2. Inadequate attention to natural primary goods.

Rawls says that people behind the veil of ignorance need to choose two kinds of primary goods in order to lead a meaningful life:

“Social primary goods: rights, liberties, opportunities, income, wealth, etc.

Natural primary goods: health, vigor, intelligence, imagination, etc” [7, p.54].

And the difference principle ensures that the one who gets the worst allocation of those goods would receive compensation for his inequality.

As has been pointing out recently in the mainstream literature, Rawls' implication that social and natural primary goods are equal in their value is inadequate [8]. If the original position yielded for us two people with the same share of social goods but one being handicapped, another was not, we would normally regard the first one as being highly disadvantaged, even if the difference principle kept transferring some income to him to compensate for his inequality. They are not treated equally in any case, because healthy person still can use his proper health to earn more money, a chance that the disabled is lacking.

Or, putting it in another way, extra money can help buying medication and recovering from some illness, as well as health technologies can make it easier for the disabled to move. But simply being healthy with the ability to move on your own are still more important, and many people would actually say that none of the money rewards can compensate the absence of that ability. They would say that being healthy is in every aspect is better than being handicapped, regardless of the compensation received. It is a common logic that it is better to be poor but entirely healthy, than to be extremely rich, but mentally or physically ill. In short, natural primary goods are of much more importance for people than the social ones, or in

fact they are even incomparable. But Rawls still considered them as being equally valuable in determining who is the least advantaged.

We can see an inadequate attention of Rawls to natural primary goods in his description of the ways by which the difference principle works. He provides an example of the entrepreneurial class and the class of unskilled laborers and says that the acts of the former incentivizing the economic process and accelerating innovation have to at least contribute to the welfare of the more unfortunate (that is, unskilled laborers), because there is no more reason to permit the unequal distribution of income to be settled by the natural assets than by social and historical fortune [9]. Rawls repeats the same idea several times while describing the difference principle, and his particular emphasis on the distribution of income and wealth makes us think if he actually has defined the least well off only in the units of social primary goods. If it is so, then it explains why the less diligent citizens under Rawls's conception of justice can get benefit without working for it, because as we have said some people voluntarily choose to possess less wealth and income. But that would be a very narrow definition of the least advantaged, since simply being healthy is more precious for many people than suddenly getting the large fortune.

From our point of view those are the normative shortcomings of Rawls's argument for his conception of justice. Even though Rawls did not say it explicitly, we can guess that he had used only social primary goods while deciding who might be the least advantaged, which caused the difference principle to work in a way highly inconsiderate for the hard-working citizens and naturally handicapped. Are there any normative ways to rectify his argument? Before starting the search for the better one, we suggest to consider even further the possible implications of his argument as it is given and try to guess why Rawls might have chosen to construct it in that way and not in the others.

3. Discussion: any ways to rectify the argument?

As it was mentioned before, Rawls invented his difference principle as to make the expectations of those to whom the distribution of natural assets and talents was the most advantageous to at least contribute to the welfare of those to whom that distribution was the least advantageous. But can we in the real life determine what those advantage and disadvantages that might influence the further distribution of wealth and income are? This point stems out of the thought experiment on Jane, Jack and Robert. One of the most important things that people seek to do in their lives is to develop their skills and talents as much as they can, as Jane did. The motivation for that might be either the desire to make more money or the simple satisfaction of progress. But the fact is that people born with different natural capabilities and of varied social background can at some point of their careers end up having approximately the same knowledge and expertise, as well as people starting with the same talents can later found themselves having different levels of skills. Having that motivation to develop skills is of course a big advantage, but the common logic tells us to exclude it from the list of natural assets that need to be compensated, since some people can voluntarily choose not to work hard enough. Therefore we would say that the least advantaged is not a lazy citizen, and the difference principle should be applied only against those who made a fortune by way of their natural endowments, but not efforts.

But what if some people were born with superior natural talents and developed

them further, should the difference principle be applied against them? The outcome would represent both unequal starting position and unequal efforts, and we have to somehow differentiate between them if we want to apply the Rawls's principle and in the same time exclude the hard work from the list of natural endowments. But the point is that there is no way for us to do that. We can provide people with the equality of opportunity and freedom from discrimination, but we can never know whether all people are making enough use of those rights and liberties to improve their lives [10]. There is no dimension measuring how much efforts have been put to the endeavor to achieve the goal. Only the outcome of that endeavor can be such a measurement. If someone achieved a success in something, we say that it was due to both his efforts and talents. It seems that the diligence is indistinguishable from natural assets. We want to exclude the former from the latter, but in practice we are pushed to admit that the ability to work hard is a natural endowment too.

Even if we put away for a while the considerations over the hard work, it is still not clear what sort of natural advantages might influence the distribution of wealth and income [11]. That seems would be highly dependent on what skills people need to achieve their goals in life. For example, in the past such physical characteristics as strength and dexterity were indispensable requirements for nearly everybody, but now we value the mental talents, like mathematical reasoning and critical thinking much more. Any skill that gives an advantage in almost anything can potentially be considered as a natural asset, and a standard by which we judge different skills changes constantly.

Moreover, the differences in natural talents and social circumstances are not the only sources of inequalities. People also suffer from some events in the real world, like political and economic issues, whose occurrence are not their responsibility at all. For instance, in our example Jane might graduate from college with a degree in business right before the 2008 financial crisis, which caused a prolonged unemployment in private sector and consequently almost nullified Jane's chances to find a job. Even though that was her own choice to pursue a college degree, she did not choose to lead an unprofitable live, like Jack and Robert did, and if she had known it, she would have majored in a different field of study. For many people the Crisis was a completely unexpected event, and we would normally say that the difference principle should compensate for the inequalities like this, even if those inequalities were actually the consequence of people's own choices and efforts.

In short, there are immense difficulties in determining what natural factors and circumstances make people the least well off, which form the whole ambiguity around that term. But we need to find the moral grounds that can serve as a basis for people's claim for compensation for their inequalities. As it was mentioned in section 2.2. we have the reasons to think that by the least well-off Rawls assumed only the possession of social primary goods and it actually where all our critique came from. But we can also consider Rawls's approach as the way to deal with all difficulties we have outlined above. Note what might happen if we define the least advantaged only in the units of social primary goods:

- 1) we would have to tax the hard-working citizens and redistribute their wealth to the less-assiduous ones, because there are no ways for us in the real life to differentiate the diligence from the natural endowments. But in that case the hard-working citizens still would make more money, even if they simultaneously support the indolent life-styles of their bone-idle fellows;

- 2) we would not need to bother determining the natural advantages influencing the distribution of wealth and income at all;
- 3) we would be only interested in equalizing outcomes, including inequalities brought about by the events over which people have no control.

It is extremely hard to differentiate between natural factors that cause the inequalities [12]. If we try to determine how much efforts the individual has put to get rid of his inequality, it is more likely that we will decide that he did not work hard enough, meaning that someone lacking proper natural talents and social circumstances will be unfairly disadvantaged. And on the contrary, if we concentrate more on the natural talents and social circumstances, then the lazy citizens will have more chances to free ride. There is no middle ground between the two approaches and we have to pay more attention to inequalities rather than factors, if we indeed want to mitigate the inequalities. This necessity to adapt the narrow definition of the least well off might sound rather disappointing, but we need to simplify the reality to fulfill our moral intuition about the arbitrariness of natural contingency and social fortune [13].

The same logic can be applied to natural primary goods. It is true that the handicapped person suffers more from his disadvantage than the simply poor one, and it is equally true that nothing can compensate the lack of health. But while admitting it, what also can we do, except at least not to try and compensate the handicapped for his disadvantage? The difference principle can provide him with money for medication and technologies alleviating the degree of sufferings to some extent, serving as a 'second-best' response to a problem.

4 Conclusion

If we agreed to define the least well off only in units of social primary goods and included the hard work to the list of natural endowments, what might the normative argument for that reasoning look like? Although the answer might sound even more disappointing, from our point of view the 'difference principle' is that justification. As we said in the very beginning, since the tremendous expansion of both liberal ideas and welfare state in the world following the events of World War II, the Rawls's argument served the role of satisfying framework within which people could make sense of why this expansion has been happening. Our critique of the 'difference principle' is only one of many of those discussions still revolving around whether it is justified that Western democracies spend so many to sustain unemployed, or simply unwilling to work.

Below we attempt to derive some conclusions from these discussions and our own invented thought experiments. First, is that we can only say, exactly like Rawls did, that citizens of welfare states have to assume the responsibility for their actions, without being able to make distinctions between cases where people have assumed enough responsibility and cases where they have not. If we agree that we have to mitigate the arbitrariness of natural contingency and social fortune in order to decrease the inequalities in the world, then we also have to find some sort of compromise in considering what might be counted as a natural contingency. Rawls's argument which defines the least well off as a possessor of the minimum amount of social primary goods and which allows the lazy citizens to free ride is that concession, because we think that our final goal about making the existing inequalities less severe is still more important.

Second, while the most of the critique is certainly valid (and we hope our own is too), ‘the difference principle’ does not entail that welfare states’ proponents should feel comfortable with sacrificing the hard-working citizens, because they still can make more incomes under Rawls’s argument. This argument is a sort of a second-best way in fulfilling our moral convictions of justice, and our expectations are that discussing it within a framework of normative analysis helps to illuminate the justification of the contemporary welfare states’ politics. The last tentative conclusion that we can make, is that agreeing with all valid comments regarding ‘the difference principle’, it is still the most likely direction where both politics and intellectual discussions in developing countries are going to proceed in the near future. All in all, the Rawls’ argument does provide ideological justification for liberal egalitarianism, but regardless, we still need to know its shortcomings and related scholarly debates around it.

References

1. Schemmel C., Picot G. Why We Need Minimum Wages: Pay, Recognition, and Economic Citizenship // *American Political Science Review*. – 2024. -Vol 1. – P.1-14
2. Maynard J. The logic of idealization in political theory // *American Journal of Political Science*. – 2024. -Vol 1. – P.1-13
3. Rawls J. *A Theory of Justice: Revised Edition* // Harvard University Press. -2020. – P. 560.
4. Billingham P. Perfecting justice and legitimacy? // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. – 2024. – Vol 3. – P. 34-89
5. Mitchell D. The Priority of Justice // *Researching justice*. – 2024. - Vol 3. – P. 45-93
6. Mohd Waza A., Ekambaker P. Analysis of the Impact of Justice Theory in Public Administration // *International Journal of Integrative Research*. – 2024. - Vol.2. – P. 145-156
7. Rawls J. *A Theory of Justice: Revised Edition* // Harvard University Press. -2020. – P. 560.
8. Banet-Weiser S. Diversity as Distributive Justice // *Polity*. – 2023. – Vol 57 (1). - P.
9. Salsman R. Nozick on Taxation: The Necessity of Funding the Legitimate State // *The Independent Review*. – 2024. – Vol 29. – P.203-251
10. De Micco F., Scendon R. Three Different Currents of Thought to Conceive Justice: Legal, and Medical Ethics Reflections // *Philosophies*. – 2024. – Vol 9 (3). – P. 61-98.
11. Goff S. When Is Work Unjust? Confronting the Choice between ‘Pluralistic’ and ‘Unifying’ Approaches // *Journal of Applied Philosophy*. – 2023. – Vol 3. – P.115-171.
12. Balashov D.V. Distributivnyye teorii spravedlivosti: ot utilitarizma i obratno [Distributive Theories of Justice: From Utilitarianism and Back] // *Filosofiya, etika, religiovedeniye*. – 2022. – Vol 3. – P.7-23.
13. Pogge T. Parochialism, plutocracy, philanthropy and global justice: a dialogue // *Journal of Global Ethics*. – 2024. – Vol 21. – P. 42-64.

Материал поступил в редакцию 19.02.2025
Утвержден к публикации 22.09.2025

ЭВОЛЮЦИЯ КУРУЛТАЯ В ГЕОКУЛЬТУРНОМ И КРОСС- ТЕМПОРАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Зубайда Сураганова¹
Нурбек Пусырманов^{2*}
Куандык Какимов³

¹ Главный научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи КН МНВО РК, кандидат исторических наук, Астана, Казахстан; e-mail: suraganova_zk@mail.ru

^{2*} Директор Института истории государства КН МНВО РК, PhD, Астана, Казахстан; e-mail: nurbekp89@gmail.com

^{3*} Научный сотрудник Института истории государства КН МНВО РК, докторант, Астана, Казахстан; e-mail: kakimoff01kz@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.002>

Аннотация. Статья представляет собой попытку показать эволюцию полисемичного феномена «курултай» в панораме социально-политической истории Евразии, начиная от древности до современности.

Курултаи остаются реальностью политической и общественной жизни тюрко-монгольских народов в позднее средневековье. В этот период курултаи демонстрируют как консолидирующие, так и центробежные устремления политической элиты. Они по-прежнему созываются весной и осенью для проведения ритуалов интронизации и обсуждения жизненно важных для государств Центральной Азии вопросов, включая законодательческие, военные и хозяйственные.

С укреплением нациестроительства в XX веке Китае и СССР, где этнокультурная специфика подвергается нивелировке курултай как политический феномен и слово исчезают из политического лексикона и практики народов, территории проживания которых инкорпорированы в их состав.

В конце 1980 и начале 90-х гг. процесс суверенизации, охвативший национальные республики СССР и субъекты Российской Федерации (Алтай, Бурятия, Башкортостан, Калмыкия, Тыва), привели к возрождению, казалось бы, забытого явления. Сегодня курултай и хурал – неотъемлемая часть современной политической культуры тюрко-монгольских народов.

С одной стороны, это свидетельство силы их исторической и культурной памяти. С другой, на примере Казахстана видим стремление политической элиты использовать потенциал традиционного института с тем, чтобы расширить участие народа в принятии важных для государства решений.

Ключевые слова: *курултай, quriltai, курылтай, эволюция политического института, империя Чингисхана, Улус Джучи, Казахское ханство, власть*

ҚҰРЫЛТАЙДЫҢ ГЕОМӘДЕНИ ЖӘНЕ КРОСС-ТЕМПОРАЛЬДЫ ӨЛШЕМДЕРДЕГІ ЭВОЛЮЦИЯСЫ

Зұбайда Сұрағанова¹, Нұрбек Пұсырманов^{2*}, Қуандық Какимов^{3*}

¹ ҚР ҒЖБМ ҒК Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институтының бас ғылыми қызметкері, тарих ғылымдарының кандидаты, Астана, Қазақстан, e-mail: suraganova_zk@mail.ru

^{2*} ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры, PhD, Астана, Қазақстан, e-mail: nurbekp89@gmail.com

^{3*} ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институтының ғылыми қызметкері, докторант, Астана, Қазақстан, e-mail: kakimoff01kz@gmail.com

Аңдатпа. Мақала «құрылтай» полисемиялы феноменінің Еуразияның әлеуметтік-саяси тарихындағы даму кезеңдерін ежелгі күннен қазіргі уақытқа дейін көрсетуге бағытталған.

XIII ғасырдағы моңғолдардың Құпия шежіресінен «Yeke Qurilta» ұғымының ежелгі түркі тіліндегі «quriltaj» сөзінен жазбаша түрде тіркелуі Шыңғыс ханның империясының қалыптасуында ру-тайпалық жиналыстардың орныққан дәстүрін, сондай-ақ олардың саяси риторикасы мен тәжірибесінде екітілділіктің бар екенін дәлелдейді.

Құрылтайлар кейінгі орта ғасырларда түркі-моңғол халықтарының саяси және қоғамдық өміріндегі нақты құбылыс болып қалды. Осы кезеңде құрылтайлар саяси элитаның біріктіруші және орталықсыздандыру бағытындағы ұмтылыстарын көрсетеді. Олар әлі де көктем мен күз айларында тәж кию рәсімдерін өткізу және Орталық Азия мемлекеттері үшін маңызды заң шығарушылық, әскери және экономикалық мәселелерді талқылау мақсатында шақырылады.

XX ғасырда Қытай мен КСРО-да ұлт құру процесі күшейіп, этномәдени ерекшеліктер біртіндеп жойылған кезде, құрылтай саяси феномен және термин ретінде саяси лексика мен тәжірибеден жоғалып кетті, өйткені оның дәстүрі осы мемлекеттердің құрамындағы халықтардың өмір сүрген аймақтарында тоқтатылды.

1980 жылдардың аяғы мен 90-жылдың басы КСРО ұлттық республикалары мен Ресей Федерациясының субъектілерінде (Алтай, Бурятия, Башкортостан, Калмыкия, Тыва) егемендік процестері басталып, бұл ұмытылған құбылыстың қайта жаңғыруына алып келді. Қазіргі таңда құрылтай мен хурал – түркі-моңғол халықтарының қазіргі саяси мәдениетінің маңызды

құрамдас бөлігі болып табылады. Бір жағынан, бұл олардың тарихи және мәдени жадының мықтылығын көрсетсе, екінші жағынан, Қазақстан мысалында саяси элитаның дәстүрлі институт әлеуетін пайдалана отырып, халықтың мемлекет үшін маңызды шешімдер қабылдауға қатысуын кеңейтуге ұмтылғаны байқалады.

Түйін сөздер: *курултай, quriltai, құрылтай, саяси институт эволюциясы, Шыңғыс хан империясы, Ұлыс Жошы, Қазақ хандығы, билік.*

THE EVOLUTION OF THE KURULTAI IN GEOCULTURAL AND CROSS-TEMPORAL DIMENSIONS

Zubaida Suraganova¹, Nurbek Pussyrmanov^{2*}, Kuandyk Kakimov^{3*}

¹Chief Researcher of the Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences, Astana, Kazakhstan, e-mail: suraganova_zk@mail.ru

^{2*}Director of the Institute of State History Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, PhD, Astana, Kazakhstan, e-mail: nurbekp⁸⁹@gmail.com

^{3*}Researcher of the Institute of State History Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, doctoral student, Astana, Kazakhstan, e-mail: kakimoff⁰1kz@gmail.com

Abstract. This article is an attempt to trace the evolution of the polysemous phenomenon of the kurultai within the socio-political history of Eurasia, from ancient times to the present day.

Kurultais remained a reality of the political and social life of the Turkic-Mongol peoples during the late Middle Ages. In this period, kurultais reflected both consolidating and centrifugal tendencies of the political elite. They continued to be convened in spring and autumn for enthronement rituals and for discussions of vital matters for the states of Central Asia, including legislative, military, and economic issues.

With the strengthening of nation-building in the 20th century in China and the USSR—where ethnocultural specificities were largely leveled—the kurultai as a political phenomenon and term disappeared from the political lexicon and practice of the peoples whose territories were incorporated into these states.

In the late 1980s and early 1990s, the process of sovereigntization, which affected the national republics of the USSR and subjects of the Russian Federation (Altai, Buryatia, Bashkortostan, Kalmykia, Tuva), led to the revival of what had seemed a forgotten institution. Today, the kurultai and khural are an integral part of the modern political culture of Turkic-Mongol peoples. On the one hand, this reflects the strength of their historical and cultural memory. On the other, using Kazakhstan as an example, we see the political elite's aspiration to utilize the potential of this traditional institution to expand public participation in decision-making on issues of state importance.

Keywords: *kurultai, quriltai, evolution of political institution, Genghis Khan's Empire, Ulus of Jochi, Kazakh Khanate, power*

Введение

Если, как утверждает Ф. Фукуяма, «государство – древний институт человеческой цивилизации, возникший около 10 000 лет назад» [1, с. 2], то позволим себе заявить, что составлявшие его институциональные образования – не менее давняя традиция управления общественным устройством. Одни из них – курултай или его производное – хурал, которые обладали рядом универсальных черт, характерных для других аналогичных институтов, развивавшихся у самых разных народов мира. К их аналогам можно отнести европейские институты Альтинг (alpingi, X в.) [2], Новгородское и Псковское Вече [3], Хофтаг (Hoftag) – собрания элиты с участием правителя или без него [4]. Всех их объединяет роль фактора, сдерживающего единоначалие и централизацию власти в руках одного человека. Поэтому, рассматривая курултай, И.Л. Измайлов их ближайшими аналогами, как системы сословной демократии, признает «средневековые европейские генеральные штаты и парламенты. По сути, это была феодальная альтернатива автократической власти хана» [5, с. 170-171].

Определение понятию «курултай» впервые дается в письме очередного главы Дома Ильханидов султана Ахмета Никудара (1281-1284), направленного в адрес египетского султана Сейфоддина: «Мы созвали у себя Курултай, т.е. собрание, в котором излагаются мнения всех братьев, детей, важных эмиров, военачальников и ленных офицеров» [6, с. 109].

Научное осмысление феномена курултай начинается в начале XX в. и остается актуальным до сих пор. Историография предлагаемой к рассмотрению проблемы отличается солидной базой и многообразием подходов в ее исследовании.

Феномен «курултай» рассматривался в работах авторов XIX в. (А.И. Левшин, Г.И. Спасский), советских (В.В. Бартольд Б.Я. Владимирцов), российских (В.П. Гулевич, И.К. Загидуллин, И.Х. Камалов, Н.М. Моллеров, Р.Ю. Почекаев, Ф.З. Саидов, Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов, А.Г. Юрченко), отечественных (М.С. Калиаскарова, Г.Б. Қозғамбаева, Р.Д. Темиргалиев, К.З. Ускенбай), кыргызского (А.К. Сатыбалдиева) и зарубежных (Г.В. Вернадский, Ф. Ходоус, М. Фаверо) исследователей. Учитывая многочисленность исследователей, обращавшихся к рассматриваемому вопросу, в настоящей работе указаны имена лишь тех, на чьи труды ссылаются авторы.

Анализируя общественный строй монголов, Б.Я. Владимирцов определяет курултай как «сходку», «собрание для совета» или «совет всех родовичей» и, наконец, – «великое собрание царевичей-членов «Золотого рода» (kobegiin), ханских зятьев (kiirgen – giirgen) и ноянов-господ, темников и тысячников», отказывая ему при этом в сколько-нибудь организованном учреждении [7, с. 79, 99, 115]. Вслед за А.И. Левшиным В.В. Бартольд обозначает курултай как сейм [8, 6. 169; 9, с. 48], что отсылает к историческому наименованию сословно-представительного собрания, характерного для Польского и Литовского государств. Под курултаем В.В. Трепавлов понимал «всесословное совещание по важнейшим вопросам жизни хан-

ства» [10, с. 19]. В исследовании, посвященном эволюции курултая в тюрко-монгольских государствах XV–XIX вв., Р.Ю. Почекаев приходит в том числе к выводу о том, что под влиянием государств-соседей (Китай и Россия) курултай был практически заменен «новыми структурами, принципиально иными в правовом отношении» [11, с. 117].

Американская исследовательница Ф. Ходоус высказала предположение, что главной функцией курултая являлось формальное предоставление полномочий новому члену представительного собрания или принятие новых решений [12, р. 91]. Исследуя значение курултая от самых ранних степных обществ до его выдающейся роли в Монгольской империи, М. Фаверо обращает внимание на тот факт, что после 1206 г. курултай стал ключевым институтом управления монгольского улуса [13, р. 40].

Имея столь обширную историографическую основу, мы определили нашей целью показать эволюцию курултая как политического института и его жизнеспособность, опирающуюся на устойчивость памяти наследников степной традиции. Достижению этой цели послужат как исторические источники позднего средневековья, работы исследователей, обращавшихся к рассматриваемой проблеме, так и современные интернет-ресурсы.

Методы исследования

Статья представляет собой кросстемпоральный обзор эволюции феномена курултай в широком временном и географическом диапазонах.

В качестве теоретической основы работы использованы концепции Ф. Фукуямы «противогосударственной политической культуры», А. Кожева об авторитарно-потестарной власти и Я. Ассмана о помнящей культуре или культурной памяти.

Эволюция политической традиции, какой является курултай, его устойчивость в политической культуре степной Евразии и актуализация в современных условиях свидетельствуют о том, что его можно рассматривать как нематериальное культурное наследие, а также как «культурный и структурный фактор», отражающий «способности общества быть субполитическим, что связано с моральными нормами, шкалой ценностей и культурой», обуславливающими *«спрос на те или иные институты, позволяя развивать или сдерживать определенный тип официальных учреждений, в том числе лишние или самые необходимые, порождая определенные нужды или фобии»* [1, с. 48].

В концепции А. Кожева власть отождествляется с авторитетом власти (auctoritas - potestas). «Теория «политической Власти» тем самым есть не что иное, как теория Авторитета (проявляющегося в политической «области»); точнее, она есть применение (теоретическое) теории Авторитета к Политике (т. е. к Государству). Поэтому, чтобы избежать всяких двусмысленностей, следует указать на тождество терминов «политическая Власть» и «политический Авторитет», пишет он [14, с. 97].

Исследование устойчивости феномена курултай, сохраняющего актуальность, если учесть лишь письменные источники, на протяжении более восьмисот лет (1182-2025 гг.) опирается на теорию памяти, а конкретнее на концепцию Я. Ассмана, который обратил внимание на тот факт, что «вокруг понятия воспоминания складывается новая парадигма наук о куль-

туре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте» [15, с. 12].

В качестве методики работа опирается на историографический анализ литературы по рассматриваемой проблеме, а также на историко-генетический и историко-системный методы.

Результаты и обсуждение. Одним из самых символически знаковых событий, упоминаемых в Тайной истории монголов, является Yeke Qurilta – Всемонгольский Великий Сейм, избравший Чингисхана (§ 282) [16, с. 199, 320]. Так, начиная с эпохи империи Чингизидов понятие «*quriltaj*» – «курултай» прочно входит в политическую культуру Евразии..

Курултай в имперское и постимперское время

О первом курултае, с которого начинается взлет политической карьеры Чингисхана, свидетельствуют строки из «Сокровенного сказания монголов». После похода на меркитов и освобождения Борте, сторонники нового лидера «посоветовались между собою... и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом» [16, с. 108]. По предположению отечественного историка К. Ускенбая, это событие произошло в 1182 г. на курултае, во время которого «он получил свой грозный титул Чингиз-хан» [17, с. 37]. У Рашид-ад-дина годом наречения Темучжина именем Чингисхан указывается более поздняя дата – 1206 г. [18, с. 150]. Обе позиции примиряет Т.И. Султанов, поясняя: «За военные доблести и выдающийся ум монгольские роды и племена дважды, около 1189 г. и в 1206 г., избирали Темучина ханом и положили ему титул Чингисхан, совершенно вытеснивший его личное имя» [19, с. 12]. Воинская доблесть, харизма и авторитет в итоге позволили Темучжину возглавить нарождающуюся империю.

С приходом на мировую политическую арену харизматической фигуры Чингисхана в конце XII в. ситуация радикально меняется. Он модернизирует курултай, расширяя его полномочия, придав ему наряду с судебной функцией также законотворческую и исполнительскую, окончательно превратив курултай в политический институт, органично сочетавший в себе функции института-нормы и института-практики в политической системе империи Чингисхана. В этот период «судебная власть очевидным образом соответствует авторитету Судьи. Законодательная власть соотносится с авторитетом Вождя – у него «инициатива», он предлагает «проекты» решений по поводу будущего. Исполнительная власть связана с авторитетом Господина: она осуществляется в настоящем, она, по преимуществу, есть «действие», она требует от своего представителя полной «самоотдачи», подчинения всего, вплоть до самой жизни, Государству, т.е. чему-то по самой своей сущности не биологическому» [14, с. 101-102].

Строго говоря, всемонгольскими курултаями, на которых присутствовали большинство представителей «Алтан Уруга», можно считать курултай, которые состоялись между 1182 г. и 1269 г. Если опираться на эти даты, получается, что в политической культуре империи Чингисхана всемонгольские курултай как политический институт просуществовали лишь 87 лет. За указанный период из «родовых собраний», состоявшихся на берегах рек Сэнгур и Онон, курултай вырос до уровня имперского военно-по-

литического института, участие в деятельности которого способствовало знати вновь завоеванных территорий войти в состав новой правящей элиты *Raх Mongolica* [20, с. 7] вне зависимости от этнической принадлежности и вероисповедания. Политические стратегии памяти в условиях формирования огромной империи поставили перед ее создателями задачу сотворить метауровень культурной рефлексии с целью консолидации многонациональной элиты во главе с Золотым Родом и через нее распространить автохтонную степную традицию из самого сердца империи на ее периферию. После Таласского курултая на огромной территории Евразии теперь уже на улусных курултаях восходили на престол новые правители – наследники «турт кулук» [21, с. 95]. Письменные источники позволяют обозначить обширное пространство распространения института, начиная от Восточной и Центральной Азии – на востоке, Среднего Востока и Восточной Европы. Практически везде можно отметить аналогичность в содержании повестки и характере рассматриваемых на курултае вопросов, связанных с престолонаследием, перспективами военно-политических мероприятий, ключевыми инвестициями, пересмотром пределов улусов и кочевий, судебными и брачными делами, поощрениями и наказаниями [20].

Курултай в Новое время

В Новое время курултай переживает качественную трансформацию, вызванную распадом государств-наследников империи Чингисхана и значительной утратой политического веса потомков Потрясателя Вселенной. Внутридинастийный кризис, неоднократно сотрясавший «Золотой род», к началу XIV столетия стал основанием для созыва курултая не только его представителями. Примером, демонстрирующим утрату реальной власти Правящим кланом, является созыв темником Ногаем чингизидов весной 1300 г. с целью разрешения политического противостояния между ними: «Я хочу собрать курултай, чтобы с вами уладить дело» [22, с. 71]. Курултай, состоявшийся после смерти Сафа Герейя в Казани в 1549 г. при деятельном участии беклярбека Мамайя, вельмож и военачальников, взял «на себя функции временного верховного правительства с правом издания соответствующих актов до вступления на престол нового хана» [23, с. 855]. Оценивая силу политической элиты, способной оказывать влияние на политику в целом, включая контроль над избирательным собранием, Г.В. Вернадский подчеркивает, что фактически «в XIV веке они представляли собою социальную и военную олигархию, с которой должен был считаться каждый император и хан» [24, с. 139]. Кроме того, во всей тюрко-монгольской ойкумене в средневековье наблюдается участие в курултаях религиозных деятелей – буддистов в Монголии и мусульманского духовенства [11, с. 114-116].

Несмотря на недостаток исторических сведений о курултаях в постимперский период, этот институт, уверенно заявляет М. Фаверо, оставался жизнеспособным продолжительное время [25]. Так, в русских летописях отмечается смена крымских правителей Нур-Девлета на Менгли-Гирея I во второй половине XV в. [26, с. 128]. В это время курултай в Крымском ханстве служил высшим советом государства, поскольку его «политическая организация ориентировалась на ордынскую» [27, с. 86].

Политическую элиту империи Чингисхана и государств ее преемников можно отнести к т.н. «горизонтальным» образованиям, поскольку в них «культура оказывает стратифицирующее воздействие и очень слабо распространяется книзу или не распространяется вовсе» [15, с. 162], т.е. на примере Московского государства можно утверждать, что ордынские политические институты и модели закрепились лишь в практике политической элиты территорий, некогда входивших в Монгольскую державу [28, с. 25; 112-113, 276].

Главным отличием курултаев в постимперскую эпоху, по мнению Р.Ю. Почекаева, стало сведение его полномочий к одной из прежних функций – проведению «формальных мероприятий по возведению в ханы того или иного претендента на трон. Однако в некоторых государствах за ними сохранялись и другие полномочия» [11, с. 114]. Это находит подтверждение на примере Казахского ханства, где курултай традиционно проводились летом [29, с. 134 (190)] или осенью [30, с. 390]. На них рассматривались в том числе «вопросы кодификации обычаев, законодательных норм, которые затем утверждались» [31, с. 8], что позволяет исследователям условно отнести рассматриваемый институт к парламентскому органу [31, с. 27]. Особенностью политической культуры казахов являлось признание власти хана и подчинение ему, как отмечает А.И. Левшин, только теми родовыми группами, что принимали участие в его избрании [8, с. 164]. Власть казахских чингизидов к началу XVIII в. отличалась номинальным характером, в то время как ее действительными носителями являлись племенные родоправители, что подтверждается источниками: «Киргиз-кайсаки издревле признавали над собою власть старших в своих семействах и родах» [29, с. 111]. Описывая систему управления в Казахской Орде, наблюдатели отмечали «непрочность властей»; отказывая ей в наличии «самостоятельного политического бытия» [8, с. 156] и подчеркивая, что в большинстве своем казахи «управляются самопроизвольно избранными старейшинами (Аксакалами), Биями, Батырами и Султанами» [8, с. 164]. Известно, что «батыры в степи играли роль не только отважных рыцарей, но и всесильных» политических акторов, способных не только ставить, но и ниспровергать ханов, а также начинать войны и заключать мир [32, с. 7]. Столь кардинальной трансформации способствовали принятые на курултаях правовые реформы: «Қасымханның Қасқа жолы» – «Чистый путь хана Касыма» (перв. четв. XVI в.) и «Есімханның Ескі жолы» – «Старинный путь хана Есима» (к. XVI – перв. треть XVII в.). Указанные реформы демонстрируют отступление «от законов Ясы, то есть урезание собственных ханских полномочий», а «ханская власть окончательно приобрела номинальный характер» и государство «к началу XVIII в. фактически превратилось в конфедерацию родов и племен», где курултай мог созывать даже состоятельный скотовладелец – бай [32, с. 35, 44].

Описанное положение представляется, по определению Ф. Фукуямы, как доминирование признаков «противогосударственной политической культуры» [1, с. 19], выражавшейся в рассматриваемых условиях в использовании формата курултая для ограничения укрепления власти ханов, где не только чингизиды, под властью которых находились номинально под-

чинявшиеся им племена, но и влиятельные главы крупных племенных групп определяли политический климат.

Кризис власти, враждебное окружение ставили перед властью предрешенными в XVII-XVIII вв. насущные вопросы, включая самый важный из них «быть или не быть Казахскому ханству»? – все они рассматривались на курултаях. Значительность обсуждаемых проблем привела к их фиксации в исторической памяти казахов. Среди них – курултай по случаю принятия близ г. Туркестана свода законов Тауке хана «*Жеті жарғы*» («Күлтөбе құрылтайы», 1670-е гг.) [33]. За несколько десятилетий до этого события, в сентябре 1640 г. в Тарбагатае, в орде хунтайджи Батура, сына чоросского хана Хара-Хула, объединившего «под своей властью весь ойратский союз» [34, с. 98], созывается съезд, который В.В. Бартольд именует словом «курултай», а в биографии Зяя-Пандиты он обозначен как «чулган Семи хошунов (т.е. Халхи)», т.е. «ханов и князей Халхи, Кукунура, Джунгарии и Поволжья» [35, с. 113]. Историческое значение собрания состоит в том, что на нем было обнародовано знаменитое Их Цааз – «Великое уложение» [36]. Анализ монголо-ойратских законов и принятых позднее *Жеті Жарғы* – «*Семь Установлений*» при Тауке хане (1680-1718) демонстрирует при всех параллелях и «существенные отличия, поскольку в казахском обществе не было такой более всеобъемлющей власти государства над подданными, как в Джунгарском и Калмыцком ханствах... Если в «Уложении» Тауке-хана есть понятие преступления против личности, но нет понятия преступления против государства, то в «Их Цааз» за преступления против государства предусмотрена целая система жесточайших наказаний» [37, с. 33].

В исторической и культурной памяти казахов сохранились также названия курултаев, сыгравших жизненно важную роль в лихие годы войны с джунгарами. В их числе славу стяжали курултай близ г. Сайрама («Мәртөбе құрылтайы», 1670-е гг.) [33], в Каракумах («Қарақұм құрылтайы», осень 1710 г.) и долине реки Бадам («Ордабасы құрылтайы», осень 1726 г.) [38, с. 173; 221]. Благодаря им казахскому ополчению удалось обеспечивать организованное сопротивление против джунгаров и не только сохранить, но и расширить жизненное пространство.

В XVIII-XIX вв. Китай и Россия расширяют свои восточные пределы, инкорпорируя новые территории. В восточной части тюрко-монгольской ойкумены Монголия в 1691 г. признала свою зависимость от Китая. В 1730-40-е гг. Казахстан включается в сферу интересов Российской империи, что в конечном итоге приводит к деградации курултая, который превращается в результате российских реформ в представительный институт – коллегия выборщиков из числа султанов, по статусу бывшую ближе к семейному совету, но выполнявшую по сути функции курултая [11, с. 116].

В это время на территории Центральной Азии продолжали проводить курултай, на которых обсуждались важнейшие политические проблемы. Наиболее заметными среди них были те, где восходили на престол новые правители. Известно, что в это время на курултаях поднимали на белой кошме правителей Кокандского [39, с. 102, 201, 212, 239, 251, 379, 384, 428] и Казахского [40, с. 162] ханств. В Улытау в начале 1840-х гг. казахи подняли на белой кошме своего последнего хана – Кенесары [41, с. 19, 23]. Практи-

чески в это же время один из видных кыргызских родоначальников Ормон Ниязбек уулу избирается лидером северокыргызских племен [42, с. 128].

Курултай в Новейшей истории Евразии

Общий взгляд на курултай в Новейшей истории показывает их ревитализацию в политическом и общественном пространстве Евразии. Только в течение XX в. они созывались на территории Российской империи: Уфимский курултай, 1905 г. [43]; I Курултай крымскотатарского народа, 1917 г. [44]) и Советского Союза (курултай Крымской Советской Республики Тавриды, 1918 г. [45, с. 59]; I-III Всехорезмский Курултай Советов, 1920-22 г.; I-III Всебухарский курултай 1920-1923 г., Республиканский курултай хлопкоробов (Узбекская ССР, 1944 г.), Тувинской Народной Республики (Всетувинский учредительный хурал, 1921 г.; I-V Великие Хуралы в Туве, 1923-1941 гг. [46], Малый Хурал, 1944), Восточной Монголии (Малый Хурал, 1946 г.; Временный Малый Хурал, 1947) [47, с. 331-341].

Необходимо подчеркнуть, что указанные выше события и мероприятия, несмотря на объединяющее их название курултай, кардинально отличались социальным составом, имели разные задачи, организовывались различными политическими и социальными группами и соответственно имели разнообразные последствия. Из перечисленных выше курултай хлопкоробов [48] был напрямую связан с производственной деятельностью, все остальные являлись частью политических процессов, призванных консолидировать этнические сообщества и направленных на законотворческую рефлексию. Ряд из них представляет попытки создания парламентских институтов. Так, на I - III всехорезмских курултаях советов (1920-22 гг.) утверждались название нового государства – Хорезмская Советская Народная Республика, государственная символика; осуществлялась законотворческая деятельность в виде трех редакций Конституции [49, с. 99-111]. В ней заявлялось «освобождение народа от ханской власти и империалистического гнета» [49, с. 103]. То же самое происходило в 1920-22 гг. в Бухаре. В ходе курултаев Советов обсуждали и принимали Конституцию Бухарской Народной Советской Республики [49, с. 112-126]. Главной задачей состоявшегося 13 апреля 1949 г. в Дингуане курултая – «собрания высшей родовой и земельной аристократии» монголов – определено создание Алашаньской Республики [47, с. 354-355].

На востоке Центральной Азии, в Монгольской Народной Республике (1924 г.) и Восточной Монголии (до к. 1940-х гг.) законодательные собрания, согласно традиции, именовались соответственно: Великий хурал (1924 г.) и Временный Малый Хурал [47, с. 341]. До 1921 г. МНР (до 1921 г. – Внешняя Монголия), как и Внутренняя Монголия, являлась с конца XVII в. частью Маньчжурского Китая. В течение десятилетия, с 1911-1921 гг., Внешняя Монголия находилась в дрейфующем состоянии между обретением независимости и автономизацией от Китая. В 1921 г. эта часть территории, населенной монголами, при поддержке Советской России окончательно получила независимость. Вместе с тем, Китай всеми возможными способами противодействовал международному признанию независимости МНР вплоть до окончания Второй мировой войны. Только благода-

ря союзничеству СССР, который официально не предпринимал практических шагов, сдерживающих стремление монголов к суверенизации в январе 1945 г., в то же время способствовал независимости МНР. Поэтому не удивительно, что под патронажем одного из советников Москвы (П.В. Всевятский) разрабатывается текст первой конституции МНР, принятой на Первом Великом Хурале в ноябре 1924 г. [50, р. 190]. Важно отметить, что курултай как законодательные органы и во Внутренней, и во Внешней Монголии проводились в условиях роста национально-освободительного движения. Их наследием сегодня является высший законодательный орган (парламент) в МНР, именуемый Монгольский Великий Государственный Хурал (Монгол Улсын Их Хурал) [51].

В 1920- конце 1940-х гг. курултай и хурал в качестве традиционных названий представительных органов в политической культуре тюрко-монгольских народов исчезают из политического лексикона более чем на полвека и в Китае, и в СССР. Высшее руководство этих стран способствует нивелированию этнических наименований политических институтов, кроме того, они не были заинтересованы в ревитализации самой идеи возрождения курултая, поскольку она была напрямую связана с историей последней степной империи Евразии.

Последнее десятилетие XX в. курултай и хурал возвращаются на политическую арену Центральной Евразии. Среди них особняком стоит Кош-Агачский курултай, организованный казахской общиной в 1989-1990 гг. в Республике Алтай. Он характеризуется исследователями как «наиболее сильный и влиятельный» совет старейшин среди российских казахов [52, с. 87].

Парад суверенитетов союзных республик (1988-1990 гг.) привел к их независимости в декабре 1991 г. и возрождению политической институции – курултай в Казахстане и Кыргызстане.

В Казахстане отличие курултаев определяется целями и задачами, которые они призваны решать в далекой или близкой перспективах. Впервые в постсоветский период в Казахстане слово курултай актуализировалось в названии Қазақтардың Дүниежүзілік құрылтайы – «Всемирный курултай казахов», который прошел с 29 сентября по 3 октября 1992 г. в г. Алматы. В ходе мероприятия была создана Всемирная Ассоциация казахов (ВАК), ставшая важным связующим звеном в налаживании контактов с соотечественниками из около сорока стран мира [53].

Новое тысячелетие ознаменовывается проведением в Туркестане II-го (2002) и Астане (2005, 2011, 2017 гг.) III-V-го Всемирных курултаев казахов (ВКК). Съезды с участием зарубежных казахов способствовали укреплению связей с диаспорами в сфере культуры и образования, росту числа қандастар – этнических казахов, переезжающих на историческую родину, и налаживанию для них эффективной правовой поддержки в этом вопросе [54]. С 2019 г. концепция деятельности ВКК изменила формат проведения курултаев, перенеся их на территорию стран, где сосредоточены казахские диаспоры [55]. Необходимо отметить, что съезды зарубежных соотечественников как в Казахстане, так и Кыргызстане (1992), и Башкортостане (РФ) также именовались курултаями. В Республике Башкортостан

– субъекте Российской Федерации – в период с 1995 по 2024 гг. состоялись I-VI Всемирные курултай башкир, проживающих вне пределов своей этнической территории [56].

16 марта 2022 г. в своем Послании Президент Казахстана в рамках концепции «Слышащего государства» предложил вместо успешно выполнившего свои задачи Национального совета общественного доверия создать Ұлттық құрылтай (Национальный курултай – НК), на который возлагалась задача «сформировать единую институциональную модель общественного диалога» с тем, чтобы усилить «взаимодействие между властью и народом» [57]. Тогда же были определены его состав и периодичность проведения. Выступая на НК, Президент Казахстана К.К. Токаев подчеркнул преемственность традиции и отметил: «Созыв Курултая – древняя традиция. На таких представительных встречах наши предки обсуждали важные вопросы. Люди, предварительно посоветовавшись друг с другом, принимали необходимые решения. И такие решения объединяли весь народ. В нашей истории были курултай, которые решали судьбу нации. Многие из них проходили в важное для нашего народа время. После Таласского курултая Золотая Орда стала независимым государством. Курултай в Каракуме и Ордабасы объединили наш народ для защиты Родины. На первом казахском курултае в Оренбурге была образована партия «Алаш», на втором – провозглашена Алашская автономия. С обретением Независимости был проведен первый Всемирный курултай казахов, где впервые было озвучено приглашение нашим кандасам вернуться на историческую Родину. Следуя заветам предков, мы возродили традицию созыва Курултая» [58]. Повестка дня рассматриваемых на НК вопросов охватывает практически весь спектр актуальных для сегодняшнего Казахстана проблем. Поэтому только за один день на состоявшемся в марте с.г. заседании НК были рассмотрены свыше 120 предложений [59]. Только за год реализации концепции «слушающего/слышащего государства» наилучшими показателями Казахстана в 2023 г. по Индексу демократии мира, согласно исследованию издания «The Economist», стали данные «по критериям политического участия (5.0 баллов) и политической культуры (3.75 балла)» [60]. НК, являясь совещательным органом при Президенте, определяет, по признанию его членов, идеологический климат в стране [61]. Такая роль обусловлена составом НК, который формируется на законодательной основе «из числа известных государственных и общественных деятелей, представителей политических партий, неправительственного сектора, бизнес-ассоциаций, экспертного сообщества и общественных советов областей, городов республиканского значения, столицы». Состав курултая предусматривает периодическое обновление «путем проведения ротации его членов» [62].

По Конституции Кыргызской Республики Народный Курултай (созывы 1994, 2003, 2005, 2010, 2022) [63] является общественно-представительным собранием, вырабатывающим рекомендации по направлениям общественного развития [63]. Как отмечают исследователи, «Народный Курултай представляет собой институт общественного контроля за деятельностью должностных лиц органов государственной власти и органов

местного самоуправления, который уходит своими корнями в историю, традиции и обычаи киргизского народа» [64, с. 67].

Следствием процесса суверенизации среди субъектов Российской Федерации, в том числе стало возрождение исторического названия курултай или хурал для обозначения парламента в республиках Башкортостан (1995–2023 гг.), Алтай (1992–2024), Бурятия (1994–2023), Калмыкия (1994–2023) [65]. В декабре 1993 г. после почти полувекового перерыва возобновилась деятельность Верховного Хурала в Республике Тыва [66].

Выводы

Итак, курултай до Чингисхана в основе своей являлся органической частью противогосударственной политической культуры (по Ф. Фукуяме), выступая в формате периодических съездов степной аристократии. На нем вершили суды, опираясь на древние законы степного права, а вот исполнение их решений находилось под юрисдикцией племенных предводителей, обладавших реальной властью.

Практика проведения курултаев как наследие имперской традиции отменяется в позднее средневековье в политической деятельности Московского государства, Крымского, Казахского, Кокандского и Джунгарского ханств. В отсутствие лидера, способного объединить все три ветви власти, курултай вновь отражал мнение наиболее влиятельных групп политической элиты.

В истории Казахского ханства курултай сыграл ключевую роль в консолидации казахских племен и родов перед лицом колоссальной угрозы, каковой было Джунгарское государство.

В своей истории курултай и хуралы претерпели в XX в. полувековой период забвения. Исключением является Монголия, где модель народных хуралов стала политической основой монгольского государства, а роль высшего законодательного органа (парламента) Монголии выполнял сначала Великий народный хурал (1924), а позднее Великий государственный хурал (1990–2024). К концу XX в. курултай и хурал вновь возрождаются в рамках парада суверенизации в СССР и продолжают в разных политических формациях оставаться реальностью политической культуры ряда центральноазиатских стран и России. В новейшей истории тюрко-монгольских народов курултаями и хуралами, как указано выше, обозначают съезды старейшин, представителей разных социальных слоев населения и регионов, собрания с участием представителей диаспор, а также высшие представительные и законодательные органы – аналоги парламента или институты общественного контроля и согласия.

Таким образом, в контексте общемировой истории курултай и хуралы выступают в качестве исторических и политических универсалий – аналогов сначала родовых собраний, а затем собраний политических элит, призванных решать наиболее значимые вопросы, необходимые для существования государства. В глобальной метаисторической перспективе курултай имеет сходство с аналогичными институтами средневековой политической истории Европы. Важно, что жизнеспособным из них остался лишь Альтинг в Исландии, который возник в X в. [67].

Актуализация курултая в Казахстане в современную эпоху отражает

спрос на политическую институцию делиберативной демократии, опирающуюся на древние традиции степной демократии, способствующей национальной консолидации с ярко выраженной социальной направленностью. В современной политической культуре Республики Казахстан Национальный курултай в рамках концепции «Слышащего государства» дает возможность разным политическим и общественным группам участвовать в политической жизни страны и опосредованно интегрироваться в систему управления государством.

С начала прошлого столетия названия курултай / хурал выступают в качестве четкого этнотерриториального маркера, охватывающего Крым, Поволжье, Центральную Азию (по определению ЮНЕСКО), с репрезентацией их организаторов: тюрки (крымские татары, башкиры, кыргызы, казахи, тувинцы и узбеки) и монголы (буряты, калмыки и монголы). В геокультурном измерении традиции курултай и хурал остаются живой практикой и идеей в местах проживания носителей традиции – тюрко-монгольских народов, для которых она является выражением устойчивости идентичности и преемственности политической культуры далекого прошлого. В кросстемпоральном измерении на протяжении более чем восьмисот лет курултай, пережив различные структурные, функциональные изменения, не только сохранил ряд своих наследственных принципов, но также в соответствии с духом времени развивает в себе новые социально значимые концепции.

Источник финансирования исследований

Статья подготовлена в рамках научного проекта (BR21882308) программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)»

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.
2. Jones G. The Norse Atlantic Saga. Being the Norse Voyages of Discovery and Settlement to Iceland, Greenland, and North America / Gwyn Jones. Oxford: Oxford University Press, 2nd ed., 1986. URL: <https://archive.org/details/norseatlanticsag00jone/page/56/mode/1up?q=Althing> (дата обращения: 12.03.2025)
3. Питулько Г.Н. Из истории вечевых строений Новгорода и Пскова // Управление консультирование. – 2013. – № 11 (59). – С. 128-134
4. Vom Hofstag zum Reichstag. In: König, Reich und Reichsreform im Spätmittelalter. Enzyklopädie Deutscher Geschichte, Band 14. Von K.-F. Krieger. – München: Oldenbourg Verlag, 2005. – S. 112-113
5. Стенографический отчет круглого стола, посвященного проблеме цивилизационного подхода к изучению истории Золотой Орды (под редакцией И.М. Миргалеева) // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. – Вып. 1. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. – С. 154-173
6. Крымский А. Курултай // Энциклопедический словарь / под редакцией профессора И. Е. Андреевского. Т. 17. (33): Култагой – Лед. СПб: типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1896. 482 с. URL: <https://www.priib.ru/item/463147> (дата обращения: 19.03.2025)
7. Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. – Берлин-СПб.-М.: Издательство З.И. Гржебина, 1922. – 176 с.

8. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей. Сочинение А. Левшина. Этнографические известия. Ч 3. – СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. – 304 с.
9. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943. – 104 с.
10. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / Отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: ООО «Фолиант», 2011. – 252 с.
11. Почекаев Р. Ю. Эволюция курултая в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2012. – № 4. – С. 113-117
12. Hodous F. "The Quriltai as a Legal Institution in the Mongol Empire." *Central Asiatic Journal*, vol. 56, 2013, pp. 87–102. p. 91 JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/40.13173/centasiaj.56.2013.0087>. Accessed 6 Apr. 2025.
13. Favereau M. *The Horde: How the Mongols Changed the World*. Harvard University Press, 2021. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/j.ctv322v4qv>. Accessed 3 Apr. 2025.
14. Кожев А. Понятие Власти. – М.: Праксис, 2006. – 192 с.
15. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 368 с.
16. Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. Т. 1. – 619 с.
17. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи / Ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – 288 с.
18. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. / Перс с перс. О.И. Смирновой, примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенова. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1952. – 316 с.
19. Турсунов Т.И. Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. – Астана: ТОО «Астана Даму-21», 2006. – 256 с.
20. Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. – 432 с.
21. Таварих-и гузида-Нусрат-наме. – Тошкент: «ФАШ», 1967. – 648 с. URL: <https://kazneb.kz/bookView/view/?briid=1559160&simple=true#> (дата обращения: 11.03.2025).
22. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем. – М.-Л. АН СССР. 1941. – 308 с.
23. Почекаев Р. Правовая культура в татарских государствах XV–XVIII вв.: золотоордынское наследие и исламские институты // Золотая Орда в мировой истории. Коллект. моногр. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 854-861
24. Вернадский Г.В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. – Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 1997. – 480 с.
25. *Nomadic Institutions: The Origins of Kurultai*. IFAC. IFAC (27 février 2025). Consulté le 3 avril 2025 à l'adresse <https://doi.org/10.58079/13dys> (дата обращения 03.04.2025)
26. Лызлов А. Скифская история / отв. Ред. Е.В. Чистякова. – М.: Наука, 1990. – 520 с.
27. Гулевич В.П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 492 с.
28. Флетчер Дж. О государстве Русском или Образ правления Русского царя (обыкновенно называемом царем Московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. Изд. 3-е. – СПб.: издание А. С. Суворина, 1906. – 138 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/429721> (дата обращения: 03.03.2025); Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Перевод с турец. яз. И.М. Миргалеев; отв. ред. А.В. Аксанов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 304 с.
29. Спасский Г.И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. О чиноначалии и правлении Киргиз-Кайсаков и о произошедших в их ордах разных переменах. Продолжение // Сибирский вестник, издаваемый Г. Спасским. – СПб.: Морская Типография, 1820. – Ч. 9. – С. 111 (167-140)

(196).

30. Гавердовский Я.П. Обозрение Киргиз-кайсацкой степи или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого. Ч. 2. // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Т. V. / Сост.: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 283-495. URL: <https://kazneb.kz/ru/bookView/view?brld=1102333> (дата обращения: 09.02.2025)
31. Сарсембаев М.А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. – Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2015. – 342 с.
32. Темиргалиев Р. Эпоха последних батыров. – Алматы: MELOMAN Publishing, 2024. – 296 с.
33. Кожамбаев Жетібай К.М. Сакральные места казахской истории: Мартобе и Культобе // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. – 2021. – № 1 (68). DOI:<https://doi.org/10.51889/2021-1.1728-5461.39> URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/378> (дата обращения: 11.03.2025)
34. Бартольд В.В. Сочинение. Т. II. Ч. 1. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 1020 с.
35. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). Изд.2-е. – М.: Наука, 1983. – 333 с.
36. Монголо-Ойратские законы 1640 года, Дополнительные Указы Галдан-Хун-Тайджия и Законы, составленные для волжских калмыков при Калмыцком хане Дондук-Даши / Калмыцкий текст с русс. пер. и примеч. К.Ф. Голстунского. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1880. – 144 с.
37. Кадырбаев А.Ш. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // Монголика-XVII: Сб. ст. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. – С. 30-34
38. Каракумский Курултай казахов // Казахстан. Национальная энциклопедия. Т. 3. К-М. – Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2005. – С. 147; Ордабасы Курултай // Казахстан. Национальная энциклопедия. Т. 4. М-С. – Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2006. – С. 221
39. Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. – Ташкент; Токио: Yangi nashr, 2010. – 744 с.
40. Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской Орде силу закона // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 2. – Казань: Университетская типография, 1871. – С. 45-167
41. Бекмаханов Е. Восстание хана Кенесары (1837-1847). – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 48 с.
42. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. – Бишкек: изд-во «Илим», 1977. – 365 с.
43. Загидуллин И.К. Уфимский курултай 1905 года. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 328 с.
44. Хаяли Р.И. Политические партии крымских татар (1917-1928 гг.) // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 3 URL: <https://human.snauka.ru/2017/03/23009> (дата обращения: 26.03.2025)
45. Советов В., Атлас М. Расстрел Советского правительства Крымской Республики Тавриды. Сб. к 15-летию со дня расстрела. 24/IV 1918 – 24/IV 1933. – Симферополь: Государственное издательство Крым АССР, 1933. – 107 с.
46. Моллеров Н. М. Великий Хурал — высший и представительный орган власти Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 3. – С. 4-19. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.1>
47. Дудин П.Н. Политическая история Внутренней Монголии в конце XIX-первой половине XX века. – Новосибирск: Наука, 2024. – 480 с.
48. Товарищу Сталину. Письмо делегатов Республиканского курултая хлопкоробов... Узбекской ССР // Красная звезда. 1944. – № 016 (5696). – 19 января. – С. 1-2
49. Советские конституции. Хрестоматия. В 4 ч. Ч. 1. Первые советские

республики, 1918-1922 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. — Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. — 156 с.

50. Atwood Ch.P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New-York: Facts On File, Inc. 2004. 678 p.
51. Монгол Улсын Их Хурал. URL: <https://www.parliament.mn/> (дата обращения: 16.04.2025)
52. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Сквозь модернизацию: традиции в современной жизни российских казахов. — М.; СПб: Нестор-История, 2016. — 304 с.
53. Қалиасқарова М.С. Первый Всемирный Курултай казахов и Всемирная ассоциация казахов // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. — 2021. — № 1 (64). URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/100> (дата обращения: 04.04.2025)
54. Қоғамбаева Г.Б. Елордада өткен Дүниежүзі қазақтары құрылтайының тарихи маңызы (Үшінші, төртінші және бесінші Құрылтайлар) // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. — 2022. — 108 (4). — С. 80-88
55. Otandastar Qory. URL: https://oq.gov.kz/ru/search?search_text=%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%B9 (дата обращения: 15.03.2025)
56. I Всемирный курултай башкир (1-2 июня 1995 г.). Стенографический отчет. — Уфа: Китап, 1998. — 464 с.
57. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. 16 марта 2022 г. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (дата обращения: 12.03.2025)
58. Глава государства принял участие в первом заседании Национального курултая 16 июня 2022 года. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-pervom-zasedanii-natsionalnogo-kurultaya-1651923> (дата обращения: 12.03.2025)
59. Национальный курултай. 13.03.2025. <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/170506-chleny-natsionalnogo-kurultaya-initsirovali-120-predlozhenij-po-itogam-dvukh-sessij> (дата обращения: 09.04.2025)
60. Реализация концепции «слышащего государства» в Казахстане. 13.10.2023. URL: <https://kisi.kz/ru/realizaciya-konceptcii-slyshashhego-gosudarstva-v-kazahstane/> (дата обращения: 09.04.2025)
61. Национальный курултай – это главная идеологическая площадка страны - Айдос Сарым. 12.03.2025. URL: <https://www.inform.kz/ru/natsionalniy-kurultay-eto-glavnaya-ideologicheskaya-ploshadka-strani-aydos-sarim> (дата обращения: 09.04.2025)
62. О создании Национального курултая при Президенте Республики Казахстан и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан. 15 июня 2022 года. URL: <https://www.akorda.kz/ru/sozdani-natsionalnogo-kurultaya-pri-prezidente-respubliki-kazahstan-i-priznani-utrativshimi-silu-nekotoryh-ukazov-prezidenta-respubliki-kazahstan-145619> (дата обращения: 09.04.2025)
63. Саидов Ф.З. Институт Народного курултая в Киргизской республике: история, современность, перспективы // Труды Академии управления МВД России. — 2024. — № 1 (69). — С. 65-71. DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-65-71.
64. Сатыбалдиева А. К. Народный Курултай как политический институт в Кыргызстане // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов. — Екатеринбург: УрГПУ, 2023. — С. 90-95.
65. Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан - Башкортостан Республикаһы Дәүләт Йыйылышы – Көролтай. URL: <https://www.gsrb.ru/>; Государственное Собрание — Эл Курултай Республики Алтай Алтай Республиканын Эл Курултай. URL: <https://elkurultay.ru/>; Народный Хурал Республики Бурятия. URL: <https://www.hural-buryatia.ru/>; Народному Хуралу Бурятии исполнилось 30 лет. 26.06.2024. URL: https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=180080&sphrase_id=127252807;

- Народный Хурал Республики Калмыкия. URL: <http://www.huralrk.ru/about-republic/history/sostav6.html> (дата обращения: 10.04.2025).
66. Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва. Официальный сайт. URL: <https://khural.tyva.ru/> (дата обращения: 10.04.2025)
67. Alpingi. URL: <https://www.althingi.is/> (дата обращения: 10.04.2025)

References

1. Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoi poryadok v XXI veke* [State Building: Governance and World Order in the 21st Century] / per. s angl. – M.: ACT: ACT MOSKVA: KHRANITEL', 2006. – 220 s.
2. Jones G. *The Norse Atlantic Saga. Being the Norse Voyages of Discovery and Settlement to Iceland, Greenland, and North America* / Gwyn Jones. Oxford: Oxford University Press, 2nd ed., 1986. URL: <https://archive.org/details/norseatlanticsag00jone/page/56/mode/1up?q=Althing> (Accessed 12 March 2025)
3. Pitul'ko G.N. *Iz istorii vechevogo stroya Novgoroda i Pskova* [From the history of the veche system of Novgorod and Pskov] // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. – 2013. – № 11 (59). – S. 128-134
4. *Vom Hoftag zum Reichstag* [From the Hoftag to the Reichstag]. In: König, Reich und Reichsreform im Spätmittelalter. Enzyklopädie Deutscher Geschichte, Band 14. Von K.-F. Krieger. – München: Oldenbourg Verlag, 2005. – S. 112-113
5. *Stenograficheskii otchet posyashchennogo probleme tsivilizatsionnogo podkhoda k izucheniyu istorii Zolotoi Ordy* [Verbatim report of the round table devoted to the problem of the civilizational approach to the study of the history of the Golden Horde] (pod redaktsiei I.M.Mirgaleeva) // *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. Sb. st. – Vyp. 1. – Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2008. – S. 154-173
6. Krymskii A. *Kurultai* [Kurultai] // *Ehntsiklopedicheskii slovar'* / pod redaktsiei professora I. E. Andreevskogo. T. 17. (33): Kul'tagoi – Led. SPb: tipografiya Aktsionernogo Obshchestva Brokgauz-Efron, 1896. 482 s. URL: <https://www.priib.ru/item/463147> (Accessed 13 March 2025)
7. Vladimirtsov B.YA. *Chingis-khan* [Genghis Khan]. – Berlin-SPb.-M.: Izdatel'stvo Z.I. Grzhebina, 1922. – 176 s.
8. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisakskikh Ord i stepei* [Description of the Kyrgyz-Kazakh or Kyrgyz-Kaisak Ords and Steppes]. Sochinenie A. Levshina. *Ehtnograficheskie izvestiya*. CH 3. – SPb.: Tipografiya Karla Kraiya, 1832. – 304 s.
9. Bartol'd V.V. *Ocherk istorii Semirech'ya* [Essay on the history of Semirechye]. – Frunze: Kirgizgosizdat, 1943. – 104 s.
10. Trepavlov V.V. *Tyurskie narody srednevekovoi Evrazii. Izbrannye trudy* [Turkic peoples of medieval Eurasia. Selected works] / Otv. red. I.M. Mirgaleev. – Kazan': OOO «Foliant», 2011. – 252 s.
11. Pochekaev R. YU. *Ehvolutsiya kurultaya v pozdnesrednekovykh tyurko-mongol'skikh gosudarstvakh* [The evolution of the kurultai in the late medieval Turkic-Mongol states] // *Srednekovyye tyurko-tatarskie gosudarstva*. – 2012. – № 4. – S. 113-117
12. Hodous F. "The Quriltai as a Legal Institution in the Mongol Empire." *Central Asiatic Journal*, vol. 56, 2013, pp. 87–102. p. 91 JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/10.13173/centasiaj.56.2013.0087>. Accessed 6 Apr. 2025
13. Favereau M. *The Horde: How the Mongols Changed the World*. Harvard University Press, 2021. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/j.ctv322v4qv>. Accessed 3 Apr. 2025.
14. Kozhev A. *Ponyatie Vlasti* [The Concept of Power]. – M.: Praxis, 2006. – 192 s.
15. Assman YA. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity] / Per. s nem. M.M. Sokol'skoi. – M.: «Yazyki slavyanskoi kul'tury», 2004. – 368 s.
16. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Yuan' Chao Bi Shi. Mongol'skii obydennyi izbornik* [A secret story. Yuan Chao Bi Shi. Mongolian everyday collection]. – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. T. 1. – 619 s.
17. Uskenbai K.Z. *Vostochnyi Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy ehtnopoliticheskoi istorii Ulusa Dzhuchi* [Eastern Dasht-i Kipchak in the 13th –

- early 15th centuries. Problems of the ethnopolitical history of the Ulus of Jochi] / Red. I.M. Mirgaleev. – Kazan': Izd-vo «FehN» AN RT, 2013. – 288 s.
18. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei [Collection of Chronicles]. T. I. Kn. 2. / Pers s pers. O.I. Smirnovoi, primech. B.I. Pankratova i O.I. Smirnovoi; red. A.A. Semenova. – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952. – 316 s.
 19. Tursunov T.I. Podnyatyie na beloi koshme. Khany kazakhskikh stepei [Raised on a white felt mat. Khans of the Kazakh steppes]. – Astana: TOO «Astana Damu-21», 2006. – 256 s.
 20. Yurchenko A.G. Ehliita Mongol'skoi imperii: vremya prazdnikov, vremya kaznei [Elite of the Mongol Empire: time of holidays, time of executions]. – SPb.: EVRAZIYA, 2012. – 432 s.
 21. Tavarikh-i guzida-Nusrat-name [Tavarikh-i guzida-Nusrat-name]. – Toshkent: «FASH», 1967. – 648 s. URL: <https://kazneb.kz/bookView/view/?brld=1559160&simple=true#> (data obrashcheniya: 11.03.2025).
 22. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. T. II. Izvlecheniya iz persidskikh sochinenii, sobrannye V. G. Tizengauzenom. – M.-L. AN SSSR. 1941. – 308 s.
 23. Pochekaev R. Pravovaya kul'tura v tatarskikh gosudarstvakh XV–XVIII vv.: zolotoordynskoe nasledie i islamskie instituty [Legal culture in the Tatar states of the 15th–18th centuries: the Golden Horde legacy and Islamic institutions] // Zolotaya Orda v mirovoi istorii. Kollekt. monogr. – Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2016. – S. 854-861
 24. Vernadskii G.V. Mongoly i Rus' [Mongols and Rus'] / Per. s angl. E.P. Berenshteina, B.L. Gubmana, O.V. Stroganovoi. – Tver': LEAN, M.: AGRAF, 1997. – 480 s.
 25. Nomadic Institutions: The Origins of Kurultai. IFEAC. IFEAC (27 février 2025). Consulté le 3 avril 2025 à l'adresse <https://doi.org/10.58079/13dys> (data obrashcheniya 03.04.2025)
 26. Lyzlov A. Skifskaya istoriya [Scythian history] / otv. Red. E.V. Chistyakova. – M.: Nauka, 1990. – 520 s.
 27. Gulevich V.P. Ot ordynskogo Ulusa k khanstvu Gireev: Krym v 1399–1502 gg. [From the Horde Ulus to the Giray Khanate: Crimea in 1399–1502]. – Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2018. – 492 s.
 28. Fletcher Dzh. O gosudarstve Russkom ili Obraz pravleniya Russkogo tsarya (obyknovenno nazyvaemom tsarem Moskovskim) s opisaniem pravov i obychaev zhitelei ehtoi strany [On the Russian State, or the Form of Government of the Russian Tsar (Commonly Called the Tsar of Moscow) with a Description of the Morals and Customs of the Inhabitants of That Country]. Izd. 3-e. – SPb.: izdanie A. S. Suvorina, 1906. – 138 s. URL: <https://www.priib.ru/item/429721> (data obrashcheniya: 03.03.2025); Kamalov I.KH. Zolotaya Orda i russkii ulus (tatarskoe vliyanie na Rossiiu) [The Golden Horde and the Russian Ulus (Tatar Influence on Russia)] / Perevod s turets. yaz. I.M. Mirgaleev; otv. red. A.V. Aksanov. – Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2016. – 304 s.
 29. Spasskii G.I. Kirgiz-kaisaki Bol'shoi, Srednei i Maloi ordy. O chinonachalii i pravlenii Kirgiz-Kaisakov i o proizoshedshikh v ikh ordakh raznykh peremenakh [Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle and Little Hordes. On the ranks and rule of the Kirghiz-Kaisaks and on the various changes that took place in their hordes. Continuation]. Prodolzhenie // Sibirskii vestnik, izdavaemyi G. Spasskim. – SPb.: Morskaya Tipografiya, 1820. – CH. 9. – S. 111 (167-140) (196).
 30. Gaverdovskii YA.P. Obozrenie Kirgiz-kaisakskoi stepi ili Opisanie strany i naroda kirgiz-kaisakskogo [Review of the Kirghiz-Kaisak steppe or Description of the country and the Kirghiz-Kaisak people]. Ch. 2. // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vekov. Pervye istoriko-ehtnograficheskie opisaniya kazakhskikh zemel'. Pervaya polovina XIX veka. Tom V. / Sost.: I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev. – Almaty: Daik-Press, 2007. – S. 283-495. URL: <https://kazneb.kz/ru/bookView/view?brld=1102333> (data obrashcheniya: 09.02.2025)
 31. Sarsembaev M.A. Kazakhskoe khanstvo kak suverennoe gosudarstvo srednevekovoi ehpokhi [Kazakh Khanate as a Sovereign State of the Medieval Era]. – Astana: GU «Institut zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstana», 2015. – 342 s.
 32. Temirgaliev R. Ehpokha poslednikh batyrov [The era of the last batyrs]. –

Almaty: MELOMAN Publishing, 2024. – 296 s.

33. Kozha M.B., Zhetibaev K.M. Sakral'nye mesta kazakhskoi istorii: Martobe i Kul'tobe [Sacred places of Kazakh history: Martobe and Kultobe] // Vestnik KaZNPu imeni Abaya. Seriya: Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki. – 2021. – № 1 (68). DOI:<https://doi.org/10.51889/2021-1.1728-5461.39> URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/378> (data obrashcheniya: 11.03.2025)
34. Bartol'd V.V. Sochinenie [Composition]. T. II. CH. 1. – M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1963. – 1020 s.
35. Zlatkin I.YA. Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635-1758) [History of the Dzungar Khanate (1635-1758)]. Izd.2-e. – M.: Nauka, 1983. – 333 s.
36. Mongolo-Oiratskie zakony 1640 goda, Dopolnitel'nye Ukazy Galdan-Khun-Taidzhiya i Zakony, sostavlennye dlya volzhskikh kalmykov pri Kalmytskom khane Donduk-Dashi [Mongol-Oirat laws of 1640, Additional Decrees of Galdan-Hun-Taiji and Laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk-Dashi] / Kalmytskii tekst s russ. per. i primech. K.F. Golstunskogo. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1880. – 144 s.
37. Kadyrbaev A.SH. Pamyatniki stepnogo prava «Zhety-Zhargy», «Ikh TsaaZ», «Tsaadzhin Bichik» i kul'turnye vzaimosvyazi oiratov, kalmykov i khalkhastsev s kazakhami v ehpokhu Tsin [Monuments of the steppe law "Zhety-Zhargy", "Ikh TsaaZ", "Tsaadzhin Bichik" and the cultural relationships of the Oirats, Kalmyks and Khalkhas with the Kazakhs in the Qing era] // Mongolika-XVII: Sb. st. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2016. – S. 30-34
38. Karakumskii Kurultai kazakhov [Karakum Kurultai of the Kazakhs] // Kazakhstan. Natsional'naya ehntsiklopediya. T. 3. K-M. – Almaty: Glavnaya redaktsiya «Qazaq ehntsiklopediyasY», 2005. – S. 147; Ordabasy Kuryltai [Ordabasy Kurultai] // Kazakhstan. Natsional'naya ehntsiklopediya. T. 4. M-S. – Almaty: Glavnaya redaktsiya «Qazaq ehntsiklopediyasY», 2006. – S. 221
39. Babadzhanov B.M. Kokandskoe khanstvo: vlast', politika, religiya [Kokand Khanate: power, politics, religion]. – Tashkent; Tokio: Yangi nashr, 2010. – 744 s.
40. Ballyuzek L.F. Narodnye obychai, imevshie, a otchasti i nyne imeyushchie v Maloi Kirgizskoi Orde silu zakona [Folk customs that had, and partly still have, the force of law in the Little Kirghiz Horde] // Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. – Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1871. – S. 45-167
41. Bekmakhanov E. Vosstanie khana Kenesary (1837-1847) [The uprising of Khan Kenesary (1837-1847)]. – Alma-Ata: Fylym, 1992. – 48 s.
42. Ploskikh V.M. Kirgizy i Kokandskoe khanstvo [Kirghiz and the Kokand Khanate]. – Bishkek: izd-vo «IliM», 1977. – 365 s.
43. Zagidullin I.K. Ufimskii kurultai 1905 goda [Ufa kurultai 1905]. – Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2018. – 328 s.
44. Khayali R.I. Politicheskie partii krymskikh tatar (1917-1928 gg.) [Political parties of the Crimean Tatars (1917-1928)] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. – 2017. – № 3 URL: <https://human.snauka.ru/2017/03/23009> (data obrashcheniya: 26.03.2025)
45. Sovetov V., Atlas M. Rasstrel Sovetskogo pravitel'stva Krymskoi Respubliki Tavridy [The Execution of the Soviet Government of the Crimean Republic of Taurida]. Sb. k 15-letiyu so dnya rasstrelya. 24/IV 1918 – 24/IV 1933. – Semfiropol': Gosudarstvennoe izdatel'stvo Krym ASSR, 1933. – 107 s.
46. Mollerov N. M. Velikii Khural — vysshii i predstavitel'nyi organ vlasti Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [The Great Khural — the highest and representative authority of the Tuvan People's Republic] // Novye issledovaniya Tuvy. – 2020. – No 3. – S. 4-19. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.1>
47. Dudin P.N. Politicheskaya istoriya Vnutrennei Mongolii v kontse XIX- pervoi polovine XX veka [Political history of Inner Mongolia in the late 19th - first half of the 20th century]. – Novosibirsk: Nauka, 2024. – 480 c.
48. Tovarishchu Stalinu. Pis'mo delegatov Respublikanskogo kurultaya khlopkorobov... Uzbekskoi SSR [Letter from the delegates of the Republican Kurultai of Cotton Growers... of the Uzbek SSR] // Krasnaya zvezda. 1944. – № 016 (5696). – 19 yanvarya. – S. 1-2
49. Sovetskie konstitutsii. Khrestomatiya [Soviet constitutions]. V. 4 ch. Ch. 1. Pervye

- sovetskie respubliki, 1918-1922 gg. / Sost. D.V. Kuznetsov. – Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2015. – 156 s.
50. Atwood Ch.P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New-York: Facts On File, Inc. 2004. 678 p.
 51. Mongol Ulsyn Ikh Khural [Mongol Ulsyn Ikh Khural]. URL: <https://www.parliament.mn/> (data obrashcheniya: 16.04.2025)
 52. Larina E.I., Naumova O.B. Skvoz' modernizatsiyu: traditsii v sovremennoi zhizni rossiiskikh kazakhov [Through modernization: traditions in the modern life of Russian Kazakhs]. – M.; SPb: Nestor-Istoriya, 2016. – 304 s.
 53. Kaliaskarova M.S. Pervyi Vsemirnyi Kurultai kazakhov i Vsemirnaya assotsiatsiya kazakhov [The First World Kurultai of Kazakhs and the World Association of Kazakhs] // Vestnik KaZNPU imeni Abaya. Seriya: Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki. – 2021. – № 1 (64). URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/100> (data obrashcheniya: 04.04.2025)
 54. Kozfambaeva G.B. Elordada etken Dyniezhyzi qazaqtary qyryltaiynyñ tarihii mahyzy (Yshinshi, tertinshi zhene besinshi Qyryltaiar) [The historical significance of the World Kazakh Congress held in the capital (Third, Fourth and Fifth Congresses)] // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya. – 2022. – 108 (4). – S. 80-88
 55. Otandastar Qory [Compatriots' Fund]. URL: https://oq.gov.kz/ru/search?search_text=%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%83%D0%BB%D1%82%D0%B0%D0%B9 (data obrashcheniya: 15.03.2025)
 56. I Vsemirnyi kurultai bashkir (1-2 iyunya 1995 g.). Stenograficheskiy otchet [I World Kurultai Bashkir (June 1-2, 1995). Stenographic report]. – Ufa: Kitap, 1998. – 464 s.
 57. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana [Address of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan]. 16 marta 2022 g. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1623953> (data obrashcheniya: 12.03.2025)
 58. Glava gosudarstva prinyal uchastie v pervom zasedanii Natsional'nogo kurultaya 16 iyunya 2022 goda [The Head of State took part in the first meeting of the National Kurultai on June 16, 2022]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-pervom-zasedanii-natsionalnogo-kurultaya-1651923> (data obrashcheniya: 12.03.2025)
 59. Natsional'nyi kurultai [National Kurultai]. 13.03.2025. <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/170506-chleny-natsionalnogo-kurultaya-initsiirovali-120-predlozhenij-po-itogam-dvukh-sessij> (data obrashcheniya: 09.04.2025)
 60. Realizatsiya kontseptsii «slyshashchego gosudarstva» v Kazakhstane [Implementation of the concept of a "listening state" in Kazakhstan]. 13.10.2023. URL: <https://kisi.kz/ru/realizatsiya-konchepchii-slyshashhego-gosudarstva-v-kazahstane/> (data obrashcheniya: 09.04.2025)
 61. Natsional'nyi kurultai – ehoto glavnaya ideologicheskaya ploshchadka strany - Aidos Sarym [The National Kurultai is the main ideological platform of the country - Aidos Sarym]. 12.03.2025. URL: <https://www.inform.kz/ru/natsionalniy-kurultay-eto-glavnaya-ideologicheskaya-ploshchadka-strani-aydos-sarim> (data obrashcheniya: 09.04.2025)
 62. O sozdanii Natsional'nogo kurultaya pri Prezidente Respubliki Kazakhstan i priznanii utrativshimi silu nekotorykh ukazov Prezidenta Respubliki Kazakhstan [On the establishment of the National Kurultai under the President of the Republic of Kazakhstan and the recognition of certain decrees of the President of the Republic of Kazakhstan as invalid]. 15 iyunya 2022 goda. URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-sozdanii-natsionalnogo-kurultaya-pri-prezidente-respubliki-kazahstan-i-priznanii-utrativshimi-silu-nekotorykh-ukazov-prezidenta-respubliki-kazahstan-145619> (data obrashcheniya: 09.04.2025)
 63. Saidov F.Z. Institut Narodnogo kurultaya v Kirgizskoi respublike: istoriya, sovremennost', perspektivy [Institute of People's Kurultai in the Kyrgyz Republic: history, modernity, prospects] // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2024. – № 1 (69). – S. 65-71. DOI 10.24412/2072-9391-2024-169-65-71.
 64. Satybaldieva A. K. Narodnyi Kurultai kak politicheskii institut v Kyrgyzstane

[People's Kurultai as a political institution in Kyrgyzstan] // Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov. – Ekaterinburg: URGPU, 2023. – S. 90-95.

65. Gosudarstvennoe Sobranie — Kurultai Respubliki Bashkortostan - Bashkortostan Respublikahy Dəylət İyilyshy – Koroltai [State Assembly - Kurultai of the Republic of Bashkortostan]. URL: <https://www.gsrb.ru/>; Gosudarstvennoe Sobranie — Ehl KurultAi Respubliki Altai Altai Respublikanyh Ehl Kurultai [State Assembly - El Kurultai of the Altai Republic Altai Republic El Kurultai]. URL: <https://elkurultay.ru/>; Narodnyi Khural Respubliki Buryatiya [People's Khural of the Republic of Buryatia]. URL: <https://www.hural-buryatia.ru/>; Narodnomu Khuralu Buryatii ispolnilos' 30 let. 26.06.2024. URL: https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=180080&sphrase_id=127252807; Narodnyi Khural Respubliki Kalmykiya [People's Khural of the Republic of Kalmykia]. URL: <http://www.huralrk.ru/about-republic/history/sostav6.html> (data obrashcheniya: 10.04.2025).
66. Verkhovnyi Khural (parlament) Respubliki Tyva. Ofitsial'nyi sait [Supreme Khural (parliament) of the Republic of Tyva. Official website]. URL: <https://khural.rtyva.ru/> (data obrashcheniya: 10.04.2025)
67. Alpingi. URL: <https://www.althingi.is/> (data obrashcheniya: 10.04.2025).

Материал поступил в редакцию 26.05.2025

Утвержден к публикации 22.09.2025

ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НПО: ОБЗОР МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ

Алуа Жолдыбалина¹
Сағыныш Ахантаева^{2*}
Данагуль Копежанова³

¹ Заместитель директора КИСИ при Президенте РК, PhD, ассоциированный профессор, Астана, Казахстан; e-mail: zholdybalina@kisi.kz

^{2*} Старший эксперт КИСИ при Президенте РК, магистр социальных наук, Астана, Казахстан; e-mail: 2000astana@gmail.com

³ Доцент кафедры политологии ЕНУ им Л. Н. Гумилева, PhD, Астана, Казахстан; e-mail: dana_enu_81@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.003>

Аннотация. Настоящая статья направлена на изучение современных методологических основ оценки эффективности НПО. Исследование опирается на анализ международного опыта и казахстанской практики в части апробации, имплементации инструментов оценки. Особое внимание уделяется необходимости применения системного и комплексного подхода, позволяющего интегрировать результаты оценки в процессы государственного планирования и выработки политики. Выводы исследования свидетельствуют о недостаточной институционализации и низкой адаптации систем мониторинга и оценки в казахстанских НПО.

Ключевые слова: неправительственные организации, эффективность, оценка результативности, устойчивое развитие, гражданское общество, национальная стратегия, институциональное развитие, мониторинг, международный опыт, индексные модели, социальное воздействие, государственное управление, демократизация..

ҮЕҮ ТИІМДІЛІГІН БАҒАЛАУ: ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕРГЕ ШОЛУ

Алуа Жолдыбалина¹, Сағыныш Ахантаева^{2*}, Данагүл Көпежанова³

¹ ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ директорының орынбасары, PhD, қауымдастырылған профессор, Астана, Қазақстан;

e-mail: zholdybalina@kisi.kz

^{2*} ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ аға сарапшысы, әлеуметтік ғылымдар магистрі, Астана, Қазақстан; e-mail: 2000astana@gmail.com

³ Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының доценті, PhD, Астана, Қазақстан; e-mail: dana_enu_81@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақала ҰЕҰ қызметінің тиімділігін бағалаудың заманауи әдіснамалық негіздерін анықтауға бағытталған. Зерттеу бағалау құралдарын апробациядан өткізу және имплементациялау жағынан халықаралық тәжірибе мен қазақстандық практикаға сүйенеді. Бағалау нәтижелерін мемлекеттік жоспарлау және саясатты әзірлеу процестеріне біріктіруге мүмкіндік беретін жүйелі және кешенді тәсілді қолдану қажеттілігіне ерекше назар аударылады. Зерттеу нәтижелері қазақстандық ҰЕҰ-да мониторинг пен бағалау жүйелерінің жеткіліксіз институционализациясын және төмен бейімделуін көрсетеді.

Түйін сөздер: *үкіметтік емес ұйымдар, тиімділік, нәтижелілік бағалау, тұрақты даму, азаматтық қоғам, ұлттық стратегия, институционалдық даму, мониторинг, халықаралық тәжірибе, индекс үлгілері, әлеуметтік әсер, мемлекеттік басқару, демократияландыру.*

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF NGOS: AN OVERVIEW OF METHODS AND APPROACHES

Alua Zholdybalina¹, Sagynysh Akhantayeva^{2*}, Danagul Kopezhanova³

¹ Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD, Associate Professor, Astana, Kazakhstan; e-mail: zholdybalina@kisi.kz

^{2*} Senior Expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Master of Social Sciences, Astana, Kazakhstan; e-mail: 2000astana@gmail.com

³ Docent of the Department of Political Science at L.N. Gumilyov Eurasian National University, PhD, Astana, Kazakhstan; e-mail: dana_enu_81@mail.ru

Abstract. This article aims to explore the modern methodological basis for evaluating the effectiveness of non-governmental organizations (NGOs). The study draws on an analysis of international experience and Kazakhstan's practices in testing and implementing evaluation tools. Special attention is given to the need for a systematic and integrated approach which could enable the incorporation of evaluation results into public planning and policymaking processes. The findings of this research indicate a lack of institutionalization and low adaptation of monitoring and evaluation systems among NGOs in Kazakhstan.

Keywords: *non-governmental organizations, effectiveness, performance evaluation, sustainable development, civil society, national strategy, institutional development, monitoring, international experience, index models, social impact, public administration, democratization.*

Введение

Неправительственные организации выступают важными субъектами общественно-политического взаимодействия, выполняя посредническую функцию между государственными структурами и гражданским обществом. НПО играют институционально значимую роль в обеспечении эффективной системы обратной связи в триаде «индивид – общество – государство», способствуя формированию механизмов общественного контроля, повышению уровня доверия к институтам власти и укреплению устойчивости государственного управления.

В результате последовательной реализации правовых и политических решений, направленных на развитие гражданского общества, наблюдается устойчивая положительная динамика в расширении сектора НПО в Казахстане. Если в начале 1990-х годов в стране функционировало около 100 НПО, то в настоящее время их число превысило 23 тысячи. Этот рост свидетельствует о формировании благоприятной институциональной среды, которая способствует развитию гражданских инициатив и расширению общественного участия. Наибольшая концентрация НПО зафиксирована в крупных городах и отдельных областях страны, таких как г. Алматы (5 017), г. Астана (3 554), г. Шымкент (1 512), а также в Карагандинской (1 237 НПО) и Кызылординской (1 217) областях [1].

В Казахстане НПО играют важную роль в выстраивании национальной стратегии развития и укреплении устойчивости государственного управления. Однако, несмотря на значительное количество и разнообразие неправительственных организаций, в научной и общественной дискуссии поднимаются вопросы о их аффилированности, низкой эффективности и возможном давлении со стороны различных политических и экономических сил. Другим существенным вопросом является отсутствие четких критериев оценки деятельности НПО в Казахстане, что затрудняет объективное восприятие реальной ситуации в данной области.

Важность оценки эффективности НПО выходит за рамки лишь внутреннего управления организацией. Эффективность работы НПО имеет глубокое влияние на национальное развитие, в том числе на общественные изменения и на процесс формирования политических решений. Именно с этой точки зрения оценка их работы служит не только для улучшения их результативности, но и для выявления роли НПО в развитии демократических процессов, улучшении качества жизни населения и содействии общественно-политическим реформам.

Цель данной статьи – рассмотреть методологические основы оценки эффективности НПО. Обзор направлен на определение современных подходов к оценке деятельности НПО, а также степени влияния оценки на развитие данных организаций. В частности, акцентировано внимание на сравнительном анализе индикаторов, моделей и практик оценки, позволяющих не только фиксировать достижения, но и способствовать институциональному развитию и повышению прозрачности НПО как неотъемлемой части демократической инфраструктуры.

Методология исследования

В рамках данной статьи использован компаративный метод анализа. Эм-

пирическая база исследования включает результаты международных исследований и официальные статистические показатели.

Обзор литературы

Сегодня системы мониторинга и оценки являются неотъемлемой частью эффективной работы НПО. Они способствуют повышению прозрачности, подотчетности, а также качественному улучшению программной деятельности. В первую очередь, такие системы помогают организациям документировать уроки, извлеченные из реализации проектов, формировать институциональную память и обеспечивать устойчивость деятельности за счет обоснованного планирования и адаптации [2]. Кроме того, наличие эффективной системы мониторинга и оценки укрепляет доверие со стороны доноров, бенефициаров и других заинтересованных сторон, что немаловажно для успешного функционирования НПО в долгосрочной перспективе.

Существуют различные теоретико-методологические подходы к оценке воздействия НПО, среди них, например, можно выделить логическую модель (Logical Framework), теорию изменений (Theory of Change) и подход, ориентированный на результаты (Results-Based Management). Несмотря на различия в методах, все они сходятся на одном ключевом аспекте – необходимости оценки эффективности, реального воздействия деятельности НПО на целевые группы и социальные процессы.

Однако, невзирая на признание важности мониторинга и оценки, практика показывает, что внедрение таких систем в НПО часто остается фрагментарным и формальным [3]. Основными барьерами для успешного внедрения являются ограниченность ресурсов, в том числе финансовых, кадровых и технических, а также недостаток достоверных данных и низкий уровень компетенций сотрудников в области оценки. Эти проблемы особенно остро проявляются в условиях гуманитарных кризисов и нестабильных регионов, как, например, в Сирии, где ограниченная инфраструктура и нехватка квалифицированного персонала существенно сдерживают внедрение систем мониторинга и оценки [4].

Современные исследования также подчеркивают необходимость инклюзивного подхода к мониторингу и оценке, при котором активно участвуют все заинтересованные стороны – от доноров до бенефициаров [5]. Такой подход способствует более глубокому пониманию контекста, повышает релевантность программ и укрепляет легитимность результатов оценки. Совместная разработка индикаторов эффективности позволяет более точно учитывать локальные условия и повышать адаптивность программ. Включение всех сторон в процесс оценки способствует созданию открытых и доверительных отношений, что важно для дальнейшей устойчивости проектов.

В целом эмпирические исследования, проведенные в различных странах, в том числе в Африке и Латинской Америке, подтверждают положительную корреляцию между внедрением систем мониторинга и оценки и устойчивостью социальных проектов [6]. Регулярный сбор и анализ данных позволяет своевременно выявлять риски, принимать обоснованные решения и более эффективно распределять ресурсы [7,8]. Более того, активное использование результатов мониторинга помогает организациям гибко реагировать на изменения внешней среды и адаптировать свою деятельность к новым вызовам.

В контексте институционального внедрения систем оценки, одним из ключевых аспектов, поднимаемых в научной литературе, является необходимость согласования понятийного аппарата и методологических подходов [9]. Это включает как стратегическое, так и оперативное планирование, где интеграция оценки на всех этапах позволяет не только измерять результаты, но и проводить глубокий анализ процессов [10]. Такое согласование подходов способствует институциональному обучению, повышению подотчетности и устойчивости НПО в долгосрочной перспективе. Также важно, чтобы акцент в оценке смещался с исключительно измеряемых конечных результатов на анализ процессов, что способствует формированию «обучающейся организации».

В целом текущие результаты подчеркивают, что для качественного внедрения систем оценки эффективности НПО необходимо не только техническое обновление и совершенствование инструментов, но и глубокое стратегическое переосмысление их роли в более широком контексте управления знаниями, повышения социальной ответственности и укрепления устойчивости. Это требует не только внедрения новых технологий, но и пересмотра подходов к интеграции оценки на всех уровнях организации, а также учета интересов всех заинтересованных сторон. Такой подход позволит организациям эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям и обеспечивать долгосрочную результативность своих программ.

Обсуждение и результаты исследования

При разработке системы оценки эффективности критически важна четкая дифференциация понятий «результаты» (outputs), «последствия» (outcomes) и «воздействие» (impact). В документе, подготовленном в рамках Программы анализа сектора НПО для ряда европейских организаций [11], это разграничение выступает ключевым элементом, способствующим повышению точности и обоснованности аналитических заключений. Уточнение указанных дефиниций способствует формированию более объективных и измеримых показателей эффективности, а также повышает степень достоверности оценки вклада НПО в достижение социально значимых целей.

Таблица 1. Дифференциация критериев оценки эффективности [11]

Точка измерения	Что измеряется	Индикаторы
Результаты	Усилия	Реализация мероприятий
Последствия	Эффективность	Использование результатов и устойчивое получение выгод
Воздействие	Изменение	Разница по сравнению с исходной проблемной ситуацией

Опираясь на данную концептуальную рамку, можно выделить разнообразие подходов и инструментов, применяемых в мировой практике для оценки эффективности НПО, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Однако, несмотря на наличие значительного методического арсенала, проблема обеспечения объективности и прозрачности данных оценок остается актуальной — особенно в условиях необходимости

принятия решений о распределении финансовых ресурсов и определении приоритетных организаций, соответствующих критериям результативности и устойчивости [12]. Тем не менее разработка таких методов не только способствует повышению организационной результативности, но и позволяет продемонстрировать успешные практики, укрепляя доверие инвесторов и поддерживая долгосрочные партнерства.

По результатам обзора международного опыта методологию оценки НПО можно условно поделить на внешнюю и внутреннюю.

Методы внешней оценки эффективности НПО. Эффективная оценка воздействия деятельности неправительственных организаций требует применения широкого спектра внешних методов, ориентированных на объективный и независимый анализ достигнутых результатов. Каждый из таких подходов обладает своими преимуществами, ограничениями и сферой применимости. Наиболее широко используемыми в мировой практике являются объективное и субъективное измерение, компаративный анализ. Рассмотрим их более детально.

Объективное измерение. Этот метод фокусируется на количественных данных. К примеру, таких как количество обученных людей, количество вакцинированных детей, доступ к чистой воде и другие показатели. Он широко используется благодаря своей простоте и доступности, а также возможности оперативно собирать данные о результатах деятельности. В рамках данного подхода критерии оценки могут содержать следующие количественные показатели.

1. Число обслуженных человек.
2. Процент клиентов, достигших своих целей.
3. Количество волонтеров.
4. Часы волонтерской работы.
5. Количество доноров.
6. Общая сумма пожертвований.
7. Средний размер пожертвования.
8. Расходы на фандрайзинг [13].

Однако, несмотря на свою точность, количественные показатели часто не способны полностью отразить качественные изменения в жизни целевых групп, такие как улучшение уровня жизни или повышение социальной активности. Следовательно, этот подход ограничен в способности комплексно оценивать воздействие НПО.

Субъективное измерение. Данная измерительная оптика включает сбор сведений через личные интервью, фокус-группы и опросы среди объектов деятельности НПО. Этот подход предоставляет важную информацию о восприятии результатов программ целевой аудиторией и позволяет выявить скрытые потребности и проблемы, которые не фиксируются через количественные данные. К примеру, в рамках разработки индекса развития молодежи включаются субъективные показатели, которые формируются на основе опроса молодежи.

Однако такой метод может быть подвержен личным предвзятостям респондентов и ограничен в плане обобщаемости полученных выводов.

Компаративный анализ. Метод сравнительных исследований, включая контрольные и экспериментальные группы, позволяет более объективно оценить результаты вмешательства НПО. Например, в образовательных проектах можно сравнить группу детей, получивших дополнительное образование, с группой, не получившей такой помощи. Этот подход позволяет детально анализировать влияние программы, выявлять причины успехов или неудач, а также изучать барьеры, препятствующие эффективной реализации проектов. В то же время, такой метод может требовать значительных затрат времени и ресурсов для организации контрольных групп и проведения долгосрочных наблюдений.

Таблица 2. SWOT-анализ методов внешней оценки эффективности НПО

Метод оценки	Сильные стороны	Слабые стороны
Объективное измерение	• Упрощает сбор и анализ данных, обеспечивая эффективную обработку и четкие метрики для оценки деятельности НПО. • Позволяет быстро формировать отчетность, предоставляя быстрые данные для заинтересованных сторон, таких как доноры и партнеры. • Высокая доступность и понятность для внешних стейкхолдеров, что повышает прозрачность в вопросах финансирования и подотчетности.	• Не отражает качественные изменения или контекстные нюансы, что ограничивает способность метода показать реальное воздействие деятельности НПО. • Фокусируется на немедленных, измеримых показателях, что может исказить представление об устойчивой эффективности НПО и снижать качество оценки.
Субъективное измерение	• Обеспечивает более глубокое понимание реального воздействия программ НПО за счет фиксации качественных изменений, таких как сдвиги в восприятии или поведении сообществ. • Позволяет выявлять скрытые, но важные аспекты воздействия, такие как усиление социальной сплоченности или расширение прав и возможностей. • Подходит для оценки сложных, поведенчески-ориентированных результатов, предлагая более целостное представление о вкладе НПО.	• Сложности в стандартизации и обработке данных из-за зависимости от субъективных мнений, что затрудняет сравнение программ или организаций. • Может исказить результаты из-за предвзятости со стороны участников и снижать их надежность. • Требуется значительных ресурсов и экспертизы для интерпретации качественных данных, что увеличивает сложность оценки.
Компаративный анализ	• Обеспечивает высокую достоверность результатов за счет сравнения эффективности НПО с контрольными группами, предоставляя убедительные доказательства воздействия. • Минимизирует влияние внешних факторов на данные, обеспечивая более чистые результаты НПО.	• Требуется высоких затрат на проведение исследований, что может быть недоступно для небольших НПО. • Вызывает этические и логистические проблемы, такие как трудности с созданием сопоставимых контрольных групп без ущерба для справедливости или доступа к услугам.

	• Поддерживает принятие решений на основе доказательств, предоставляя четкие данные об эффективности программ.	• Требуется высокая методологическая экспертиза, что ограничивает его доступность.
--	--	--

Методы внутренней оценки эффективности НПО. Наряду с внешними подходами, важную роль в обеспечении прозрачности, подотчетности и устойчивости НПО играет внутренняя оценка эффективности. В условиях растущей конкуренции за ресурсы и внимания со стороны доноров и общества НПО все чаще прибегают к самооценке, стремясь продемонстрировать свою результативность, институциональную зрелость и способность к саморазвитию. Внутренняя оценка позволяет организациям не только отслеживать достижения и корректировать стратегию, но и укреплять доверие со стороны заинтересованных сторон. Для этого используются различные инструменты, ориентированные на системное и объективное измерение результатов деятельности. Так, в ряде стран наибольшее распространение получили следующие подходы [14].

Логико-структурный подход, используемый для планирования и мониторинга проектов в области развития. Он формализует взаимосвязь между ресурсами, активностями, результатами и конечными целями проекта, что способствует эффективному управлению проектом и соблюдению критериев отчетности. Данный подход предоставляет НПО с регистрацией в рамках 12А и 80G существенные преимущества, так как облегчает донорское финансирование и демонстрацию достигнутых результатов в соответствующих отчетах [14]. Как отмечает известный исследователь в области проектного менеджмента, использование подхода повышает прозрачность деятельности и способствует эффективной координации на всех уровнях проекта [15].

Теория изменений, представляет собой стратегический подход, основанный на ретроспективном анализе действий, направленных на достижение желаемых изменений. В отличие от более линейного логико-структурного подхода, он акцентирует внимание на сложных и взаимосвязанных процессах, которые формируют долгосрочные результаты. Этот инструмент позволяет НПО создавать графическое представление причинно-следственных связей, подтверждающих, как их действия ведут к желаемым изменениям. Теория изменений особенно эффективна для разработки долгосрочных стратегий, согласования интересов ключевых участников и обеспечения миссии организации [16].

Сбор результатов, отличается от других инструментов тем, что он фокусируется на анализе достигнутых изменений и их причин. Особенно полезен в тех случаях, когда результат зависит от множества переменных, и процесс изменений нельзя описать линейно. Данный подход позволяет организациям учиться на собственном опыте и адаптировать стратегии в ответ на реальную ситуацию. Это особенно важно для НПО, работающих в условиях высокой динамичности или занимающихся социальными проблемами, требующими гибкости в подходах.

Социальная окупаемость инвестиций, позволяет перевести результаты социальных изменений в денежный эквивалент, что особенно полезно для доноров и инвесторов. Данный метод помогает продемонстрировать эконо-

мический эффект от социальных программ, позволяя оценить, какую прибыль приносит каждая потраченная единица ресурсов. Однако применение этого метода требует наличия достаточно точных данных о социальном воздействии и их переводе в финансовые термины, что может быть затруднительно в случае сложных или долгосрочных социальных изменений.

Таблица 3. SWOT-анализ методов внутренней оценки эффективности НПО

Метод оценки	Сильные стороны	Слабые стороны
Логико-структурный подход	• Обеспечивает четкую структуру для планирования, мониторинга и оценки, упрощая постановку целей и контроль их достижения в деятельности НПО. • Способствует распределению обязанностей внутри организации, повышая координацию и эффективность внутренних процессов. • Усиливает прозрачность отчетности перед внутренними и внешними стейкхолдерами.	• Требует значительных затрат времени и ресурсов на предварительную разработку логической модели, что может быть обременительным для небольших НПО. • Ограничивает учет неожиданных или неформальных результатов, снижая полноту оценки.
Теория изменений	• Поддерживает гибкость в планировании и оценке, позволяя ориентироваться на долгосрочные социальные изменения, а не только на краткосрочные результаты. • Обеспечивает комплексное понимание причинно-следственных связей, помогая НПО выявить, как их действия приводят к желаемым эффектам. • Подходит для оценки сложных системных проектов, где задействованы множественные факторы и стейкхолдеры.	• Сложность перевода теоретической модели в практические шаги без глубокого анализа. • Требует высокого уровня вовлеченности и понимания всех заинтересованных сторон. • Риск субъективности в определении ожидаемых изменений, что может снизить объективность оценки.
Сбор результатов.	• Позволяет выявлять реальные изменения и ошибки на всех этапах реализации программ, обеспечивая обратную связь для улучшения стратегий НПО. • Способствует адаптации программ на основе фактических данных, что повышает их релевантность и эффективность. • Поддерживает обучение внутри организации, позволяя командам корректировать подходы в реальном времени.	• Затрудняет точное определение вклада НПО в достигнутые результаты из-за влияния внешних факторов. • Сравнение данных по результатам в разных контекстах может быть проблематичным из-за отсутствия единых стандартов. • Требует значительных ресурсов для систематического сбора и анализа данных.
Социальная окупаемость инвестиций	• Преобразует социальное воздействие в измеримую экономическую ценность, что упрощает обоснование эффективности программ для доноров и инвесторов.	• Сложности с переводом качественных социальных изменений в финансовые показатели.

Социальная окупаемость инвестиций	• Упрощает коммуникацию с заинтересованными сторонами, представляя результаты в понятной финансовой форме. • Помогает НПО обосновать необходимость инвестиций, связывая социальные результаты с экономической выгодой.	• Фокус на измеримости может искажать общую картину, игнорируя нематериальные или трудно измеримые эффекты. • Требуется учета всех социальных факторов, что усложняет анализ и увеличивает затраты на проведение оценки.
-----------------------------------	---	---

Комплексное использование методов внутренней и внешней оценки обеспечивает всестороннюю и объективную характеристику эффективности деятельности НПО. Интеграция различных подходов позволяет минимизировать методологические ограничения, повысить достоверность анализа и сформировать точное представление о воздействии НПО на целевые группы и общество в целом.

Наряду с рассмотренными подходами в последние годы также отмечается устойчивый рост применения передовых технологий в процессах мониторинга и оценки деятельности НПО. Использование анализа больших данных и инструментов искусственного интеллекта значительно расширяет возможности повышения точности, масштабируемости и оперативности оценки результатов программ. Например, платформа GlobalGiving предоставляет НПО инструменты для мониторинга проектов в реальном времени [17]. Так, организации, реализующие образовательные программы в Южной Азии, используют дашборды GlobalGiving для отслеживания таких показателей, как посещаемость школ и успеваемость учащихся, что позволяет оперативно выявлять отклонения, например снижение посещаемости из-за сезонных факторов, и своевременно корректировать программы.

Особое значение приобретают технологии блокчейн, обеспечивающие прозрачность и неизменность данных о расходовании финансовых ресурсов. Примером служит инициатива Всемирной продовольственной программы ООН, которая внедрила блокчейн для мониторинга распределения гуманитарной помощи в лагерях беженцев в Иордании [18]. Такие решения укрепляют доверие доноров, партнеров и общества, снижая риски коррупции и злоупотреблений.

Инновационные платформы для мониторинга и анализа данных в реальном времени позволяют НПО оперативно отслеживать ход реализации проектов, выявлять отклонения и адаптировать стратегии. Эти технологии открывают новые перспективы для комплексной и динамичной оценки воздействия программ. При этом внедрение таких инструментов требует от НПО гибкости, готовности к непрерывному обучению и адаптации к быстро меняющемуся технологическому ландшафту. Применение инновационных решений не только повышает качество оценки, но и способствует укреплению общей эффективности и устойчивости деятельности НПО в долгосрочной перспективе.

Анализ текущей ситуации в Казахстане позволяет предположить наличие институционального дефицита в области методологического обеспечения оценки эффективности деятельности НПО. Отсутствие четко определенных и общепринятых на национальном уровне критериев оценки может ограничивать возможности проведения комплексного, воспроизводимого и

сопоставимого анализа работы гражданского сектора. Это, в свою очередь, потенциально снижает уровень прозрачности и затрудняет стратегическое планирование как для самих НПО, так и для государственных структур, взаимодействующих с ними.

Результаты исследований демонстрируют, что отсутствие стандартизированных подходов к финансированию и оценке НПО приводит к неэффективному распределению ресурсов и ограничению их вклада в социальное развитие [19]. Аналогичные выводы представлены в обзоре государственного финансирования НПО, где подчеркивается необходимость адаптации международных практик к локальным условиям для повышения их устойчивости [20]. В частности, при принятии решений о поддержке и финансировании НПО государственные органы нередко ориентируются на международные стандарты оценки, однако такой подход зачастую применяется без должного учета особенностей национального контекста, включая уровень институционального развития, региональные различия и ограниченность ресурсов.

Одним из актуальных примеров может служить процесс распределения государственного социального заказа, в рамках которого обсуждаются изменения в законодательстве, направленные на преодоление этих ограничений и повышение эффективности взаимодействия между государством и НПО. Согласно данным на 1 января 2025 года, из более чем 23 000 зарегистрированных НПО в Казахстане активными являются свыше 18 000, но лишь около 900 из них ежегодно получают государственное финансирование для реализации социальных проектов [21]. В условиях высокой конкуренции и неоднородности сектора предложен дифференцированный подход к отбору поставщиков услуг в рамках государственного социального заказа, предполагающий использование шкалы институциональной зрелости организаций как количественного критерия.

В рамках предложенной модели предполагается, что:

- более зрелые, устойчивые и профессиональные НПО могут претендовать на финансирование крупных социальных проектов;
- менее опытные, региональные или недавно зарегистрированные организации могут быть ориентированы на реализацию малых проектов.

Разработчики модели указывают на ее потенциальные преимущества, включая более эффективное распределение ресурсов с учетом институциональной зрелости НПО, создание условий для профессионального роста опытных организаций и постепенное развитие компетенций новых участников, а также снижение рисков, связанных с неоправданным усложнением задач [21].

В то же время в сопроводительных документах отмечаются возможные риски, связанные с внедрением данного подхода. Среди них — вероятность неэффективного использования бюджетных средств и несоблюдения сроков реализации проектов менее опытными и институционально неустойчивыми НПО. Кроме того, внедрение модели может повлечь увеличение нагрузки на административные структуры, ответственные за сопровождение и мониторинг деятельности новых участников социального сектора, что, вероятно, потребует дополнительных ресурсов и квалификации.

Данный пример иллюстрирует лишь одну из возможных проблем, связанных с отсутствием стандартизированных критериев оценки эффективно-

сти НПО в Казахстане. Недостаток единых подходов, вероятно, ограничивает возможности формирования устойчивой системы измерения результативности и воздействия деятельности организаций, а также затрудняет внедрение адаптированных к национальному контексту механизмов оценки.

В среднесрочной перспективе внедрение дифференцированной модели оценки и отбора НПО может способствовать переходу от формализованного распределения ресурсов к более целенаправленному и структурированному управлению гражданским сектором. Подобный подход обладает потенциалом для повышения эффективности использования бюджетных средств, стимулирования профессионализации НПО и содействия их устойчивому развитию.

Тем не менее успешная реализация данной практики, вероятно, потребует не только адаптации международных подходов к оценке эффективности, но и разработки национальных стандартов, учитывающих специфику казахстанского контекста, включая уровень организационного развития третьего сектора, региональные особенности и характер взаимодействия между государством и гражданским обществом. Создание таких стандартов может стать ключевым условием для формирования прозрачной, справедливой и воспроизводимой системы оценки, способной поддерживать развитие казахстанских НПО в долгосрочной перспективе.

В условиях современных вызовов и ограниченности ресурсов качественная и всесторонняя оценка, вероятно, является важным инструментом стратегического управления и устойчивого развития гражданского сектора. Применение различных методов и инструментов оценки может способствовать повышению эффективности НПО, укреплению их прозрачности, подотчетности и доверия со стороны доноров, партнеров и общества в целом.

Выводы

Анализ результатов исследования позволяет предположить, что разработка системного и многоуровневого подхода к оценке эффективности деятельности неправительственных организаций в Казахстане может быть значимым шагом для повышения их результативности. Наблюдаемое в настоящее время ограниченное использование международных практик оценки эффективности НПО указывает на потенциальную целесообразность их адаптации к особенностям местного контекста.

В ходе исследования были выявлены определенные методологические ограничения, которые могут снижать применимость предложенных моделей в условиях Казахстана. В частности, недостаток эмпирических данных, основанных на примерах деятельности локальных НПО, ограничивает возможности валидации и практической реализации разработанных подходов. Это подчеркивает возможную потребность в дальнейшем сборе и анализе эмпирических данных для повышения надежности и актуальности оценочных моделей.

Результаты исследования также указывают на ряд перспективных направлений для дальнейших научных изысканий, среди которых можно отметить следующие:

- изучение возможностей разработки национальной системы оценки эффективности НПО с учетом местных особенностей и потребностей;

- рассмотрение включения шкалы институциональной зрелости для более точной оценки организационного развития НПО;
- исследование потенциала применения технологий цифровой аналитики для оптимизации процессов мониторинга и оценки.

Эти направления могут представлять интерес как с академической, так и с практической точки зрения, потенциально способствуя совершенствованию механизмов взаимодействия государства и неправительственного сектора в Казахстане.

В целом исследование предлагает теоретико-методологическую основу, которая может послужить ориентиром для трансформации подходов к управлению и оценке деятельности НПО. В условиях нарастающих социальных вызовов и ограниченности ресурсов переход к научно обоснованным и технологически поддерживаемым стратегиям управления может способствовать повышению устойчивости и общественной значимости третьего сектора. При условии дальнейшей эмпирической проработки и институциональной поддержки предложенные подходы могли бы заложить основу для формирования национальной стратегии развития НПО, направленной на их профессионализацию и укрепление роли в общественных процессах.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования «Исследование потенциала неправительственных организаций в контексте выстраивания общественного договора» (ИРН № BR24993126), финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан..

Список литературы

1. Министерство культуры и информации Республики Казахстан. 23 335 НПО зарегистрировано в Казахстане. — <https://www.gov.kz/memleket/entities/tam/press/news/details/659408?lang=ru>. (дата обращения: 25.08.2025)
2. MZENGA S. Assessing the practices and challenges of project monitoring and evaluation system of local NGOs in Addis Ababa: дис. — ST. MARY'S UNIVERSITY, 2021.
3. Molapo L. W. An assessment of the components of an effective monitoring and evaluation system in local NGOs: A case study of Earthchild project // Unpublished Master's thesis, Stellenbosch University, South Africa. — 2019.
4. Mahdi F. The effectiveness of the monitoring and evaluation system in NGOs operating on the Syrian response. — 2023.
5. Karanja J. W., Yusuf M. Role of monitoring and evaluation on performance of non-governmental organizations projects in Kiambu County //International Journal of Management and Commerce Innovations. — 2018. — Т. 6. — №. 1. — С. 649-664.
6. Matyoko P. A. Assessment of the Effectiveness of Monitoring and Evaluation Systems on NGOs Projects Sustainability in Tanzania: дис. — The Open University of Tanzania, 2019.
7. Karani F. N., Bichanga W. O., Kamau C. G. Effective use of monitoring and evaluation systems in managing HIV/AIDS related projects: A case study of local NGOS in Kenya //Science Journal of Business and Management. — 2014. — Т. 2. — №. 2. — С. 67-76.
8. Eremugo I., Okoche J. M. M. Influence of monitoring and evaluation system components on the performance of National Non-Governmental Organizations (NNGOs): A case of Global Aim Uganda //Journal of Business and Strategic Management. — 2021. — Т. 6. — №. 3. — С. 57-81.

9. Mebrahtu E. Perceptions and practices of monitoring and evaluation: international NGO experiences in Ethiopia // *Development in Practice*. – 2002. – Т. 12. – №. 3-4. – С. 501-517.
10. Sawadogo-Lewis T., Bryant R., Robertson T. NGO perspectives on the challenges and opportunities for real-world evaluation: a qualitative study // *Global health action*. – 2022. – Т. 15. – №. 1. – С. 2088083.
11. NGO Policy Briefing Paper No. 3, March 2001. For the NGO Sector Analysis Programme. – <https://www.intrac.org/app/uploads/2024/12/Briefing-Paper-3-NGOs-and-Impact-Assessment.pdf>. (дата обращения: 25.08.2025)
12. The Hard Work of Measuring Social Impact, by Julia Hanna on June 14, 2010. – <https://www.library.hbs.edu/working-knowledge/the-hard-work-of-measuring-social-impact>. (дата обращения: 25.08.2025)
13. Measuring Nonprofit Impact: 25 Metrics & Tools for Success. – <https://nonprofitmegaphone.com/blog/measuring-nonprofit-impact-25-key-metrics-other-tools-for-success>. (дата обращения: 25.08.2025)
14. Aditi Bagchi, How to Measure the Impact of an NGO's Work? – <https://www.vakilkaro.com/blogs/how-to-measure-the-impact-of-an-ngos-work>. (дата обращения: 25.08.2025)
15. Yibin Fabricius Zhang, Too little or too much transparency? Influencing accountability in project management through the practices of using digital technologies, *International Journal of Project Management*, Volume 42, Issue 6, 2024, 102636, ISSN 0263-7863. – <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0263786324000784>. (дата обращения: 25.08.2025)
16. Chen, H.-T. (2015). Theory-driven evaluation. In *The SAGE encyclopedia of social science research methods* (pp. 896–900). SAGE Publications.
17. GlobalGiving. Nonprofits. – <https://www.globalgiving.org/nonprofits/>. (дата обращения: 11.09.2025)
18. World Food Programme. Building Blocks. – <https://grok.com/c/4be6262e-8018-4143-a0c4-0538a27b559e>. (дата обращения: 11.09.2025)
19. Kabbdiyeva A., Dixon J. Collaboration between the state and NGOs in Kazakhstan // *International Journal of Community and Cooperative Studies*. – 2014. – Т. 1. – №. 2. – С. 27-41.
20. Ovcharenko V. Government financing of NGOs in Kazakhstan: Overview of a controversial experience // *Int'l J. Not-for-Profit L.* – 2005. – Т. 8. – С. 21.
21. Агзам Абдрахманов. Только 5% НПО ежегодно получают госфинансирование в Казахстане, – <https://exclusive.kz/tolko-5-pro-vezhegodno-poluchajut-gosfinansirovanie-v-kazahstane/>. (дата обращения: 25.08.2025)

References:

1. Ministerstvo kul'tury i informatsii Respubliki Kazakhstan. 23 335 NPO zaregistrovano v Kazakhstane. – <https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/press/news/details/659408?lang=ru>. (data obrashcheniya: 25.08.2025)
2. MZENGA S. Assessing the practices and challenges of project monitoring and evaluation system of local NGOs in Addis Ababa: дис. – ST. MARY'S UNIVERSITY, 2021.
3. Molapo L. W. An assessment of the components of an effective monitoring and evaluation system in local NGOs: A case study of Earthchild project // Unpublished Master's thesis, Stellenbosch University, South Africa. – 2019.
4. Mahdi F. The effectiveness of the monitoring and evaluation system in NGOs operating on the Syrian response. – 2023.
5. Karanja J. W., Yusuf M. Role of monitoring and evaluation on performance of non-governmental organizations projects in Kiambu County // *International Journal of Management and Commerce Innovations*. – 2018. – Т. 6. – №. 1. – С. 649-664.
6. Matyoko P. A. Assessment of the Effectiveness of Monitoring and Evaluation Systems on NGOs Projects Sustainability in Tanzania: дис. – The Open University of Tanzania, 2019.
7. Karani F. N., Bichanga W. O., Kamau C. G. Effective use of monitoring and evaluation systems in managing HIV/AIDS related projects: A case study of local NGOS in Kenya // *Science Journal of Business and Management*. – 2014.

- Т. 2. – №. 2. – С. 67-76.
8. Eremugo I., Okoche J. M. M. Influence of monitoring and evaluation system components on the performance of National Non-Governmental Organizations (NNGOs): A case of Global Aim Uganda //Journal of Business and Strategic Management. – 2021. – Т. 6. – №. 3. – С. 57-81.
 9. Mebrahtu E. Perceptions and practices of monitoring and evaluation: international NGO experiences in Ethiopia //Development in Practice. – 2002. – Т. 12. – №. 3-4. – С. 501-517.
 10. Sawadogo-Lewis T., Bryant R., Robertson T. NGO perspectives on the challenges and opportunities for real-world evaluation: a qualitative study // Global health action. – 2022. – Т. 15. – №. 1. – С. 2088083.
 11. NGO Policy Briefing Paper No. 3, March 2001. For the NGO Sector Analysis Programme, – <https://www.intrac.org/app/uploads/2024/12/Briefing-Paper-3-NGOs-and-Impact-Assessment.pdf>. (data obrashcheniya: 25.08.2025)
 12. The Hard Work of Measuring Social Impact, by Julia Hanna on June 14, 2010, – <https://www.library.hbs.edu/working-knowledge/the-hard-work-of-measuring-social-impact>. (data obrashcheniya: 25.08.2025)
 13. Measuring Nonprofit Impact: 25 Metrics & Tools for Success, – <https://nonprofitmegaphone.com/blog/measuring-nonprofit-impact-25-key-metrics-other-tools-for-success>. (data obrashcheniya: 25.08.2025)
 14. Aditi Bagchi, How to Measure the Impact of an NGO's Work? – <https://www.vakilkaro.com/blogs/how-to-measure-the-impact-of-an-ngos-work>, (data obrashcheniya: 25.08.2025)
 15. Yibin Fabricius Zhang, Too little or too much transparency? Influencing accountability in project management through the practices of using digital technologies, International Journal of Project Management, Volume 42, Issue 6, 2024, 102636, ISSN 0263-7863. – <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0263786324000784>, (data obrashcheniya: 25.08.2025)
 16. Chen, H.-T. (2015). Theory-driven evaluation. In The SAGE encyclopedia of social science research methods (pp. 896–900). SAGE Publications.
 17. GlobalGiving. Nonprofits. – <https://www.globalgiving.org/nonprofits/>. (data obrashcheniya: 11.09.2025)
 18. World Food Programme. Building Blocks. – <https://grok.com/c/4be6262e-8018-4143-a0c4-0538a27b559e>. (data obrashcheniya: 11.09.2025)
 19. Kabbdiyeva A., Dixon J. Collaboration between the state and NGOs in Kazakhstan //International Journal of Community and Cooperative Studies. – 2014. – Т. 1. – №. 2. – С. 27-41.
 20. Ovcharenko V. Government financing of NGOs in Kazakhstan: Overview of a controversial experience //Int'l J. Not-for-Profit L. – 2005. – Т. 8. – С. 21.
 21. Agzam Abdrakhmanov. Tol'ko 5% NPO ezhegodno poluchayut gosfinansirovanie v Kazakhstane. – <https://exclusive.kz/tolko-5-npo-ezhegodno-poluchajut-gosfinansirovanie-v-kazahstane/>. (data obrashcheniya: 25.08.2025)

Материал поступил в редакцию 29.08.2025

Утвержден к публикации 22.09.2025

ОЦЕНКА РОЛИ МАСЛИХАТОВ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Габит Тажимуратов^{1*}

Максим Споткай²

Эльмира Отар³

^{1*} Магистрант программы ЕМРА Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан; e-mail: gabit2372@gmail.com

² Профессор Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан; e-mail: spotkai@parlam.kz

³ Ассоциированный профессор Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан; e-mail: ot_el@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.004>

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ участия маслихатов (местных представительных органов) Республики Казахстан в формировании социально-ориентированного государства. Исследование охватывает деятельность маслихатов в городах Астана и Алматы, а также в Костанайской, Мангистауской, Восточно-Казахстанской и Туркестанской областях в период 2020–2024 гг. На основе методов контент-анализа, сравнительного и институционального подходов изучены ключевые направления социальной политики, формы взаимодействия с населением и гражданским обществом, степень институциональной самостоятельности и реальные результаты в улучшении качества жизни граждан.

Анализ показал, что, несмотря на расширение полномочий маслихатов после реформ 2022 года, сохраняются институциональные ограничения, такие как доминирование исполнительной власти, слабая нормативно-правовая база и низкий уровень инициативности отдельных депутатов. В то же время выявлены региональные практики эффективного взаимодействия с населением и реализация значимых инфраструктурных и социальных программ. Особое внимание уделено роли маслихатов в продвижении общенациональных ценностей, укреплении социальной сплочённости и

профилактике межэтнических конфликтов.

Полученные результаты свидетельствуют о важной посреднической роли маслихатов в локализации государственной политики, однако для повышения их эффективности необходима дальнейшая институционализация, усиление законодательной базы, развитие механизмов подотчётности и вовлечения граждан.

***Ключевые слова:** маслихаты, местное самоуправление, социальная политика, гражданское общество, институциональная самостоятельность, взаимодействие с населением, региональное развитие, социально-ориентированное государство, политическая культура, Казахстан.*

МӘСЛИХАТТАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК БАҒДАРЛАНҒАН МЕМЛЕКЕТТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ РӨЛІН БАҒАЛАУ

Ғабит Тәжімұратов^{1*}, Максим Споткай², Эльмира Отар³

¹ Мемлекеттік саясаттың ұлттық мектебінің магистранты, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Астана, Қазақстан

² Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Мемлекеттік саясаттың ұлттық мектебінің профессоры, Астана, Қазақстан

³ Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Мемлекеттік саясаттың ұлттық мектебінің доценті, Астана, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада Қазақстан Республикасындағы мәслихаттардың (жергілікті өкілетті органдардың) әлеуметтік бағдарланған мемлекетті қалыптастыруға қатысуына кешенді талдау ұсынылады. Зерттеу 2020–2024 жылдар аралығында Астана және Алматы қалалары мен Қостанай, Маңғыстау, Шығыс Қазақстан және Түркістан облыстарындағы мәслихаттардың қызметін қамтиды. Контент-талдау, салыстырмалы және институционалдық әдістер негізінде әлеуметтік саясаттың негізгі бағыттары, халықпен және азаматтық қоғаммен өзара әрекет формалары, институционалдық дербестік деңгейі мен азаматтардың өмір сүру сапасын жақсартудағы нақты нәтижелері қарастырылды.

Анализ нәтижелері көрсеткендей, 2022 жылғы реформалардан кейін мәслихаттардың өкілеттіктері кеңейтілгенімен, атқарушы биліктің үстемдігі, нормативтік-құқықтық базаның әлсіздігі және жекелеген депутаттардың төмен бастамашылығы сияқты институционалдық шектеулер сақталуда. Сонымен қатар, халықпен тиімді өзара әрекеттесу және маңызды инфрақұрылымдық әрі әлеуметтік бағдарламаларды іске асыру бойынша аймақтық тәжірибелер анықталды. Мәслихаттардың ұлттық құндылықтарды ілгерілету, әлеуметтік бірлікті нығайту және этносаралық қақтығыстардың алдын алу ісіндегі рөліне ерекше назар аударылды.

Зерттеу нәтижелері мәслихаттардың мемлекеттік саясатты жергілікті деңгейде іске асыруда маңызды делдалдық рөл атқаратынын көрсетеді. Де-

генмен, олардың тиімділігін арттыру үшін институционализацияны тереңдету, заңнамалық базаны нығайту, есеп берушілік пен азаматтарды қатыстыру механизмдерін дамыту қажет.

Түйін сөздер: *мәслихаттар, жергілікті өзін-өзі басқару, әлеуметтік саясат, азаматтық қоғам, институционалдық дербестік, халықпен өзара әрекет, өңірлік даму, әлеуметтік бағдарланған мемлекет, саяси мәдениет, Қазақстан.*

AN ASSESSMENT OF THE ROLE OF MASLIKHATS IN THE FORMATION OF A SOCIALLY-ORIENTED STATE

Gabit Tazhimuratov¹, Maxim Spotkay², Elmira Otar³

¹ Master's Student, National School of Public Policy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

² Professor, National School of Public Policy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

³ Associate Professor, National School of Public Policy, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the participation of maslikhats (local representative bodies) of the Republic of Kazakhstan in the formation of a socially-oriented state. The study covers the activities of maslikhats in the cities of Astana and Almaty, as well as in the Kostanay, Mangystau, East Kazakhstan, and Turkestan regions during the period 2020–2024. Using methods of content analysis, comparative and institutional approaches, the key directions of social policy, forms of interaction with the population and civil society, the degree of institutional independence, and the actual results in improving the quality of life of citizens were examined.

The analysis showed that despite the expansion of the powers of maslikhats following the 2022 reforms, institutional limitations remain, such as the dominance of the executive branch, a weak regulatory framework, and a low level of initiative among individual deputies. At the same time, regional practices of effective interaction with the population and the implementation of significant infrastructure and social programs were identified. Special attention is given to the role of maslikhats in promoting national values, strengthening social cohesion, and preventing interethnic conflicts.

The results indicate the important intermediary role of maslikhats in localizing state policy; however, further institutionalization, strengthening of the legislative base, and development of mechanisms for accountability and citizen engagement are necessary to increase their effectiveness.

Keywords: *maslikhats, local self-government, social policy, civil society, institutional independence, interaction with the population, regional development, socially-oriented state, political culture, Kazakhstan.*

Введение

В свете закона «О местном государственном управлении и самоуправлении» маслихаты играют ключевую роль в формировании социально-ориентированного государства, выступая в качестве локальных центров общественной консолидации и эффективных участников реализации государственной политики. Они утверждают планы и программы социально-экономического развития территорий, контролируют исполнение местных бюджетов и бюджетных программ, а также принимают решения по вопросам социальной поддержки различных категорий граждан, включая меры в сферах здравоохранения, образования и социальной защиты. Маслихаты активно участвуют в формировании условий для привлечения инвестиций, что способствует устойчивому развитию регионов и повышению уровня жизни населения. Благодаря расширению полномочий и укреплению самостоятельности в рамках конституционной реформы 2022 года, маслихаты стали важным звеном в обеспечении прозрачности, подотчетности и эффективности местного управления, что напрямую способствует реализации задач построения справедливого и социально ориентированного государства [1].

Формирование социально-ориентированного государства требует эффективного взаимодействия всех уровней государственной власти, включая местные представительные органы. В данном контексте особую значимость приобретает оценка роли маслихатов как институтов, обеспечивающих реализацию социальной политики на региональном уровне. Анализ их вклада основывается на ряде ключевых критериев, включающих институциональные, функциональные и социальные аспекты.

1. Участие маслихатов в реализации социальных реформ и программ

Одной из важнейших функций маслихатов является участие в разработке, утверждении и мониторинге реализации государственных и президентских программ, направленных на повышение уровня социального благополучия. Маслихаты играют активную роль в:

- утверждении и контроле реализации программ в сферах здравоохранения, образования и социальной защиты;
- развитии социальной инфраструктуры;
- формировании условий для привлечения инвестиций, способствующих социально-экономическому росту регионов.

Таким образом, анализ участия маслихатов в реализации реформ позволяет судить об их реальной вовлечённости в процессы модернизации социальной политики на местах.

2. Институциональная самостоятельность и расширение полномочий

Эффективность деятельности маслихатов во многом зависит от степени их институциональной автономии. Законодательные изменения, особенно реформы 2022 года, значительно расширили компетенции местных представительных органов, включая:

- право утверждения местных бюджетов и программ социально-экономического развития;
- полномочия по контролю за деятельностью исполнительных органов власти;
- независимость в принятии решений, минимизирующая влияние со

стороны акиматов.

Эти положения служат основой для оценки степени субъектности маслихатов в системе государственного управления.

3. Взаимодействие с населением и институтами гражданского общества

Функционирование маслихатов в качестве посредников между населением и государственными структурами является критически важным элементом в обеспечении демократической легитимности власти. В этой связи анализу подлежит:

- организация публичных слушаний, работа с обращениями граждан, проведение приёмов;
- сотрудничество с некоммерческими организациями и инициативными группами;
- обеспечение открытости и доступности информации о деятельности маслихатов.

Подобные практики способствуют более широкому вовлечению граждан в процессы принятия решений на местном уровне.

4. Вклад в общественную консолидацию и формирование ценностных ориентиров

Маслихаты также рассматриваются как важные акторы общественной консолидации. Их деятельность направлена на:

- продвижение и укоренение общенациональных ценностей;
- развитие политической культуры и гражданского самосознания;
- участие в разрешении межэтнических и социальных конфликтов, что усиливает устойчивость и единство общества.

Роль маслихатов в этих процессах требует отдельного анализа с точки зрения их влияния на социокультурную стабильность.

5. Практические результаты и влияние на качество жизни населения

Ключевым критерием эффективности маслихатов выступает их реальное влияние на улучшение жизненных условий граждан. Это включает:

- реализацию инфраструктурных проектов в социальной сфере;
- поддержку уязвимых слоёв населения через целевые программы;
- контроль за рациональным использованием бюджетных средств.

Данный аспект позволяет оценивать не только процессуальные, но и содержательные результаты деятельности маслихатов.

Обзор литературы

В научной литературе вопросам развития и совершенствования института местного самоуправления в Республике Казахстан уделяется значительное внимание. Так, исследование, опубликованное в журнале *Legalitas* [2], выявляет существующие проблемы реализации местного самоуправления, включая противоречия между представительными и исполнительными органами, низкий уровень участия граждан в принятии решений, а также ограниченные полномочия маслихатов в управлении местными бюджетами и налоговой политикой. Авторы подчёркивают необходимость адаптации международного опыта, в частности стран Европейского союза и Российской Федерации, где местное самоуправление характеризуется чётким разграничением полномочий, развитым гражданским участием и институциональной

автономией. Это актуализирует задачу комплексного реформирования местного самоуправления с учётом правовых, организационных и социально-политических факторов.

Важную роль маслихатов как представительных органов местного самоуправления подчёркивает Немееребаева [3], которая раскрывает их двойственную природу - маслихаты выступают одновременно и государственными органами, и органами местного самоуправления. Это усиливает их значение в реализации демократических принципов и прав граждан, однако ограниченность контрольных полномочий по отношению к исполнительной власти снижает их эффективность в решении социально-экономических задач регионов. Постоянные комиссии маслихатов играют ключевую роль в детальной проработке вопросов и контроле исполнения решений, а сами маслихаты рассматриваются как важный механизм реализации права населения на участие в управлении, способствующий развитию демократии на местах и укреплению гражданского общества. В литературе подчёркивается необходимость дальнейшего совершенствования правового статуса и расширения функций маслихатов для повышения их вклада в формирование социально ориентированного государства.

Современные реформы государственного управления в Казахстане существенно расширили полномочия маслихатов, что отражено в выступлении Председателя Сената Парламента РК на расширенном заседании Совета по взаимодействию с маслихатами [4]. Маслихаты получили возможность утверждать и контролировать исполнение местных бюджетов, участвовать в формировании законодательных инициатив и мониторинге деятельности исполнительных органов. Они выступают локальными центрами общественной консолидации, способствуя реализации национальных и региональных социальных программ, развитию социальной инфраструктуры, здравоохранения и образования. Усиление роли маслихатов способствует повышению прозрачности и эффективности управления на местах и реализации курса на построение социально ориентированного и справедливого государства, что является важным фактором устойчивого развития и укрепления доверия между властью и обществом [5].

В частности, в работе Баймахановой [6] отмечается, что маслихаты играют ключевую роль в решении вопросов комплексного социального развития территорий, включая поддержку пенсионеров, строительство дорог и социальную защиту.

Особое внимание уделяется взаимодействию маслихатов с гражданским обществом и общественными организациями, что повышает прозрачность и эффективность местного управления, а также способствует учёту мнения населения при формировании социальной политики [7]. Ответственность депутатов маслихатов перед избирателями стимулирует их работу во имя интересов народа и улучшения социальной защиты граждан.

Андрей Чеботарёв, политолог и директор центра актуальных исследований «Альтернатива», в своих выступлениях и публикациях акцентирует внимание на необходимости реформирования системы местного самоуправления в Казахстане с целью расширения полномочий маслихатов и повышения участия граждан в управлении на местах. Он подчёркивает важность введения маслихатов в городах районного значения и сельских населённых

пунктах для обеспечения представительства интересов жителей и контроля за деятельностью акимов [8]. Чеботарёв выступает за развитие новых форм взаимодействия между акимами и маслихатами с учётом выборного статуса первых и предлагает ввести процедуру отзыва избранных акимов избирателями, что повысит ответственность местной власти перед населением [9]. Кроме того, он отмечает, что депутаты маслихатов должны восприниматься как полноценные политики, активно использующие свои полномочия и взаимодействующие с избирателями, что способствует повышению прозрачности и эффективности местного управления [7]. В рамках образовательных семинаров Чеботарёв рассказывал о формах и методах взаимодействия депутатов маслихатов с населением, а также о важности владения аналитическими инструментами для принятия обоснованных решений [7]. Таким образом, его позиция подчёркивает необходимость институционального укрепления маслихатов как ключевого звена в системе местного самоуправления и демократизации Казахстана.

В конституционно-правовой и исторической литературе подчёркивается, что социальное государство, закреплённое в Основном законе Казахстана [10], предполагает создание условий для достойной жизни граждан и смягчение социального неравенства. Маслихаты, как органы местного самоуправления, играют ключевую роль в реализации этих принципов на региональном уровне. Исторический аспект маслихатов отражён в исследованиях, где подчёркиваются их глубокие корни в казахской традиции как совещательных органов, что придаёт современным маслихатам особую культурно-политическую значимость и способствует укреплению национальной идентичности.

Вместе с тем, ряд публикаций отмечает проблемы формального характера деятельности маслихатов и недостаточной активности населения, что ограничивает потенциал их влияния на социальное развитие регионов. Тем не менее, современная научная дискуссия подчёркивает растущую роль маслихатов как института, способствующего реализации социально ориентированной политики и укреплению местного самоуправления в Казахстане.

Таким образом, анализ казахстанской литературы показывает, что маслихаты выполняют комплексную функцию в формировании социально ориентированного государства, выступая как институты представительной власти, обеспечивающие реализацию социальной политики, развитие инфраструктуры и вовлечение граждан в управление на местах. Их деятельность способствует балансу интересов власти и населения, а также устойчивому социально-экономическому развитию регионов.

Методы исследования

В рамках данного исследования применялся комплексный метод, включающий аналитический, эмпирический и социологический подходы. Аналитический метод позволил систематизировать и оценить роль маслихатов по ключевым критериям - институциональным, функциональным и социальным. Эмпирический метод обеспечил изучение реальных практик участия маслихатов в реализации социальных программ и взаимодействия с населением. Социологические методы использовались для анализа механизмов вовлечения граждан и оценки подотчётности депутатов маслихатов. Кро-

ме того, применялся историко-правовой метод для изучения законодательных изменений и эволюции статуса маслихатов в системе государственного управления.

Поскольку *Национальное бюро статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан* не ведёт систематизированной статистики по эффективности деятельности маслихатов, для анализа были использованы **открытые источники информации по гг. Астана и Алматы, а также Восточно-Казахстанской, Костанайской, Мангыстауской и Туркестанской областям**: официальные сайты маслихатов, региональных акиматов, отчёты общественных слушаний, публикации в СМИ и протоколы сессий.

Для проведения содержательного и репрезентативного анализа деятельности маслихатов в контексте формирования социально-ориентированного государства были выбраны шесть регионов Казахстана, охватывающих **различные социально-экономические, географические и административные типы**. Такой подход обеспечивает комплексное и **сбалансированное представление** о работе маслихатов в разных условиях.

Таблица 1. Обоснование выбора регионов для определения роли маслихата в формировании социально-ориентированного государства

Регион	Обоснование выбора
г. Алматы	– Крупнейший мегаполис, неофициальная деловая и культурная столица. – Высокая концентрация НПО, инициативных граждан и аналитических центров. – Маслихат Алматы обладает развитой практикой работы с населением, цифровизации, рассмотрения социально значимых вопросов (жильё, экология, инклюзия).
г. Астана	– Столица Казахстана, где сосредоточены органы центральной власти. – Маслихат демонстрирует активное участие в бюджетных процессах и социальных инициативах в тесной связке с госпрограммами. – Пример взаимодействия между местной представительной и исполнительной властью в условиях формального центра.
Восточно-Казахстанская область (ВКО)	– Регион с высокой долей сельского населения и промышленного сектора. – Позволяет исследовать, как маслихаты реагируют на социальные вызовы в постиндустриальных и отдалённых территориях.
Костанайская область	– Представляет северные, аграрно-индустриальные регионы с устойчивыми административными традициями. – Включение Костаная позволяет оценить, насколько маслихаты способны адаптироваться к социальной трансформации в условиях стареющего населения и урбанизации.
Мангыстауская область	– Пример регионального социального напряжения, связанного с моногородами, рынком труда и трудовой миграцией. – Маслихат работает в сложных условиях, где социальная политика напрямую связана с нефтяной экономикой и протестными настроениями.

Туркестанская область	– Один из наиболее густонаселённых и социально уязвимых регионов. – Присутствуют проблемы доступа к базовым социальным услугам. – Выбор региона позволяет анализировать работу маслихатов в условиях высокого демографического давления и ограниченных ресурсов.
---	---

Контент-анализ. Осуществлялся при изучении стенограмм заседаний, официальных отчетов, статистических данных о социально-экономическом развитии регионов, а также содержательных аспектов выступлений представителей государственных органов. Анализ их вклада основывается на ряде ключевых критериев, включающих институциональные, функциональные и социальные аспекты: участие маслихатов в реализации социальных реформ и программ, институциональная самостоятельность и расширение полномочий, взаимодействие с населением и институтами гражданского общества, вклад в общественную консолидацию и формирование ценностных ориентиров и практические результаты и влияние на качество жизни населения.

Применение комплексного методологического подхода обеспечило системное понимание институционального положения маслихатов и дало возможность обоснованно оценить их вклад в построение социально-ориентированного государства.

Анализ и обсуждение

1. Контент-анализ участия маслихатов в реализации социальных реформ и программ

Цель анализа: выявить характер и интенсивность участия маслихатов в реализации социальных реформ в указанных регионах, а также определить ключевые направления, проблемы и практики взаимодействия с населением.

В рамках контент-анализа были изучены официальные протоколы заседаний маслихатов, региональные программы социального развития, публичные отчёты депутатов, публикации на официальных сайтах и в региональных СМИ за период 2020–2024 гг. Основное внимание уделялось следующим аспектам:

- числу принятых решений и постановлений, связанных с социальной сферой (образование, здравоохранение, социальная защита, поддержка малообеспеченных и инвалидов);
- степени вовлечения гражданского общества (общественные слушания, опросы, обращения граждан);
- инициативам самих депутатов по вопросам социальной политики;
- формам взаимодействия с акиматами и госорганами в рамках реализации социальных программ.

Таблица 2. Основные направления социальной политики, поддерживаемые маслихатами

Регион	Основные направления участия маслихатов	Характер участия и проблемы
г. Астана	Программы молодежной политики, жильё, соцпомощь	Активность умеренная, контроль за исполнением слабый
г. Алматы	Соцподдержка, здравоохранение, инклюзивное образование	Маслихат активно взаимодействует с НПО, есть практика обратной связи
ВКО	Поддержка сёл, пособия и помощь многодетным семьям	Проблемы с реализацией на местах, зависимость от акиматов
Туркестанская область	Медицинская инфраструктура, вопросы миграции, молодежь	Маслихат часто поддерживает инициативы акиматов, но слабый депутатский контроль
Костанайская область	Образование, сельская медицина, доступ к социальным услугам	Умеренный уровень активности, участие граждан - низкое
Мангистауская область	Вода, жильё, субсидии на энергоносители	Маслихат под давлением соцзапроса, но бюджетные ограничения

Источник: составлено авторами на основании [11-15]

Контент-анализ показал, что в большинстве регионов маслихаты играют **вспомогательную и консультативную роль**, часто ограничиваясь утверждением программ, разработанных исполнительной властью. Исключение составляет город Алматы, где прослеживается практика **участия населения и НПО** в обсуждении социальных инициатив. Во всех регионах зафиксировано **низкое качество обратной связи с населением**, слабая институционализация гражданского участия.

Одним из наиболее острых вызовов остается **финансовая и административная зависимость маслихатов от акиматов**, что сдерживает их инициативность. Практика независимых депутатских инициатив единична и редко приводит к принятию конкретных решений. Также заметна **разнородность подходов к социальной политике**, что указывает на отсутствие унифицированного стандарта участия маслихатов в реализации социальной политики на местах.

II. Анализ институциональной самостоятельности и расширения полномочий маслихатов

Институциональная самостоятельность маслихатов является ключевым фактором их эффективности в формировании социально-ориентированного государства. Расширение полномочий, закреплённое в законодательстве, особенно после реформ 2022 года, позволило местным представительным органам повысить уровень влияния на социально-экономическое развитие регионов и усилить контроль за исполнительной властью.

Таблица 3. Региональный анализ институциональной автономии и полномочий

Регион / город	Особенности институциональной самостоятельности и расширения полномочий маслихатов	Примеры и комментарии
г. Астана	Маслихат обладает правом утверждения местного бюджета и программ развития, активно контролирует деятельность акимата.	Внедрение механизмов независимого контроля, усиление роли депутатов в бюджетном процессе.
г. Алматы	Маслихат имеет расширенные полномочия по контролю за исполнением решений, в том числе по социальным вопросам, с минимальным влиянием акимата.	Создание специализированных комиссий для мониторинга социальных проектов и бюджетных расходов.
ВКО	Маслихат обладает правом утверждения программ развития и бюджетов, осуществляет мониторинг исполнения решений, минимизируя влияние акимата.	Введение механизмов общественного контроля и прозрачности в работе исполнительных органов.
Костанайская область	Маслихат утверждает программы социально-экономического развития, осуществляет контроль за деятельностью исполнительных органов.	Активное участие в перераспределении бюджета, независимый аудит исполнения программ.
Мангистауская область	Маслихат получил полномочия по утверждению бюджета, что усилило его влияние на социальные проекты, особенно в отдалённых районах.	Усиление контроля за расходованием средств на социальную защиту работников нефтегазового сектора.
Туркестанская область	Маслихат расширил полномочия по утверждению бюджета и программ, что позволило более эффективно решать социальные вопросы в сельской местности.	Повышение роли депутатов в принятии решений и контроле за реализацией социальных проектов.

Источник: составлено авторами на основании [11-15]

Таким образом, в городах Астана и Алматы основное внимание уделяется модернизации городской социальной инфраструктуры, реализации образовательных инициатив и предоставлению адресной социальной помощи. В Туркестанской и Мангистауской областях приоритетом является решение острых социальных проблем, таких как доступ к медицинским услугам и жилью, при этом отмечается активное взаимодействие с населением. В Костанайской области и ВКО основное направление работы связано с поддержкой сельских районов, укреплением материальной базы образовательных учреждений и социальных служб, а также развитием инфраструктуры.

Результаты контент-анализа показывают, что масштаб участия маслихатов в социальной политике варьируется по регионам, однако во всех случаях отмечается системный характер их деятельности. Наиболее активное вовлечение зафиксировано в маслихатах Алматы и Туркестанской области, где реализуются целевые социальные программы и обеспечивается высокая степень обратной связи с гражданами. Основные функции маслихатов в социальной сфере включают утверждение местных бюджетов, контроль за ис-

полнением программ, работу с населением и организацию публичных слушаний. Вместе с тем выявлены проблемы, связанные с недостаточной прозрачностью отчётности и низкой активностью в публичных дискуссиях, что особенно характерно для Мангыстауской области.

III. Анализ взаимодействия маслихатов с населением и институтами гражданского общества

Цель анализа: выявить формы, интенсивность и эффективность взаимодействия маслихатов с гражданами и организациями гражданского общества на региональном уровне.

Маслихаты выступают важным посредником между населением и государственными органами, обеспечивая демократическую легитимность власти и учитывая интересы граждан в процессе принятия решений. Их эффективность во многом зависит от организации открытого диалога с населением и активного сотрудничества с институтами гражданского общества.

Таблица 4. Формы взаимодействия с населением

Форма взаимодействия	Частота применения	Комментарии
Публичные слушания	Средняя	Регулярно проводятся в Алматы, Астане, Костане; тематически связаны с бюджетом и социальной политикой.
Приемы граждан	Высокая	Особенно развиты в Туркестанской (1400 приёмов в 2023 г.) и Мангыстауской областях.
Работа с обращениями	Высокая	Обращения граждан рассматриваются во всех регионах, особенно по социальным вопросам.
Отчётность депутатов	Средняя	Формально предусмотрена, но уровень публичности и охвата населения различается.
Общественные обсуждения	Средняя	Участвуют депутаты и представители НПО, чаще всего в Алматы, Костане.

Источник: составлено авторами на основании [11-15]

Таблица 5. Анализ деятельности маслихатов

Регион / Город	Организация публичных слушаний и работа с обращениями граждан	Сотрудничество с НКО и инициативными группами	Обеспечение открытости и доступности информации
г. Астана	Регулярное проведение публичных слушаний по социально значимым вопросам; организация приёмов граждан депутатами маслихата.	Активное взаимодействие с городскими НКО, инициативными группами, проведение совместных проектов и акций.	Информация о деятельности маслихата доступна на официальных сайтах, ведутся онлайн-трансляции заседаний.
г. Алматы	Публичные слушания и встречи с населением проводятся на регулярной основе, с учётом мнения различных социальных групп.	Сотрудничество с НКО в сферах социальной поддержки, экологии, культуры; поддержка инициатив жителей.	Маслихат обеспечивает широкое информирование через СМИ, соцсети и официальные ресурсы, открыты отчёты о работе.

ВКО	Маслихат организует регулярные встречи с населением, публичные обсуждения социальных и экономических вопросов.	Активное взаимодействие с НКО, инициативными группами в сферах культуры, спорта, социальной поддержки.	Ведётся открытое информирование через СМИ, соцсети, официальные отчёты и публичные мероприятия.
Костанайская область	Организация выездных приёмов, рассмотрение обращений граждан, проведение общественных обсуждений по ключевым вопросам.	Взаимодействие с сельскими и районными НКО, поддержка инициатив в области социальной защиты и образования.	Информация регулярно публикуется на региональных порталах, проводится разъяснительная работа с населением.
Мангистауская область	Публичные слушания и приёмы граждан проводятся с учётом специфики региона, включая работу с отдалёнными населёнными пунктами.	Сотрудничество с отраслевыми и экологическими НКО, инициативными группами, поддержка социально значимых проектов.	Обеспечена доступность информации через официальные сайты и местные СМИ, развивается цифровая коммуникация.
Туркестанская область	Публичные слушания и приёмы граждан с учётом особенностей сельской местности, активное рассмотрение обращений жителей.	Сотрудничество с сельскими общественными организациями, инициативными группами, поддержка проектов развития.	Информация доступна в региональных СМИ, на официальных сайтах, проводится активная разъяснительная работа.

Источник: составлено авторами на основании [11-15]

Анализ деятельности маслихатов в ряде регионов Казахстана (г. Астана, г. Алматы, ВКО, Костанайская, Мангистауская, и Туркестанская области) позволил выделить следующие ключевые тенденции:

1) Публичные слушания и приёмы граждан. Во всех анализируемых регионах маслихаты организуют регулярные приёмы населения и открытые слушания по актуальным вопросам местного значения. Эти мероприятия способствуют учёту общественного мнения при формировании решений, повышают степень вовлечённости населения и укрепляют обратную связь с представительной властью.

2) Сотрудничество с гражданским обществом. Взаимодействие с некоммерческими организациями, инициативными группами и общественными объединениями приобретает устойчивый характер. Это расширяет институциональные возможности для решения социальных проблем и реализации проектов, направленных на улучшение качества жизни населения.

3) Прозрачность и открытость. Маслихаты обеспечивают информационную открытость своей деятельности посредством официальных интернет-ресурсов, публикаций в СМИ, использования социальных сетей и онлайн-трансляций сессий. Такая практика способствует росту доверия населения и является важным элементом демократизации местного самоуправления.

4) Региональные особенности. В сельских и отдалённых районах (например, в Туркестанской и Мангистауской областях) особое внимание уделяется доступности депутатов, учёту этнокультурной специфики и специфических потребностей местного населения. Это позволяет адаптировать формы взаимодействия к условиям конкретных территорий.

IV. Анализ вклада маслихатов в общественную консолидацию и формирование ценностных ориентиров

Цель анализа: Определить роль маслихатов в укреплении общественного единства и формировании национальных ценностей, а также выявить основные механизмы и инструменты, используемые в разных регионах страны.

Маслихаты выступают важными институтами, способствующими укреплению единства общества и формированию общенациональных ценностей. Их деятельность направлена на развитие политической культуры, повышение гражданской ответственности и содействие разрешению конфликтов, что является основой социально-ориентированного государства.

Таблица 6. Основные направления деятельности маслихатов в области консолидации общества

Регион / Город	Продвижение общенациональных ценностей	Развитие политической культуры и гражданского самосознания	Участие в разрешении межэтнических и социальных конфликтов
г. Астана	Маслихат активно поддерживает проекты, направленные на укрепление патриотизма и единства, проводит тематические мероприятия.	Организация образовательных и просветительских программ, направленных на формирование гражданской активности.	Участие в межэтнических форумах и диалогах, работа с молодёжью для предотвращения конфликтов.
г. Алматы	Продвижение культурного многообразия и национального единства через фестивали, выставки и общественные инициативы.	Проведение тренингов и семинаров по развитию политической грамотности среди населения.	Медиация и поддержка инициатив по гармонизации межэтнических отношений, работа с общественными лидерами.
ВКО	Маслихат поддерживает проекты по сохранению культурного наследия и укреплению национального единства.	Проведение кампаний по повышению гражданской ответственности и политической активности населения.	Работа по предотвращению и разрешению межэтнических конфликтов, организация общественных диалогов.
Костанайская область	Маслихат способствует укреплению общенациональных ценностей через сотрудничество с этнокультурными объединениями.	Вовлечение граждан в дискуссии и проекты, направленные на повышение политической осведомлённости.	Решение локальных социальных конфликтов на основе диалога и компромисса, поддержка межэтнических инициатив.
Мангистауская область	Организация мероприятий, направленных на укрепление единства и толерантности среди различных этнических групп.	Развитие программ гражданского образования и вовлечение молодёжи в общественную жизнь.	Активное участие в профилактике социальных конфликтов, взаимодействие с религиозными и этническими лидерами.
Туркестанская область	Маслихат активно продвигает общенациональные ценности через образовательные программы и культурные мероприятия.	Формирование гражданского самосознания через вовлечение в социальные и культурные проекты.	Участие в разрешении социальных и межэтнических конфликтов, развитие механизмов мирного диалога.

Источник: составлено авторами на основании [11-15]

Анализ деятельности маслихатов в различных регионах Казахстана позволяет выделить их значительный вклад в укрепление идеологических и социокультурных основ социально-ориентированного государства. В первую очередь, следует отметить роль представительных органов в продвижении общенациональных ценностей. Маслихаты активно участвуют в реализации культурных и образовательных инициатив, направленных на укрепление патриотизма, развитие толерантности и консолидацию национального единства. Эти мероприятия включают организацию общественно значимых акций, поддержку культурных мероприятий, тематические встречи и формирование ценностной повестки на региональном уровне.

Вторым важным направлением является развитие политической культуры среди населения. Маслихаты участвуют в организации семинаров, тренингов, круглых столов и просветительских кампаний, что способствует повышению уровня гражданской активности, политической грамотности и осознанию населением своей роли в процессах местного и национального управления. Такие формы вовлечения населения играют ключевую роль в становлении зрелого гражданского общества.

Кроме того, маслихаты выполняют важную функцию в сфере профилактики и разрешения конфликтов, особенно межэтнического и социального характера. Через диалог с различными общественными группами, проведение публичных обсуждений и участие в деятельности согласительных комиссий, они способствуют укреплению социальной стабильности и недопущению эскалации напряжённости.

Особое внимание заслуживают региональные особенности функционирования маслихатов. В областях с высоким уровнем этнокультурного разнообразия (например, Мангистауская и Туркестанская области) акценты делаются на поддержке межэтнического согласия, межкультурного диалога и инклюзивного подхода в реализации социальной политики. Это особенно важно в контексте укрепления национального единства на фоне сохранения культурного многообразия.

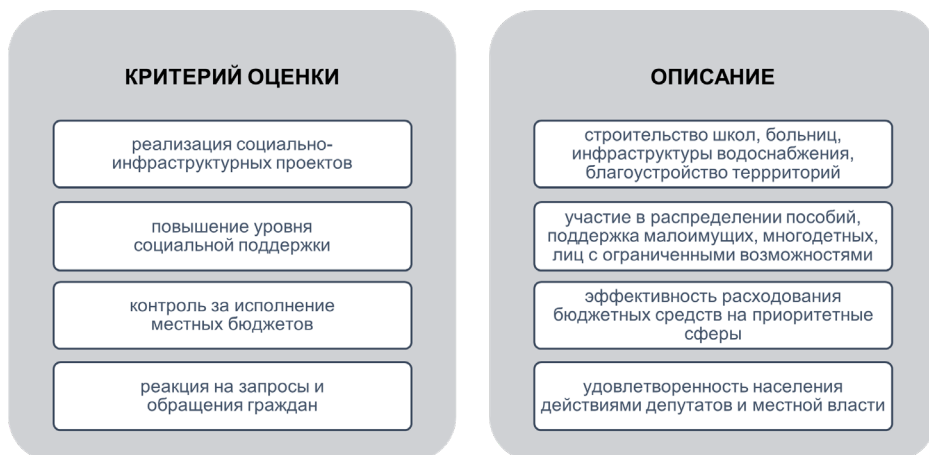
Таким образом, маслихаты выступают не только в роли институтов местного самоуправления, но и как ключевые участники в формировании устойчивой, инклюзивной и ценностно ориентированной модели казахстанского государства.

V. Анализ практических результатов и влияния маслихатов на качество жизни населения

Цель анализа: выявить фактическое влияние деятельности маслихатов на улучшение социальных условий жизни граждан, оценить их вклад в реализацию инфраструктурных, социальных и экономических инициатив.

Одним из главных показателей эффективности работы маслихатов является их реальное влияние на улучшение условий жизни граждан. Это проявляется через реализацию социальных инфраструктурных проектов, поддержку уязвимых групп населения и контроль за эффективным использованием бюджетных средств. В этой связи нами были систематизированы критерии оценки влияния деятельности маслихатов на качество жизни населения (Рисунок 1).

Рисунок 1. Основные критерии оценки влияния

Источник: составлено авторами

Таблица 7. Основные направления деятельности маслихатов по поддержке качества жизни

Регион / Город	Реализация инфраструктурных проектов в социальной сфере	Поддержка уязвимых слоёв населения через целевые программы	Контроль за рациональным использованием бюджетных средств
г. Астана	Строительство и модернизация школ, детских садов, медицинских учреждений, спортивных объектов.	Программы поддержки малообеспеченных семей, пенсионеров, инвалидов, льготников.	Активный контроль исполнения бюджета, проведение аудитов, публичные отчёты о расходах.
г. Алматы	Модернизация городской социальной инфраструктуры, ремонт и строительство больниц, школ, культурных центров.	Социальные выплаты и программы поддержки многодетных семей, ветеранов, лиц с ограниченными возможностями.	Внедрение механизмов прозрачности, регулярный мониторинг и контроль расходования средств.
ВКО	Реконструкция и строительство образовательных и медицинских учреждений, спортивных площадок.	Программы поддержки молодёжи, инвалидов, социально уязвимых групп населения.	Проведение аудитов, отчётность перед населением, контроль за исполнением социальных проектов.
Костанайская область	Развитие сельской социальной инфраструктуры: ФАПы, школы, дороги, водоснабжение.	Целевые программы поддержки сельских жителей, пенсионеров, семей с низким доходом.	Контроль за эффективностью использования бюджетных средств, перераспределение на приоритетные нужды.
Мангистауская область	Строительство социальных объектов в отдалённых районах, обеспечение доступности медицинских услуг.	Поддержка работников нефтегазового сектора и их семей, социальные выплаты малообеспеченным.	Усиленный контроль за бюджетными расходами, особенно в социальных программах.

Туркестанская область	Развитие социальной инфраструктуры в сельских районах: школы, больницы, культурные объекты.	Поддержка многодетных семей, малообеспеченных, пенсионеров через региональные программы.	Мониторинг и контроль за расходованием средств, направленных на социальную защиту и развитие.
------------------------------	---	--	---

Источник: составлено авторами на основании [11-15]

Роль маслихатов в формировании социально-ориентированного государства проявляется не только через участие в нормативно-правовом обеспечении, но и через их практическое участие в реализации социально-экономических стратегий на местах. Одним из ключевых направлений является участие представительных органов в инициировании и контроле реализации инфраструктурных проектов. В большинстве регионов Казахстана маслихаты играют активную роль в развитии социальной инфраструктуры - школ, больниц, культурных и спортивных объектов. Эти меры напрямую способствуют улучшению качества жизни и обеспечению равного доступа к социальным благам.

Особое внимание уделяется поддержке социально уязвимых категорий населения. Маслихаты участвуют в формировании и реализации целевых региональных программ, направленных на поддержку малообеспеченных семей, пенсионеров, лиц с инвалидностью, многодетных семей и других нуждающихся групп. Такая направленность деятельности способствует снижению социального неравенства и укреплению социальной сплочённости.

Кроме того, важным элементом демократической подотчётности и транспарентности власти является контрольная функция маслихатов. Через утверждение и мониторинг исполнения местных бюджетов депутаты обеспечивают контроль за целевым и эффективным расходованием бюджетных средств. Это повышает уровень доверия граждан к органам власти и формирует основы для устойчивого общественного диалога.

Региональный контекст также влияет на приоритеты маслихатов. Так, в сельских и отдалённых районах, например, в Костанайской и Туркестанской областях, акцент делается на развитие базовой социальной инфраструктуры, обеспечение транспортной доступности и поддержку сельского населения. Эти меры играют ключевую роль в сдерживании миграции и сбалансированном территориальном развитии страны.

Таким образом, деятельность маслихатов в социальной сфере демонстрирует их значимость как посредников между государством и обществом, а также как инструментов локализации государственной политики с учётом региональных и демографических особенностей.

Заключение

Анализ показывает, что взаимодействие маслихатов с населением и институтами гражданского общества в Казахстане носит фрагментарный, но развивающийся характер. Наиболее эффективные модели построены на системной обратной связи, публичной отчётности и сотрудничестве с НПО. Регионы, демонстрирующие такую практику (Алматы, Туркестан), добиваются более высокого уровня доверия и вовлечённости населения в местное управление. Вместе с тем, во многих регионах сохраняются проблемы доступности информации, нерегулярности публичных мероприятий и ограниченного участия граждан в процессе принятия решений.

Маслихаты городов Астана, Алматы и областей Костанай, Мангистауская, Восточно-Казахстанская и Туркестанская вносят значительный вклад в общественную консолидацию и формирование ценностных ориентиров, способствуя укреплению национального единства, развитию политической культуры и предотвращению социальных конфликтов. Эти процессы являющиеся фундаментом для построения социально-ориентированного и стабильного государства.

Следует отметить, что деятельность маслихатов оказывает реальное и в ряде случаев системное влияние на качество жизни населения. Наиболее ощутимы результаты в сферах инфраструктуры, социальной поддержки и местной занятости. Однако эффективность маслихатов варьируется в зависимости от уровня взаимодействия с исполнительной властью и вовлечённости граждан. Усиление механизмов обратной связи и расширение институциональных полномочий являются ключевыми условиями для повышения практической результативности их деятельности.

Проведённый анализ показал, что маслихаты городов Астана, Алматы, а также Костанайской, Мангистауской, Восточно-Казахстанской и Туркестанской областей играют важную роль в развитии социально-ориентированного государства. Вместе с тем, их деятельность сопровождается рядом устойчивых институциональных и организационных проблем, которые сдерживают их потенциал в качестве представительных органов.

Одной из ключевых проблем остаётся недостаточная нормативно-правовая обеспеченность. При наличии тенденции к расширению полномочий маслихатов, действующая законодательная база не обеспечивает их достаточной автономности, чёткости процедур и эффективных механизмов контроля. Это особенно ярко проявляется в Туркестанской и Костанайской областях, где наблюдаются трудности в правовом сопровождении депутатских инициатив.

Кроме того, доминирование исполнительной власти по-прежнему ограничивает функциональную независимость маслихатов. Даже в условиях формального расширения полномочий в таких крупных центрах, как Астана и Алматы, а также в Мангистауской области, влияние акиматов остаётся преобладающим, особенно в вопросах бюджетного планирования и реализации социальных программ. Это снижает возможность депутатов выполнять свою представительную и контрольную функции в полной мере.

Третьим значительным вызовом является ограниченная инициатива и низкий уровень активности ряда депутатов, особенно в Восточно-Казахстанской и Туркестанской областях. Недостаточная мотивация, нехватка профессиональных знаний и слабая вовлечённость в общественные процессы ведут к снижению эффективности депутатской деятельности и ограничивают участие граждан в принятии решений.

Таким образом, несмотря на позитивные сдвиги в развитии местного самоуправления и усилия по институциональному укреплению маслихатов, остаются нерешёнными важные вопросы, касающиеся правового статуса, баланса властей и кадрового потенциала представительных органов.

Рекомендации

Для преодоления обозначенных проблем и повышения эффективности деятельности маслихатов в формировании социально-ориентированного государства целесообразно:

1. Укрепить нормативно-правовую базу, обеспечив четкое регламентирование полномочий и процедур работы маслихатов;
2. Обеспечить реальное разделение властных полномочий между представительными и исполнительными органами;
3. Повысить профессиональный уровень депутатов через регулярные образовательные программы и тренинги;
4. Создать механизмы стимулирования депутатской активности, в том числе через систему мониторинга, оценки и обратной связи с населением.

В целом, только при условии устранения правовых, институциональных и организационных барьеров маслихаты смогут полноценно выполнять свою миссию — быть действенными проводниками интересов населения и ключевыми участниками в построении эффективного и справедливого социального государства в Казахстане.

На основе выявленных тенденций представляется целесообразным:

- Расширять программы по развитию гражданского образования и политической культуры, особенно среди молодёжи.
- Активнее вовлекать этнокультурные и религиозные организации в проекты по укреплению общественной консолидации.
- Развивать механизмы мирного разрешения конфликтов и организовывать регулярные общественные диалоги.
- Повышать информационную открытость и доступность мероприятий для широких слоёв населения.
- Расширять применение цифровых платформ и интерактивных сервисов для вовлечения граждан в процессы обсуждения, оценки и мониторинга деятельности маслихатов.
- Активизировать сотрудничество с широким спектром институтов гражданского общества, включая молодёжные, волонтёрские и этнокультурные организации.
- Повышать качество и доступность информации о деятельности представительных органов с использованием мультимедийных и мобильных технологий.
- Внедрять систематические обучающие мероприятия и тренинги для депутатов маслихатов по вопросам коммуникации с населением, публичной политики и взаимодействия с НКО.

Список литературы

1. Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 года № 148 «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_ (дата обращения: 07.06.2025).
2. Абдрахманов М.К. Мәслихат депутаттарының қызметін оңтайландыру және азаматтық қоғамды жетілдіру мәселелері // LEGALITAS: Ғылыми журнал. – 2024. – № 2 (2). – С. 69–75. – DOI: 10.48501/3007-6978.2024.69.50.001.
3. Немеребаева А. М. Маслихат как представительные органы и их роль в осуществлении прав граждан на участие в управлении делами государства // Вестник Института законодательства и правовой

- информации Республики Казахстан. – 2021. – №. 1 (64). – С. 244-251.
4. Выступление Председателя Сената Парламента Республики Казахстан на расширенном заседании Совета по взаимодействию с маслихатами (г. Астана, 4 апреля 2025 года) // Портал нормативных правовых актов Республики Казахстан «Zakon.kz» [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35670786&pos=72;-56 (дата обращения: 07.06.2025).
 5. Нужно усилить статус и роль маслихатов // Официальный сайт Демократической партии «Ак жол» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://akzhol.kz/ru/initiated-bills/nuzhno-usilit-status-i-rol-maslihatov> (дата обращения: 07.06.2025).
 6. Баймаханова Г.С. Специфика деятельности маслихатов в решении проблем комплексного социального развития территорий стратегии «Казахстан – 2050» // Казахский национальный университет имени аль-Фараби. – Алматы, 2013. – С. 1–17. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Baimaxanova0513.pdf> (дата обращения: 07.06.2025).
 7. Усиление роли и потенциала маслихатов: чему на семинарах учили депутатов и пресс-секретарей // Internews Kazakhstan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.internews.kz/2022/02/21/usilenie-rol-i-potentsiala-maslihatov-chemu-na-seminarah-uchili-deputatov-i-press-sekretarej/> (дата обращения: 07.06.2025).
 8. Что нужно изменить в Законе о местном самоуправлении // Bes.media [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bes.media/news/v-konaeve-est-maslihat-a-v-talgare-tolko-akim-i-ego-komanda-chto-nuzhno-izmenit-v-zakone-o-mestnom-samoupravlenii/> (дата обращения: 07.06.2025).
 9. Политолог Андрей ЧЕБОТАРЕВ высказался о возможных политических реформах, которые ждут Казахстан в 2025 году // Ак Жайык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azh.kz/ru/news/view/108662> (дата обращения: 07.06.2025).
 10. Конституция Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2024 год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000/_links (дата обращения: 07.06.2025).
 11. Маслихат города Астаны. Официальные документы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/astana-maslihat/documents/1?lang=ru>, свободный (дата обращения: 18.08.2025).
 12. Маслихат города Алматы. Официальные документы [Электронный ресурс]. – Единая платформа интернет ресурсов государственных органов. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihat-almaty/documents/1?lang=ru>, свободный. (дата обращения: 18.08.2025).
 13. Костанайский областной маслихат. Официальные документы [Электронный ресурс]. – Единая платформа интернет ресурсов государственных органов. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-oblysy/documents/1?lang=ru>, свободный. (дата обращения: 18.08.2025).
 14. Маслихат Восточно-Казахстанской области. Официальные документы [Электронный ресурс]. – Единая платформа интернет ресурсов государственных органов. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihatvko/documents/1?lang=ru>, свободный. (дата обращения: 18.08.2025).
 15. Маслихат Мангистауской области. Официальные документы [Электронный ресурс]. – Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihat-mangystau-oblysy/documents/1?lang=ru>, свободный. (дата обращения: 18.08.2025).
 16. Маслихат Туркестанской области. Официальные документы [Электронный ресурс]. – Единая платформа интернет-ресурсов государственных органов. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihat-turkestan/documents/1?lang=ru>, свободный. (дата обращения: 18.08.2025).

References:

1. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 23 yanvarya 2001 goda № 148 «O mestnom gosudarstvennom upravlenii i samoupravlenii v Respublike Kazakhstan» [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148_ (data obrascheniya: 07.06.2025).
2. Abdrahmanov M.K. Maslikhat deputattarynyñ qyzmetin ontaılandyru jáne azamattıq qoǵamdy jetildiru másgeleri // LEGALITAS: Gylymi jurnal. – 2024. – № 2 (2). – S. 69–75. – DOI: 10.48501/3007-6978.2024.69.50.001.
3. Nemerebaeva A. M. Maslikhat kak predstavitel'nye organy i ikh rol' v osushchestvlenii prav grazhdan na uchastie v upravlenii delami gosudarstva // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. – 2021. – № 1 (64). – S. 244–251.
4. Vystuplenie Predsedatelya Senata Parlamenta Respubliki Kazakhstan na rasshirennom zasedanii Soveta po vzaimodeystviyu s maslikhatami (g. Astana, 4 aprelya 2025 goda) // Portal normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan «Zakon.kz» [Elektronnyy resurs]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35670786&pos=72;-56 (data obrascheniya: 07.06.2025).
5. Nuzhno usilit' status i rol' maslikhatov // Ofitsial'nyy sayt Demokraticheskoy partii «Ak zhol» [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://akzhol.kz/ru/initiated-bills/nuzhno-usilit-status-i-rol-maslihatov> (data obrascheniya: 07.06.2025).
6. Baymakhanova G.S. Spetsifika deyatel'nosti maslikhatov v reshenii problem kompleksnogo sotsial'nogo razvitiya territoriy strategii «Kazakhstan – 2050» // Kazakhskiy natsional'nyy universitet imeni al'-Farabi. – Almaty, 2013. – S. 1–17. – [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://nblib.library.kz/elib/library.kz/journal/Baimaxanova0513.pdf> (data obrascheniya: 07.06.2025).
7. Usilenie roli i potentsiala maslikhatov: chemu na seminarakh uchili deputatov i press-sekretarey // Internews Kazakhstan [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ru.internews.kz/2022/02/21/usilenie-rol-i-potentsiala-maslihatov-chemu-na-seminarah-uchili-deputatov-i-press-sekretarey/> (data obrascheniya: 07.06.2025).
8. Chto nuzhno izmenit' v Zakone o mestnom samoupravlenii // Bes.media [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://bes.media/news/v-konaeevest-maslihat-a-v-talgare-tolko-akim-i-ego-komanda-chto-nuzhno-izmenit-v-zakone-o-mestnom-samoupravlenii/> (data obrascheniya: 07.06.2025).
9. Politolog Andrey CHEBOTAREV vysskazalsya o vozmozhnykh politicheskikh reformakh, kotorye zhдут Kazakhstan v 2025 godu // Ak Zhayyk [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://azh.kz/ru/news/view/108662> (data obrascheniya: 07.06.2025).
10. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 2024 god) [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_/links (data obrascheniya: 07.06.2025).
11. Maslikhat goroda Astany. Ofitsial'nye dokumenty [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.gov.kz/memleket/entities/astana-maslihat/documents/1?lang=ru, svobodnyy> (data obrascheniya: 18.08.2025).
12. Maslikhat goroda Almaty. Ofitsial'nye dokumenty [Elektronnyy resurs]. – Edinaya platforma internet-resursov gosudarstvennykh organov. – Rezhim dostupa: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihat-almaty/documents/1?lang=ru, svobodnyy> (data obrascheniya: 18.08.2025).
13. Kostanayskiy oblastnoy maslikhat. Ofitsial'nye dokumenty [Elektronnyy resurs]. – Edinaya platforma internet-resursov gosudarstvennykh organov. – Rezhim dostupa: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-oblyst-apparaty/documents/1?lang=ru, svobodnyy> (data obrascheniya: 18.08.2025).
14. Maslikhat Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti. Ofitsial'nye dokumenty [Elektronnyy resurs]. – Edinaya platforma internet-resursov gosudarstvennykh organov. – Rezhim dostupa: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihatvko/documents/1?lang=ru, svobodnyy> (data obrascheniya: 18.08.2025).
15. Maslikhat Mangystauskoy oblasti. Ofitsial'nye dokumenty [Elektronnyy resurs]. – Edinaya platforma internet-resursov gosudarstvennykh organov. – Rezhim dostupa: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihat-mangystau->

- oblysy/documents/1?lang=ru, svobodnyy. (data obrascheniya: 18.08.2025).
16. Maslikhat Turkestanskoy oblasti. Ofitsial'nye dokumenty [Elektronnyy resurs]. – Edinaya platforma internet-resursov gosudarstvennykh organov. – Rezhim dostupa: <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihat-turkestan/documents/1?lang=ru, svobodnyy>. (data obrascheniya: 18.08.2025).

Материал поступил в редакцию 18.08.2025

Утвержден к публикации 22.09.2025

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В КАЗАХСТАНЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

Роза Дюзденбаева^{1*}

Елена Нечаева²

Татьяна Дронзина³

^{1*} Маркетолог, Каспийский университет технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова, Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, PhD докторант, Астана, Казахстан; e-mail: dyuzdenbayeva@mail.ru

² Профессор кафедры политологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, кандидат политических наук, Астана, Казахстан; e-mail: elenech@inbox.ru

³ Профессор кафедры политологии Софийского университета, доктор политических наук, София, Болгария; e-mail: dronzina@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.005>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию вопросов формирования имиджа государственного служащего в Казахстане с применением технологий политического маркетинга. Имидж работника государственной службы выполняет функцию индикатора уровня доверия населения, а также детально отражает оценку эффективности государственных преобразований. Цель исследования – изучение процесса формирования имиджа государственного служащего в Казахстане с применением технологий политического маркетинга для повышения уровня эффективности государственного управления и доверия среди граждан. Методология исследования включает использование фокус групп с интеграцией метода двухстороннего интервью и групп удаленного формата, статистическую обработку данных в программах IBM SPSS Statistics и Microsoft Excel 2019 (расчет критерия Краскала-Уоллеса и коэффициента ранговой корреляции Спирмена). Выявлено, что имидж государственного служащего представляет собой комплексную систему в

виде целостного образа работника госсектора в сознании населения. Среди распространенных маркетинговых технологий наиболее подходящими для формирования имиджа являются: продукт-плейсмент, цифровой маркетинг и избирательные технологии. Сбалансированное использование данных технологий политического маркетинга позволит укрепить авторитет госаппарата и повысить доверие к имиджу государственного служащего Казахстана в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *государственный служащий, имидж, политический маркетинг, маркетинговые технологии.*

САЯСИ МАРКЕТИНГ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ҚОЛДАНА ОТЫРЫП, ҚАЗАҚСТАНДА МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТШІНІҢ ИМИДЖІН ҚАЛЫПТАСТЫРУ

Роза Дюзденбаева^{1*}, Елена Нечаева², Татьяна Дронзина³

^{1*} маркетинг, Ш. Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университеті, Л. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD докторанты, Астана, Қазақстан; e-mail: dyuzdenbayeva@mail.ru

² Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты, Астана, Қазақстан; e-mail: elenech@inbox.ru

³ София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саяси ғылымдарының докторы, София, Болгария; e-mail: dronzina@gmail.com

Аңдатпа. Бұл мақала саяси маркетинг технологияларын қолдана отырып, Қазақстанда мемлекеттік қызметшінің имиджін қалыптастыру мәселелерін зерттеуге арналған. Мемлекеттік қызмет қызметкерінің имиджі халықтың сенім деңгейінің индикаторы қызметін атқарады, сондай-ақ мемлекеттік қайта құрулардың тиімділігін бағалауды егжей-тегжейлі көрсетеді. Зерттеудің мақсаты – азаматтар арасында мемлекеттік басқару тиімділігі мен сенім деңгейін арттыру үшін саяси маркетинг технологияларын қолдана отырып, Қазақстанда мемлекеттік қызметшінің имиджін қалыптастыру процесін зерделеу. Зерттеу әдістемесі екі жақты сұхбат әдісі мен қашықтағы форматтағы топтарды біріктіретін фокус-топтарды қолдануды, IBM SPSS Statistics және Microsoft Excel 2019 бағдарламаларындағы деректерді статистикалық өңдеуді (Краскалл-Уоллес критерийін және Спирменнің дәрежелік корреляция коэффициентін есептеу) қамтиды. Мемлекеттік қызметшінің имиджі халықтың санасында мемлекеттік сектор қызметкерінің тұтас бейнесі түріндегі кешенді жүйе болып табылатыны анықталды. Жалпы маркетингтік технологиялардың ішінде имиджді қалыптастыру үшін ең қолайлы: өнім-орналастыру, цифрлық маркетинг және селективті технологиялар. Осы саяси маркетинг технологияларын теңгерімді пайдалану мемлекеттік аппараттың беделін нығайтуға және ұзақ мерзімді перспективада Қазақстанның мемлекеттік қызметшісінің имиджіне деген сенімді арттыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: *мемлекеттік қызметші, имидж, саяси маркетинг, маркетингтік технологиялар.*

FORMATION OF THE IMAGE OF A CIVIL SERVANT IN KAZAKHSTAN USING POLITICAL MARKETING TECHNOLOGIES

Roza Dyuzdenbaeva^{1*}, Elena Nechayeva², Tatyana Dronzina³

^{1*} Marketer, Caspian University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov, L.N.Gumilev Eurasian National University PhD doctoral student, Astana, Kazakhstan; e-mail: dyuzdenbayeva@mail.ru

² Professor of the Department of Political Science of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Candidate of Political Sciences, Astana, Kazakhstan; e-mail: elenech@inbox.ru

³ Professor at the Department of Political Science at Sofia University, Doctor of Political Sciences, Sofia, Bulgaria; e-mail: dronzina@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of the formation of the image of a civil servant in Kazakhstan using political marketing technologies. The image of a civil service employee serves as an indicator of the level of public confidence, and also reflects in detail the assessment of the effectiveness of government reforms. The study aims to examine the formation of a civil servant's image in Kazakhstan through political marketing technologies to enhance public administration efficiency and citizen trust. The methodology includes focus groups with two-way interviews, remote formats, and statistical analysis using IBM SPSS Statistics and Microsoft Excel 2019 (Kruskal-Wallis criterion, Spearman's rank correlation). It is revealed that the image of a civil servant is a complex system in the form of a holistic image of a public sector employee in the minds of the population. Among the common marketing technologies, the most suitable for image formation are: product placement, digital marketing and selective technologies. The balanced use of these political marketing technologies will strengthen the authority of the state apparatus and increase confidence in the image of a civil servant of Kazakhstan in the long term.

Keywords: *civil servant, image, political marketing, marketing technologies.*

Введение

Масштабные преобразования, происходящие на пути формирования справедливого современного Казахстана направлены на обеспечение разнообразных возможностей, доступных для всех, а также условий открытой конкуренции. Проведение конституционных реформ закладывает основы для формирования стабильности государственных институтов, что во многом зависит от качества и условий, способствующих укреплению кадрового потенциала в условиях государственной службы [1, с. 277-278].

Государственная служба представляет собой формат деятельности, осуществляемой государственными служащими в соответствии с их полномочиями и должностными обязанностями [2].

Роль государственной службы заключается в реализации функций по регулированию процессов, направленных на поддержание и обеспечение государственной целостности, а также реализацию гражданских интересов [3, с. 12-16]. Восприятие государственной службы обществом происходит через

специально сформированный имидж, где последний, имеющий для нее особое важное значение, проявляется в статусности и функциональности [4].

Понятие «имидж» широко исследовалось как зарубежными, так и отечественными учеными. Детальные трактовки данного термина приводятся в работах Кревельда Н., Алешина И., Почепцова Г., Головатого Н., Маслова И., Соловьева А. В их работах отражается классификация типов имиджа в формате двух категорий: положительного и негативного имиджа. Почепцовым Г.Г. подчеркивается роль имиджа с позиции отражения им определенного образа восприятия одного субъекта другим субъектом, то есть формирование некоторого рода картинки. По его мнению именно имидж является инициатором любых политических движений, происходящих в стране, как к примеру, это отмечается для соответствующих образов видных в свое время политических деятелей Советского Союза – Брежнева, Хрущева [5]. Мнение зарубежного исследователя поддерживается Садвокасовой А.К. [6, с. 149-153]. При этом, результат именно с точки зрения сформированности имиджа в целом может быть классифицирован на два основных типа: массово созданный и имидж, сформированный искусственно. В данном случае очень важно понимать, что имидж государственного служащего проецирует на себе имидж всей государственной власти в целом и связан с общим образом власти и всего государства в сознании у населения [7, с. 892-896]. Органы, выполняющие функции в пределах государственной власти, имеют ассоциацию с образом государства. В соответствии с этим можно утверждать, что сами по себе государственные служащие напрямую дают общее представление о государстве и отражают его имидж [8, с. 142-149; 9, с. 573-595; 10, с. 72-82].

Имидж работника государственной службы играет особое значение в качестве индикатора уровня доверия населения, а также детально отражает оценку эффективности государственных преобразований. По уровню и состоянию имиджа государственного служащего можно понять, насколько действия государственных органов в целом соответствуют ожиданиям граждан [11, с. 25-32]. Поэтому, именно такой критерий как имидж является детерминантой, которая в большей степени определяет уровень поддержки деятельности государственных органов общественностью [12, с. 118-133].

Важно учитывать, что развитие и эффективность функционирования выше упоминаемого социального института и степень его влияния на население зависит напрямую от позитивного имиджа государственных служащих. Сегодня государство уделяет данному вопросу особое внимание.

Слово «имидж» в переводе с английского языка означает образ определенной организации или лица, который направлен на формирование и оказание воздействия эмоционально-психологического характера на конкретную группу лиц. Поэтому данный процесс может быть достаточно продолжительным по времени и комплексности [13, с. 17-26; 14, с. 5-11], а также взаимосвязан с некоторыми аспектами политических вопросов и специализированных технологий, в частности, политического маркетинга.

Основные элементы имиджа государственного служащего прописаны в Кодексе чести, который определяется этическими и моральными нормами. Роль государственных служащих для общества весьма велика за счет того, что принимаемые решения могут играть особую роль для граждан. Все действия государственного служащего в рамках его должностных обязанностей

обеспечивают полноценное формирование его репутации в положительном или негативном аспектах [15].

Отмечается существование такого феномена как образ государственного служащего, который возникает в массовом сознании населения. Обычно данный образ отражается как совокупность нескольких компонентов: личные качества человека, сформированные на основе данных СМИ, политической рекламы, а также его целенаправленных действий, что формирует некоторые особенности образа человека на основе стереотипных заключений [16, с. 33-36; 17].

На самом деле, компоненты, участвующие в формировании образа государственного служащего зачастую могут иметь противоречивый характер, поскольку его фактический образ может отличаться от «эталонного» [18, с. 26-30]. В соответствии с этим прослеживается необходимость в исследовании вопроса относительно механизмов, а также распространенных тенденций, характерных для формирования имиджа государственного служащего в Республике Казахстан. Деловая репутация работников, осуществляющих свою деятельность в государственных органах, является отражением не только образа конкретной личности, но и результатом субъективной перцепции образа работников госслужбы [19, с. 83-91; 20, с. 17].

Важность изучения имиджа подтверждается публичностью данного феномена, а также взаимосвязью и ролью для всего положения политики в стране в целом [21]. На протяжении долгого времени одними из самых распространенных инструментов и технологий воздействия считаются политические. Их история начинается со времен начала существования Древней Греции и Рима. Ярким примером использования подобных технологий можно считать агитацию в отношении Марка Туллия Цицерона как яркого общественного деятеля благодаря своим ораторским навыкам. В последующем стало понятно, что все данные инструменты воздействия представляли собой способы политического пиара, которые приобрели особую популярность в период Первой мировой войны из-за необходимости поддержания баланса между социальной, политической и экономической сферами жизни [22, с. 26-35; 23, с. 235]. Роль политической рекламы стала занимать центральные позиции в системе подходов политического воздействия, проявляясь в самых разных форматах. Устный формат, наряду с руморологией, то есть слухами, в XIX веке сменяется карикатурами, сатирическими журналами, плакатами и листовками [24, 25]. Так, примером руморологической дискредитации на примере молодой Американской республики можно считать историю про растрату казенных денег и «ветренный» характер супруги одного из первых президентов – Адамса Дж.К., а также неоднозначные подробности личной жизни Джексона Э. и детали последствий победы на выборах Джефферсона Т. Американским теоретиком в области политического маркетинга – Дуб Л.У. рассмотрены другие виды политической пропаганды в виде: ярлыков, «подтасовки карты», рекомендаций, общего мнения, «переноса» авторитета или престижа для получения определенной реакции. Данные технологии по мнению Телень Э.Ф. и других исследователей, были замечены в использовании ещё в античности Аристотелем [26-29].

Политический маркетинг представляет собой динамичный и постоянно адаптирующийся в условиях окружающей среды интеллектуально-органи-

зационный процесс. Иными словами, это применение маркетинговых инструментов в условиях политической сферы, чаще всего направленных на управление общественным мнением через охват потребностей общества, PR, рекламирование и взаимодействие с населением. Сам подход современного формата политического маркетинга начал формироваться около полувека назад (с развитием коммуникационных средств и технологий телевидения), в то время как часть элементов находила свое применение ещё в период античности [30, 31]. Одним из ярких примеров прошлого века является предвыборная кампания Джона Ф. Кеннеди 1960 года, которая оказала значительное влияние на политический маркетинг. Развитие социальных сетей, благодаря инструментам персонализации и таргетинга, благоприятно повлияло на это направление. На современном этапе применения технологий политического маркетинга выделяют разнообразные методы его практической реализации, среди которых известны следующие: сбор данных на основе политических исследований, планирование на базе разработки политической стратегии, рекламирование и PR, персонализированный брендинг путем использования социальных медиа и интернет-технологий, поэтапное формирование общественного мнения (грассрутинг). На самом деле использование методов политического маркетинга является очень важным аспектом для формирования демократического общества и его развития, поскольку подходы, лежащие в его основе позволяют получить более детальное представление об общественном мнении. Так как политический маркетинг – это неотъемлемая и очень важная технология современности, особенно важным является изучение вопросов относительно принятия решений в определенных условиях информационной среды [32, с. 95-97; 33, с. 187-199]. Следовательно, он позволяет проследить условия формирования имиджа государственного служащего в сознании у населения. В данном случае важно понимать, что политический маркетинг сочетает в себе исследование общественного мнения и разработку стратегий дальнейших коммуникаций с заинтересованными в этом сторонами. Хотя сам по себе политический маркетинг имеет многовековую историю, а его широкое применение активно началось с середины прошлого века, благодаря расширению масштаба рабочих платформ, во многом стало набирать популярность использование социальных сетей и других медиаресурсов для анализа и оценки современного положения государственного служащего в сознании у населения [34, с. 231-233; 35, с. 251-283].

Таким образом, целью данной работы является изучение процесса формирования имиджа государственного служащего в Казахстане с применением технологий политического маркетинга для повышения уровня эффективности государственного управления и доверия среди граждан. Необходимость проведения исследований в данном направлении подтверждается современными вызовами и тенденциями рынка государственных услуг, которые требуют прозрачности, повышенного уровня профессионализма и детальной подотчетности. Не менее важное положение занимают такие проблемы как отсутствие или низкий уровень доверия к власти и её представителям на современном этапе, рост конкуренции, а также восприятие феномена бюрократии в качестве оторванной от реальных нужд населения системы документооборота. Один из ключевых аспектов современного общества заключается в проблемах, связанных с отсутствием или низким уровнем доверия к власти

и её представителям, увеличением конкуренции, а также восприятием бюрократии как системы документооборота, оторванной от реальных нужд населения. Реализация необходимых мер в данном направлении обусловлена инновационным этапом в системе государственного управления Республики Казахстан, где одним из ключевых и перспективных факторов успешности является высокий уровень доверия к работникам государственной сферы. Однако результаты социологических исследований демонстрируют низкий уровень доверия к представителям госаппарата, что определяет необходимость исследования вопросов формирования положительного имиджа государственного служащего и проведения целенаправленной работы в этом направлении. Работа государственного аппарата очень важна для поэтапного социально-экономического развития государства, поэтому формирование благоприятного образа соответствующих работников госсектора призвано улучшить уровень конкурентоспособности Казахстана в условиях международного пространства. Кроме того, современный спектр технологий открывает достаточно большие возможности для управления имиджем государственного служащего, однако недостаточность их интеграции в работу органов государственной власти до сих пор оставляет низким уровень прозрачности и доверия по отношению к ним. Учитывая культурные особенности и ценности Казахстана, формирование имиджа должно базироваться на традициях, национальной специфике и соответствующих ожиданиях населения, что позволит максимально эффективно использовать технологии политического маркетинга и качественно поддерживать связь между обществом и властью. На международной арене особенно ценятся данные технологии за счет того, что являются инструментом интеграции страны и его политической деятельности в мировое сообщество, где к государственному управлению предъявляются высокие стандарты [36; 37, с. 2-15]. Таким образом, изучение процесса формирования имиджа государственного служащего в Казахстане актуально как для решения текущих проблем, так и для укрепления положения государственной политики и повышения эффективности её реализации.

Методы исследования.

Объектом исследования были выбраны представители населения, взаимодействующие с работниками государственной службы с различной периодичностью (от 1 раза в неделю до 4-6 раз в год).

Для работы с представителями населения выбран метод стандартных фокус-групп (по 8-10 человек) с интеграцией метода двухстороннего интервью и групп удаленного формата. Данный метод отличается удобством и возможностью более глубокой проработки вопросов и детально обоснованных ответов респондентов. Анализ статистических данных был выполнен с использованием программного обеспечения IBM SPSS Statistics и Microsoft Excel 2019. Для оценки уровня выраженности признака использован непараметрический критерий Н Краскалла-Уоллеса, согласно формуле:

$$H = \frac{12}{N(N+1)} \sum_{i=1}^k n_i (R_i - R)^2,$$

где:

N – общее количество наблюдений;

k – число групп;

n_i – число наблюдений в i -группе;

R_i – сумма рангов для i -группы;

R – среднее значение по всем рангам.

Данный критерий позволил выявить наличие статистически значимых различий между полученными результатами.

Далее данные обработаны с помощью метода ранговой корреляции Спирмена по следующей формуле:

$$p = 1 - 6 \frac{\sum d^2}{n^3 - n}.$$

Проведена количественная оценка непараметрической связи между признаками. На основе рассчитанных коэффициентов для каждой пары переменных составлены диаграммы рассеяния.

При исследованиях вопросов формирования имиджа использованы системный и структурно-функциональный методы, рассматривающие имидж государственного служащего как результат взаимодействия государства, общества и других институтов власти, а также в качестве адаптивного элемента, который нацелен на удовлетворение потребностей общества [38].

Результаты исследования.

В рамках проведения исследования изучены основные аспекты формирования имиджа государственного служащего в Казахстане с применением технологий политического маркетинга. В качестве основной аудитории для анализа результатов исследования были выбраны пользователи государственных услуг, которые разделены на стандартные фокус-группы с интеграцией метода двухстороннего интервью и групп удаленного формата. Данная коллаборация методов обосновывается удобством и возможностью более глубокой проработки вопросов.

В соответствии с интересующими проблемными вопросами рассмотрены несколько аспектов имиджа государственного служащего. Первый аспект базируется на особенностях имиджа, которые включали исследование вопросов социальной защищенности, отзывчивости сотрудников, соблюдения этикета и профессиональной квалификации. Изучение данного аспекта основывалось на взаимодействии с населением, непосредственно контактирующем с государственными служащими с определенной периодичностью (от 1 раза в неделю до 2-3 раз в полгода). Оценка по составным компонентам рассматриваемых особенностей проводилась в соответствии с пятибалльной шкалой, результаты которой позволили оценить - насколько образ государственного служащего качественно сформирован и обособлен в сознании населения. Полученные результаты продемонстрированы в таблице 1.

Таблица 1. Оценка имиджа государственного служащего представителями населения на основе метода фокус-групп (обобщенные результаты)

Особенности	Составные компоненты особенностей	Представители населения, контактирующие с государственными служащими с определенной периодичностью (без применения технологий политического маркетинга)		
		Часто (каждую неделю)	Иногда (1-2 раза в месяц)	Редко (2-3 раз в 6 месяцев)
Социальная защищенность	Права и обязанности	3,6	3,2	2,3
	Запреты и ограничения	3,2	3,9	3,9
	Требования	3,4	3,5	4,0
	Гарантии	3,0	3,2	3,4
Отзывчивость	Отстаивание интересов населения	3,8	3,6	3,9
	Работа с гражданами	4,3	3,4	4,0
	Внимательность к деталям и просьбам населения	3,6	3,9	4,1
Соблюдение этикета	Манеры общения	4,2	4,2	3,5
	Стиль одежды	4,3	3,8	4,2
	Соблюдение субординации	4,1	3,6	3,7
Профессиональная квалификация	Знание законов и необходимых аспектов касасемо государственной службы	3,8	3,2	3,0
	Знание нюансов взаимодействия с другими организациями и органами	3,6	3,1	3,3

Оценка уровня выраженности признака проведена на основании непараметрического критерия Н Краскалла-Уоллеса для оценки наличия статистически значимых различий между полученными результатами. По данным исследования выявлено, что $H=7,06$, а критическое значение при уровне значимости 0,05 определено как 5,99. Поскольку $7,06 > 5,99$ нулевая гипотеза об одинаковом распределении в трех выборках отвергается, что указывает на наличие между группами признаков значимых различий. Значимость различий также подтверждается тем, что значение p (0,029) оказалось меньше уровня значимости, равного 0,05. Оценка имиджа государственного служащего представителями населения в разрезе технологий политического маркетинга представлена в таблице 2.

Таблица 2. Оценка имиджа государственного служащего представителями населения (в разрезе технологий политического маркетинга) на основе метода фокус-групп (часто – 2, иногда – 1, редко – 0)

Составные компоненты особенностей	Представители населения, контактирующие с государственными служащими с определенной периодичностью														
	2	1	0	2	1	0	2	1	0	2	1	0	2	1	0
	Продукт-плейсмент			Цифровой маркетинг			Избирательные технологии			Политическая реклама			PR (паблик рилейшнз)		
Права и обязанности	3	3	1,9	3,2	3,7	4	3,6	3	1	4,2	3	3,6	4	3,3	1
Запреты и ограничения	2,5	5	4	2,5	3	3,3	4	3	3,5	3	4	3,8	4	4,5	4,9
Требования	4	3	5	3,5	4	4	2,5	4	3	4	4	3,7	3	2,5	4,3
Гарантии	3,5	3,3	4	3	5	3	3,3	3,5	3,5	3,2	2	4	2	2,2	2,5
Отстаивание интересов населения	3,9	2	2	4	3,5	5	3,5	4	3,5	3,6	4	4,4	4	4,5	4,6
Работа с гражданами	3,8	4,5	3	4,3	3	4	4,2	4	4,5	4,4	3,2	3,5	4,8	2,3	5
Внимательность к деталям и просьбам населения	3,6	3,1	4	3,5	4	3,5	4	3,9	4	3,6	4	4,5	3,3	4,5	4,5
Манеры общения	6,3	4	5	4	4	2	3,6	4	3	4	4	3	3,1	5	4,5
Стиль одежды	4,5	5	4	3,6	3,5	4	4,8	3	4	3,6	3,6	4	5	3,9	5
Соблюдение субординации	3,7	3	3	2,8	4	3	4,6	4	3,5	4,6	4,2	5	4,8	2,8	4
Знание законов	4	3	4	3	3	3,5	3	3	3	4,5	3,8	2	4,5	3,2	2,5
Знание нюансов взаимодействия с другими организациями и органами	4,2	4	4	4	3	3	2	3,5	3,3	4	3	3,2	3,8	2	3

Анализ ранговой корреляции Спирмена выявил взаимосвязь между различными инструментами политического маркетинга, применяемыми для исследования формирования имиджа государственных служащих в Казахстане.

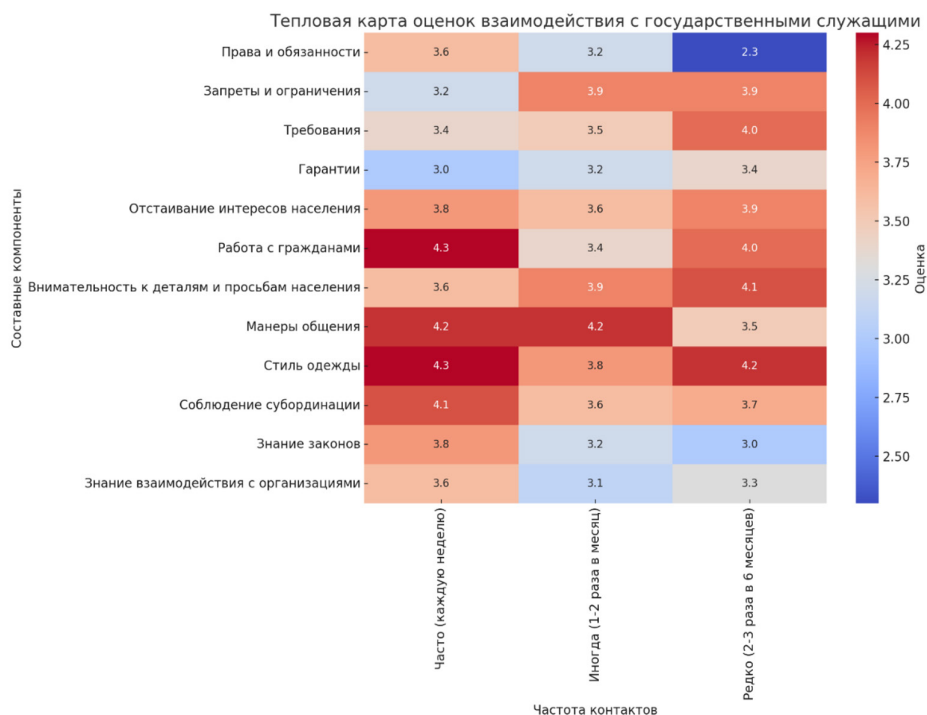
Обсуждение результатов.

Исследование вопросов имиджа государственного служащего по мнению представителей населения, проведенного на основе метода фокус-групп позволило получить детальные данные по каждому критерию, которые являются наиболее важными в формировании положительного совокупного образа государственного служащего. На основании полученных данных составлена тепловая карта взаимодействия с государственными служащими (рисунок 1), показатели в которой систематизированы в зависимости от частоты контактов представителей общественности с первыми. Установлено, что наиболее высокие значения характерны для манеры общения (среднее значение 3,96), работы с гражданами (3,9) и стиля одежды (4,1), что отражает элементы этикета и отзывчивости. Наименьшие показатели зафиксированы для прав и обязанностей работников государственных учреждений, в целом, по мнению респондентов, показатели социальной защищенности и профессиональной квалификации работников являются критически низкими. Это может быть связано с тем, что основная часть государственных служащих

все-таки завоевала положительное мнение о себе в сознании населения благодаря их отдельным человеческим качествам и эмоционально-психологическому контакту с представителями власти. Отмечен факт, что соблюдение базовых правил этикета в виде располагающего вежливого общения в совокупности с соблюдением субординации и приятный внешний вид (деловой стиль в одежде) дают положительное представление о работниках госсектора экономики. При этом, уровню их квалификационных навыков, а также обязанностям и гарантиям, которые последние предоставляют населению, уделялось меньше всего внимания.

Полученные результаты расчёта критерия Краскала-Уоллеса, подтверждают данные заключения благодаря тому, что отражают значимость различий между рассчитанными показателями. Результаты исследования демонстрируют наличие существенных различий между группами распределения, что также отвергает отсутствие различий между выборками. Поскольку нулевая гипотеза отвергается, а $H_1 > H_0$, то значимость результата подтверждается значением p , которое меньше заданного уровня значимости. Таким образом, полученный результат демонстрирует неоднородность распределения показателей, что может быть связано с периодичностью взаимодействия населения с государственными служащими. Полученные результаты могут быть использованы в качестве инструмента для разработки мер по улучшению взаимодействия между различными категориями граждан и повышению имиджа государственных служащих в глазах населения.

Рисунок 1. Тепловая карта оценки имиджа государственного служащего представителями населения в зависимости от частоты взаимодействия

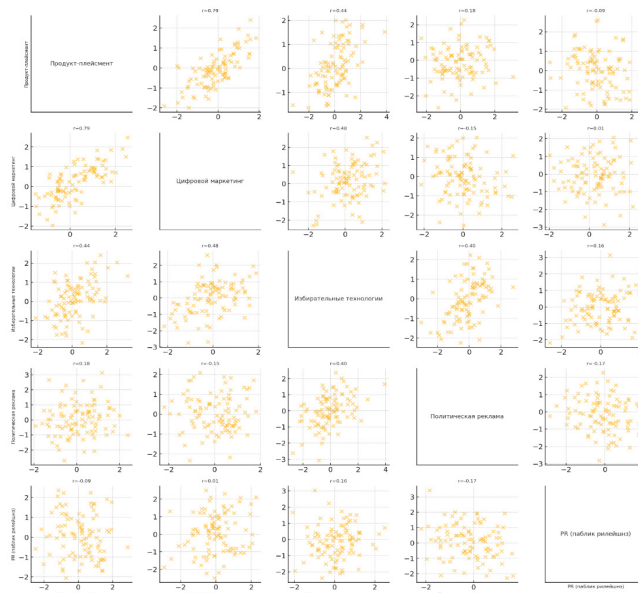

Оценка взаимодействия населения с государственными служащими также рассмотрена по пяти применяемым технологиям, которые дают полноценное понимание о роли государственного служащего в обществе и формируют общее представление о его имидже. Систематизация данных позволила получить показатели по каждой из технологий политического маркетинга, среди которых выбраны такие как: продукт-плейсмент, цифровой маркетинг, избирательные технологии, политическая реклама и PR. Для установления связи данных технологий друг с другом рассчитаны коэффициенты ранговой корреляции Спирмена, результаты по которой представлены в таблице 3.

Таблица 3. Оценка влияния технологий политического маркетинга при формировании имиджа государственного служащего на основе ранговой корреляции Спирмена (зелёный цвет – сильная корреляционная связь, розовая – умеренная, оранжевая – слабая, желтая – слабая отрицательная)

	Продукт-плейсмент	Цифровой маркетинг	Избирательные технологии	Политическая реклама	PR (паблик рилейшнз)
Продукт-плейсмент	1,000	0,788	0,442	0,176	-0,090
Цифровой маркетинг	0,788	1,000	0,481	-0,153	0,010
Избирательные технологии	0,442	0,481	1,000	0,404	0,164
Политическая реклама	0,176	-0,153	0,404	1,000	-0,175
PR (паблик рилейшнз)	-0,090	0,010	0,164	-0,175	1,000

Рисунок 2. Коэффициент корреляции Спирмена в виде диаграмм рассеяния для каждой пары переменных (эффективность применения технологий политического маркетинга)

Полученные корреляционные коэффициенты показали, что наиболее сильная связь характерна цифровому маркетингу и продукт-плейсменту ($\rho=0,788$). Таким образом, внедрение культурных продуктов в формате фильмов, книг, музыки с инициированием специальных диалоговых площадок и учётом общественного мнения, его выслушиванием, обсуждением наиболее актуальных для населения вопросов и предложением возможных решений проблем., то есть поддержание прямого контакта с населением, благоприятно сказывается на имидже государственного служащего. Такой подход демонстрирует, что сотрудник государственных органов выступает в роли «своего», так как максимально «приближается» к народу, вникает в проблемы населения, пытается всячески помочь, что положительно сказывается на его образе.

Умеренную связь имеют избирательные технологии с продукт-плейсментом ($\rho=0,442$) и цифровым маркетингом ($\rho=0,481$), что представляет собой автоматизированный сбор информации о взаимодействиях с определенным контентом в конкретных условиях. Данная технология оказывает довольно положительное влияние на формирование образа государственного служащего, поскольку выступает в роли своеобразного индикатора предпочтений населения и позволяет сформировать целостное представление о тех чертах сотрудников госслужбы, которые больше всего ценятся. Примерно похожий уровень отмечен для политической рекламы и избирательных технологий. Коэффициент корреляции Спирмена равен 0,404, что указывает на относительно невысокую, но значимую эффективность использования социальных сетей, через которые происходит пропаганда личности государственного служащего, его работы и обязанностей. Осуществляется не просто информирование, но ещё и убеждение, а также мотивирование и побуждение к восприятию определенных действий работников госаппарата представителями населения.

С другой стороны продукт-плейсмент – политическая реклама ($\rho=0,176$), PR с цифровым маркетингом ($\rho=0,010$) и избирательными технологиями ($\rho=0,164$) имеют слабую корреляционную связь, что указывает на отсутствие их совокупного влияния друг на друга. Отрицательная корреляция выявлена для моделей отношений между такими технологиями политического маркетинга как «политическая реклама – цифровой маркетинг» и «продукт-плейсмент – PR». Это означает, что при усилении влияния одной технологии, воздействие следующей уменьшается автоматически. Следовательно, данные модели политических маркетинговых технологий не рекомендуются к совокупному применению с целью формирования имиджа государственного служащего.

Таким образом, сформирован многоуровневый имидж работника государственных органов с персональными характеристиками. В таблице 4 представлены уровни имиджа с соответствующими им маркетинговыми технологиями.

Таблица 4. Уровни имиджа государственного служащего

Уровень	Характеристика	Подходящие к использованию технологии политического маркетинга
---------	----------------	--

Биологический	Четких ограничений выявлено не было	–
Психологический	Предрасположенность к эмоционально-психологическим сопереживаниям людям	Продукт-плейсмент – цифровой маркетинг
Гносеологический	Самопознание, совершенствование профессиональных навыков	Цифровой маркетинг – избирательные технологии
Перцептуальный	Установление коммуникативных связей с населением с подключением эмоционально-психологических сопереживаний	Продукт-плейсмент – цифровой маркетинг
Семантический	Применение вербальных и невербальных средств общения, умение оставлять о себе благоприятное впечатление, правильный подбор жестов и мимики	Продукт-плейсмент – цифровой маркетинг
Этнокультурный	Учет национальной идентичности каждого этноса, уважительное отношение	Цифровой маркетинг – избирательные технологии – продукт-плейсмент
Социальный	Развитие и формирование общественных ценностей на основе общепринятых традиций и норм	Цифровой маркетинг – избирательные технологии – продукт-плейсмент
Государственный	Реализация стратегических государственных целей и задач в рамках своих полномочий	Цифровой маркетинг – избирательные технологии – продукт-плейсмент

Заключение

Таким образом, имидж государственного служащего представляет собой комплексную систему в виде целостного образа работника госсектора в сознании населения. Это стратегически важный процесс, состоящий из множества уровней, который направлен на повышение доверия населения к органам власти и одновременному положительному восприятию работы государственного аппарата. В условиях современности, когда информационно-коммуникационные технологии занимают лидирующие позиции, технологии политического маркетинга приобретают значение эффективного инструмента для достижения данных целей.

Среди распространенных маркетинговых технологий в качестве наиболее подходящих были выявлены такие как: продукт-плейсмент, цифровой маркетинг и избирательные технологии. Выявлено, что эмоциональному воздействию и поддержанию коммуникационных связей необходимо уделять особое внимание на психологическом и перцептивном уровнях. Это требует от работников способностей адаптироваться к требованиям общества и высокого уровня эмоционального интеллекта, укреплению, а также формированию сопутствующих связей которого способствует работа между государством и населением. Подача вербальных и невербальных сигналов играет существенное значение для семантического уровня, формирование которого происходит посредством социальных сетей, видеоконтента и публичных выступлений. На этнокультурном уровне решающая роль отводится национальной идентичности и культурным традициям, что играет особенно важную роль для многонационального Казахстана, где цифровые и избирательные технологии занимают первостепенные позиции для государственных служащих. Социальный и государственный уровень в свою очередь связаны с высоким

профессионализмом, ответственностью и стратегическими инициативами, обеспечивая качественную деятельность государственных органов власти на основе применения технологий продукт-плейсмена и цифрового маркетинга.

На основании этого можно сделать вывод о том, что технологии маркетинга политического характера создают на сегодняшний день в Казахстане все условия для формирования современного, доверительного и профессионального имиджа государственного служащего. Сбалансированное применение цифровых инструментов, продакт-плейсмена и иных технологий политического маркетинга способствует не только укреплению авторитета государственной службы, но и повышению уровня общественного доверия, развитию устойчивой коммуникации с гражданами и формированию положительного имиджа государственного служащего Республики Казахстан. В долгосрочной перспективе это позволит усилить прозрачность государственной политики и укрепить ее восприятие как эффективной и ориентированной на интересы общества.

Список литературы

1. Васищева, А. В. Имидж: определение центрального понятия имиджелогии [Текст] / А. В. Васищева // Социально гуманитарные знания. – 2009. – № 4. – С. 277–278.
2. Закон Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» от 23 ноября 2015 года [Текст]. – Алматы: Юрист, 2019. – 16 с.
3. Нуртазин, М. С. Проблемы формирования имиджа государственной службы [Текст] / М. С. Нуртазин // Вестник Поволжского института управления. – 2009. – № 2. – С. 12–16.
4. Формирование имиджа государственного служащего [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kyzylorda-kazaly/press/article/details/7114> (дата обращения: 25.11.2024).
5. Почепцов, Г. Г. Паблик рилейшнз для профессионалов [Текст] / Г. Г. Почепцов. – М.: 2001. – С. 188.; Почепцов, Г. Г. Имидже логия [Текст]. – Киев: Ваклер, 2014. – 574 с.
6. Садвокасова, А. К. Публичный имидж государственной службы: опыт социологических исследований в Казахстане [Текст] / А. К. Садвокасова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 1(85). – С. 149–153.
7. Сидоров, С. А. Имидж государственного служащего: понятие, характеристики, процесс формирования [Текст] / С. А. Сидоров // Экономика и социум. – 2019. – № 1-1 (56). – С. 892–896.
8. Адилова, Л. Ф. Имидж государственного служащего: современные тенденции и противоречия [Текст] / Л. Ф. Адилова // Государственная служба в современной России. – 2003. – С. 142–149.
9. Rus, M., Tasente, T., Sandu, M. L., Viju, V.-D. Social perception on the image of the civil servant and his duties [Text] / M. Rus, T. Tasente, M. L. Sandu, V.-D. Viju // Technium Social Sciences Journal. – 2022. – Т. 29. – С. 573–595. <https://doi.org/10.47577/tssj.v29i1.6165>
10. Nezhina, T. G., Zaytseva, T. V. A Public Servant: To Be or Not to Be [Text] / T. G. Nezhina, T. V. Zaytseva // International Journal of Public Administration. – 2018. – Т. 41(1). – С. 72–82. <https://doi.org/10.1080/01900692.2017.1350190>
11. Sergeeva, T. A., Savchenko, I. A. Technologies of image formation on the example of civil servants of different levels and types [Text] / T. A. Sergeeva, I. A. Savchenko // Vestnik Universiteta. – 2020. – № 8. – С. 25–32. <https://doi.org/10.26907/2542-0477.2020.8.25-32>

- org/10.26425/1816-4277-2020-8-25-32
12. Yakovleva, O. S., Emelyanov, M. A. Problems of forming the social picture of a civil servant [Text] / O. S. Yakovleva, M. A. Emelyanov // *Arctic XXI Century. Humanities*. – 2023. – № 4. – С. 118–133. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2023-4-118-133>
 13. Balan, O., Shepel, M., Syta, Y. Academic Supervision as a Tool for Future Civil Servants' Professional Image Development [Text] / O. Balan, M. Shepel, Y. Syta // *Economic Journal Odessa Polytechnic University*. – 2022. – № 1(19). – С. 17–26. <https://doi.org/10.15276/ej.01.2022.2>
 14. Кубрякова, Е. С. К определению понятия имиджа [Текст] / Е. С. Кубрякова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2008. – № 2. – С. 5–11.
 15. Указ Президента Республики Казахстан от 29 декабря 2015 года № 153 «О мерах по дальнейшему совершенствованию этических норм и правил поведения государственных служащих Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153> (дата обращения: 26.11.2024).
 16. Hordiichuk, M., Kotenko, N. The problem of forming the image of a public servant [Text] / M. Hordiichuk, N. Kotenko // *Economics. Finances. Law*. – 2020. – № 3. – С. 33–36. <https://doi.org/10.37634/efp.2020.3.7>
 17. Wu, Mei. How to Improve the Government Credibility Under the Condition of New Media [Text] / Mei Wu // *Journal of US-China Public Administration*. – 2021. – Т. 18(5). – С. 50–57. <https://doi.org/10.17265/1548-6591/2021.05.002>
 18. Volodina, N.A., Murzina, I.A., Retinskaya, V.N. Image of the Russian executive bodies [Text] / N. A. Volodina, I. A. Murzina, V. N. Retinskaya // *Bulletin "Biomedicine and Sociology"*. – 2020. – № 5(4). – С. 26–30. <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2020-5-4-26-30>
 19. Аюбаева, С. С., Кусаинова, Л. И., Ибраева, А. С. Имидж: понятие, сущность и основные направления повышения его эффективности [Текст] / С. С. Аюбаева, Л. И. Кусаинова, А. С. Ибраева // *Экономическая серия вестника ЕНУ имени Л. Н. Гумилева*. – 2021. – № 3. – С. 83–91.
 20. Позднякова, Ю. С. Имидж государственного деятеля как инструмент взаимодействия со средствами массовой информации [Текст] / Ю. С. Позднякова // *Вестник НГУ. Серия: История, Филология*. – 2012. – Т. 11, вып. 6. – С. 17.
 21. Панасюк, А. Ю. Формирование имиджа. Стратегия, психотехнологии, психотехники [Текст] / А. Ю. Панасюк. – М.: ОМЕГА-Л, 2009. – 266 с.
 22. Саломатин, А. Ю. Политический маркетинг как основа политических технологий и PR-кампаний в пост модернизирующемся обществе [Текст] / А. Ю. Саломатин // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2009. – № 2. – С. 26–35.
 23. Акимова, Е. Ю. Проблема имиджа государственных служащих в современном обществе [Текст] / Е. Ю. Акимова // *Ярославский педагогический вестник*. – 2011. – Т. 2(1). – С. 235.
 24. Введение в руморологию: использование слухов на американских выборах [Текст] / сост. С. Василенко. – М., 2004.
 25. Журавлева, В. И., Фоглесонг, Д. С. Конструирование образа России в американской политической карикатуре XX в. [Текст] / В. И. Журавлева, Д. С. Фоглесонг // *Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв.* / отв. ред. В. А. Коленеко. – М., 2008. – Т. 1.
 26. Телень, Э. Ф. Социальная мимикрия буржуазных массовых газет Великобритании [Текст] / Э. Ф. Телень. – М., 1978.
 27. Wang, Y., & de Hamilton, A. F. C. Social top-down response modulation (STORM): A model of the control of mimicry in social interaction [Text] / Y. Wang, A. F. C. de Hamilton // *Frontiers in Human Neuroscience*. – 2012. – № 6. – С. 1–10. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00153>
 28. Hess, U., & Fischer, A. Emotional mimicry as social regulator: theoretical considerations [Text] / U. Hess, A. Fischer // *Cognition and Emotion*. – 2022. – Т. 36(5). – С. 785–793. <https://doi.org/10.1080/02699931.2022.2103522>
 29. Hogeveen, J., Chartrand, T. L., & Obhi, S. S. Social Mimicry Enhances Mu-Suppression during Action Observation [Text] / J. Hogeveen, T. L. Chartrand, S. S. Obhi // *Cerebral Cortex*. – 2015. – Т. 25(8). – С. 2076–2082. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhu016>
 30. Williams, C. B. Introduction: Social media, political marketing and the 2016

- U.S. election [Text] / C. B. Williams // Journal of Political Marketing. – 2017. – Т. 16(3–4). – С. 207–211. <https://doi.org/10.1080/15377857.2017.1345828>
31. Petrova, M., Sen, A., & Yildirim, P. Social media and political contributions: The impact of new technology on political competition [Text] / M. Petrova, A. Sen, P. Yildirim // Management Science. – 2021. – Т. 67(5). – С. 2997–3021. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2020.3740>
 32. Viktorovich, E. S. Marketing technologies in political management [Text] / E. S. Viktorovich // Vestnik of Brest State Technical University. Civil Engineering and Architecture. – 2022. – № 3(129). – С. 95–97. <https://doi.org/10.36773/1818-1112-2022-129-3-95-97>
 33. Biryukov, S. V., Kislyakov, M. M., & Chirun, S. N. Political Marketing: The Modernization of the Concept, Its Methodological and Politico-Technological Bases [Text] / S. V. Biryukov, M. M. Kislyakov, S. N. Chirun // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya, Sotsiologiya, Politologiya. – 2019. – № 50. – С. 187–199. <https://doi.org/10.17223/1998863x/50/16>
 34. Sherman, E., & Schiffman, L. Trends and issues in political marketing technologies [Text] / E. Sherman, L. Schiffman // Journal of Political Marketing. – 2002. – Т. 1(1). – С. 231–233. https://doi.org/10.1300/J199v01n01_15
 35. Harris, L., & Harrigan, P. Social Media in Politics: The Ultimate Voter Engagement Tool or Simply an Echo Chamber? [Text] / L. Harris, P. Harrigan // Journal of Political Marketing. – 2015. – Т. 14(3). – С. 251–283. <https://doi.org/10.1080/15377857.2012.693059>
 36. Национальный доклад о состоянии государственной службы в Республике Казахстан [Текст]. – Астана, 2023. – URL: https://www.gov.kz/uploads/2023/4/10/0ес6еа4d59е12b8b33599е15774еe94_original.1120840.pdf (дата обращения: 25.11.2024).
 37. Агубаев, Н. К вопросу об образе государственного служащего [Текст] / Н. Агубаев // Государственное управление и государственная служба. – 2024. – № 2(89). – С. 2–15. <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2024-1201>
 38. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных [Текст] / А. Д. Наследов. – СПб.: Речь, 2004. – 392 с.

References:

1. Vasishcheva, A. V. Imidzh: opredelenie tsentral'nogo ponyatiya imidzheologii [Tekst] / A. V. Vasishcheva // Sotsial'nogumanitarnye znaniya. – 2009. – № 4. – С. 277–278.
2. Zakon Respubliki Kazakhstan «О gosudarstvennoi sluzhbe Respubliki Kazakhstan» of 23 noyabrya 2015 goda [Tekst]. – Almaty: Yurist, 2019. – 16 s.
3. Nurtazin, M. S. Problemy formirovaniya imidzha gosudarstvennoi sluzhby [Tekst] / M. S. Nurtazin // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. – 2009. – № 2. – С. 12–16.
4. Formirovanie imidzha gosudarstvennogo sluzhashchego [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kyzylorda-kazaly/press/article/details/7114> (data obrashcheniya: 25.11.2024).
5. Pocheptsov, G. G. Pablik rileishnz dlya professionalov [Tekst] / G. G. Pocheptsov. – М.: 2001. – С. 188.; Pocheptsov, G. G. Imidzhelogiya [Tekst]. – Kiev: Vakler, 2014. – 574 s.
6. Sadvokasova, A. K. Publichnyi imidzh gosudarstvennoi sluzhby: opyt sotsiologicheskikh issledovaniy v Kazakhstane [Tekst] / A. K. Sadvokasova // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2008. – № 1(85). – С. 149–153.
7. Sidorov, S. A. Imidzh gosudarstvennogo sluzhashchego: ponyatie, kharakteristiki, protsess formirovaniya [Tekst] / S. A. Sidorov // Ehkonomika i sotsium. – 2019. – № 1-1 (56). – С. 892–896.
8. Adilova, L. F. Imidzh gosudarstvennogo sluzhashchego: sovremennye tendentsii i protivorechiya [Tekst] / L. F. Adilova // Gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoi Rossii. – 2003. – С. 142–149.
9. Rus, M., Tasente, T., Sandu, M. L., Viju, V.-D. Social perception on the image of the civil servant and his duties [Text] / M. Rus, T. Tasente, M. L. Sandu, V.-D. Viju // Technium Social Sciences Journal. – 2022. – Т. 29. – С. 573–595.

- <https://doi.org/10.47577/tssj.v29i1.6165>
10. Nezhina, T. G., Zaytseva, T. V. A Public Servant: To Be or Not to Be [Text] / T. G. Nezhina, T. V. Zaytseva // International Journal of Public Administration. – 2018. – T. 41(1). – S. 72–82. <https://doi.org/10.1080/01900692.2017.1350190>
 11. Sergeeva, T. A., Savchenko, I. A. Technologies of image formation on the example of civil servants of different levels and types [Text] / T. A. Sergeeva, I. A. Savchenko // Vestnik Universiteta. – 2020. – № 8. – S. 25–32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-8-25-32>
 12. Yakovleva, O. S., Emelyanov, M. A. Problems of forming the social picture of a civil servant [Text] / O. S. Yakovleva, M. A. Emelyanov // Arctic XXI Century. Humanities. – 2023. – № 4. – S. 118–133. <https://doi.org/10.25587/2310-5453-2023-4-118-133>
 13. Balan, O., Shepel, M., Syta, Y. Academic Supervision as a Tool for Future Civil Servants' Professional Image Development [Text] / O. Balan, M. Shepel, Y. Syta // Economic Journal Odessa Polytechnic University. – 2022. – № 1(19). – S. 17–26. <https://doi.org/10.15276/ej.01.2022.2>
 14. Kubryakova, E. S. K opredeleniyu ponyatiya imidzha [Tekst] / E. S. Kubryakova // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2008. – № 2. – S. 5–11.
 15. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 29 dekabrya 2015 goda № 153 «O merakh po dal'neishemu sovershenstvovaniyu ehticheskikh norm i pravil povedeniya gosudarstvennykh sluzhashchikh Respubliki Kazakhstan» [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000153> (data obrashcheniya: 26.11.2024).
 16. Hordiichuk, M., Kotenko, N. The problem of forming the image of a public servant [Text] / M. Hordiichuk, N. Kotenko // Economics. Finances. Law. – 2020. – № 3. – S. 33–36. <https://doi.org/10.37634/efp.2020.3.7>
 17. Wu, Mei. How to Improve the Government Credibility Under the Condition of New Media [Text] / Mei Wu // Journal of US-China Public Administration. – 2021. – T. 18(5). – S. 50–57. <https://doi.org/10.17265/1548-6591/2021.05.002>
 18. Volodina, N.A., Murzina, I.A., Retinskaya, V.N. Image of the russian executive bodies [Text] / N. A. Volodina, I. A. Murzina, V. N. Retinskaya // Bulletin "Biomedicine and Sociology". – 2020. – № 5(4). – S. 26–30. <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2020-5-4-26-30>
 19. Ayubaeva, S. S., Kusainova, L. I., Ibraeva, A. S. Imidzh: ponyatie, sushchnost' i osnovnye napravleniya povysheniya ego ehfektivnosti [Tekst] / S. S. Ayubaeva, L. I. Kusainova, A. S. Ibraeva // Ehkonomicheskaya seriya vestnika ENU imeni L. N. Gumileva. – 2021. – № 3. – S. 83–91.
 20. Pozdnyakova, YU. S. Imidzh gosudarstvennogo deyatela kak instrument vzaimodeistviya so sredstvami massovoi informatsii [Tekst] / YU. S. Pozdnyakova // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya. – 2012. – T. 11, vyp. 6. – S. 17.
 21. Panasyuk, A. YU. Formirovanie imidzha. Strategiya, psikhotehnologii, psikhotehniki [Tekst] / A. YU. Panasyuk. – M.: OMEGA-L, 2009. – 266 s.
 22. Salomatin, A. YU. Politicheskii marketing kak osnova politicheskikh tekhnologii i PR-kampanii v postmoderniziruyushchemsya obshchestve [Tekst] / A. YU. Salomatin // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. – 2009. – № 2. – S. 26–35.
 23. Akimova, E. YU. Problema imidzha gosudarstvennykh sluzhashchikh v sovremennom obshchestve [Tekst] / E. YU. Akimova // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2011. – T. 2(1). – S. 235.
 24. Vvedenie v rumorologiyu: ispol'zovanie slukhov na amerikanskikh vyborah [Tekst] / sost. S. Vasilenko. – M., 2004.
 25. Zhuravleva, V. I., Foglesong, D. S. Konstruirovaniye obraza Rossii v amerikanskoi politicheskoi karikature XX v. [Tekst] / V. I. Zhuravleva, D. S. Foglesong // Mify i realii amerikanskoi istorii v periodike XVIII–XX vv. / otv. red. V. A. Koleneko. – M., 2008. – T. 1.
 26. Telen', E.H. F. Sotsial'naya mimikriya burzhuaznykh massovykh gazet Velikobritanii [Tekst] / E.H. F. Telen'. – M., 1978.
 27. Wang, Y., & de Hamilton, A. F. C. Social top-down response modulation (STORM): A model of the control of mimicry in social interaction [Text] / Y. Wang, A. F. C. de Hamilton // Frontiers in Human Neuroscience. – 2012. – № 6. – S. 1–10. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2012.00153>
 28. Hess, U., & Fischer, A. Emotional mimicry as social regulator: theoretical

- considerations [Текст] / U. Hess, A. Fischer // *Cognition and Emotion*. – 2022. – Т. 36(5). – С. 785–793. <https://doi.org/10.1080/02699931.2022.2103522>
29. Hogeveen, J., Chartrand, T. L., & Obhi, S. S. Social Mimicry Enhances Mu-Suppression during Action Observation [Текст] / J. Hogeveen, T. L. Chartrand, S. S. Obhi // *Cerebral Cortex*. – 2015. – Т. 25(8). – С. 2076–2082. <https://doi.org/10.1093/cercor/bhu016>
 30. Williams, C. B. Introduction: Social media, political marketing and the 2016 U.S. election [Text] / C. B. Williams // *Journal of Political Marketing*. – 2017. – Т. 16(3–4). – С. 207–211. <https://doi.org/10.1080/15377857.2017.1345828>
 31. Petrova, M., Sen, A., & Yildirim, P. Social media and political contributions: The impact of new technology on political competition [Text] / M. Petrova, A. Sen, P. Yildirim // *Management Science*. – 2021. – Т. 67(5). – С. 2997–3021. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2020.3740>
 32. Viktorovich, E. S. Marketing technologies in political management [Text] / E. S. Viktorovich // *Vestnik of Brest State Technical University. Civil Engineering and Architecture*. – 2022. – № 3(129). – С. 95–97. <https://doi.org/10.36773/1818-1112-2022-129-3-95-97>
 33. Biryukov, S. V., Kislyakov, M. M., & Chirun, S. N. Political Marketing: The Modernization of the Concept, Its Methodological and Politico-Technological Bases [Text] / S. V. Biryukov, M. M. Kislyakov, S. N. Chirun // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya, Sotsiologiya, Politologiya*. – 2019. – № 50. – С. 187–199. <https://doi.org/10.17223/1998863x/50/16>
 34. Sherman, E., & Schiffman, L. Trends and issues in political marketing technologies [Text] / E. Sherman, L. Schiffman // *Journal of Political Marketing*. – 2002. – Т. 1(1). – С. 231–233. https://doi.org/10.1300/J199v01n01_15
 35. Harris, L., & Harrigan, P. Social Media in Politics: The Ultimate Voter Engagement Tool or Simply an Echo Chamber? [Text] / L. Harris, P. Harrigan // *Journal of Political Marketing*. – 2015. – Т. 14(3). – С. 251–283. <https://doi.org/10.1080/15377857.2012.693059>
 36. Natsional'nyi doklad o sostoyanii gosudarstvennoi sluzhby v Respublike Kazakhstan [Текст]. – Astana, 2023. – URL: https://www.gov.kz/uploads/2023/4/10/0ec6ea4d59e12b8b333599e15774ee94_original.1120840.pdf (data obrashcheniya: 25.11.2024).
 37. Agubaev, N. K voprosu ob obraze gosudarstvennogo sluzhashchego [Текст] / N. Agubaev // *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba*. – 2024. – № 2(89). – С. 2–15. <https://doi.org/10.52123/1994-2370-2024-1201>
 38. Nasledov, A. D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh [Текст] / A. D. Nasledov. – SPb.: Rech', 2004. – 392 s.

Материал поступил в редакцию 24.12.2024

Утвержден к публикации 22.09.2025

КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ БИЗНЕС-ПОДХОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ (на примере деятельности институтов гражданского общества)

Фарида Каюпова¹

¹ Ассистент профессора кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины и Ассамблея народа Казахстана» НАО «Каспийский университет технологий и инжиниринга им.Ш.Есенова», Актау, Казахстан; докторант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан; e-mail: farida.kayupova@yu.edu.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.006>

Аннотация. В условиях глобализации, сопровождающейся растущим этническим многообразием, управление полиэтническими обществами становится одной из ключевых задач государственной политики. Особое значение приобретает разработка эффективных коммуникационных стратегий, направленных на укрепление гражданской идентичности, предотвращение этнических конфликтов и повышение уровня доверия к власти. Данная статья посвящена вопросу выявления особенностей коммуникационных стратегий политического управления на примере деятельности институтов гражданского общества. Исследуются подходы и принципы разработки коммуникационной стратегии политического управления по аналогии с бизнес-структурой на примере зарубежных кейсов. В первой части статьи автор даёт общее представление о коммуникационных стратегиях. Основная часть посвящена раскрытию ответа на исследовательский вопрос: «Какие подходы и принципы разработки методов связи, используемых в бизнесе, могут быть успешно применены в политическом управлении?» При написании данной статьи были использованы методы теоретического анализа, сравнения, case-study. В работе выявлены успешные практики и представлены общие практические рекомендации по исследуемому вопросу. Подчеркивается, что ключевыми факторами успешной коммуникационной стратегии в современном мире является необходимость их изменения с учетом влияний информационных технологий.

Ключевые слова: коммуникационные стратегии, принципы бизнес-управления, мультикультурализм, гражданская идентичность, этнополитика, политическое управление, институт гражданского общества, Казахстан.

КОММУНИКАЦИЯЛЫҚ СТРАТЕГИЯЛАР: САЯСИ МЕНЕДЖМЕНТТЕ БИЗНЕСТІК ТӘСІЛДЕРДІ МОДЕЛЬДЕУ (азаматтық қоғам институттары қызметінің мысалы негізінде)

Фарида Каюпова¹

¹ Әлеуметтік-гуманитарлық пәндер және Қазақстан халқы Ассамблеясы кафедрасының ассистенті, Ш.Есенов атындағы Каспий технологиялар және инжиниринг университеті КЕАҚ, Ақтау, Қазақстан; Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ «Этносаясаттағы дипломатия және менеджмент» докторанты, Астана, Қазақстан; e-mail: farida.kayupova@yu.edu.kz

Аңдатпа. Этникалық әртүрліліктің өсуімен қатар жүретін жаһандану жағдайында көпұлтты қоғамдарды басқару мемлекеттік саясаттың негізгі міндеттерінің біріне айналуға. Азаматтық бірегейлікті нығайтуға, этникалық қақтығыстардың алдын алуға және билікке сенім деңгейін арттыруға бағытталған тиімді коммуникациялық стратегияларды әзірлеу ерекше маңызға ие. Бұл мақала азаматтық қоғам институттары қызметінің мысалында саяси менеджменттің коммуникациялық стратегияларының ерекшеліктерін анықтау мәселесіне арналған. Мысал ретінде шетелдік жағдайларды пайдалана отырып, бизнес-құрылымға ұқсастық бойынша саяси менеджменттің коммуникациялық стратегиясын әзірлеудің тәсілдері мен принциптері зерттеледі. Мақаланың бірінші бөлігінде автор коммуникация стратегиялары туралы жалпы түсінік береді. Негізгі бөлім «Саяси менеджментте бизнесте қолданылатын коммуникациялық әдістерді дамытудың қандай тәсілдері мен принциптерін табысты қолдануға болады?» деген зерттеу сұрағының жауабын ашуға арналған. Бұл мақаланы жазу кезінде теориялық талдау, салыстыру, кейс-стади әдістері қолданылды. Жұмыс табысты тәжірибелерді анықтайды және зерттелетін мәселе бойынша практикалық ұсыныстарды ұсынады. Қазіргі әлемдегі табысты коммуникациялық стратегияның негізгі факторлары ақпараттық технологиялардың әсерін ескере отырып, оларды өзгерту қажеттілігі болып табылатыны атап өтіледі.

Түйін сөздер: коммуникациялық стратегиялар, бизнесті басқару принциптері, мультикультурализм, азаматтық бірегейлік, этносаясат, саяси менеджмент, азаматтық қоғам институты, Қазақстан.

COMMUNICATION STRATEGIES: MODELING BUSINESS APPROACHES IN POLITICAL MANAGEMENT (based on the example of the activities of civil society institutions)

Farida Kayupova¹

¹ Assistant Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines and the Assembly of the People of Kazakhstan, NAO Caspian University of Technology and Engineering named after Sh. Yessenov, Aktau, Kazakhstan; PhD student of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; e-mail: farida.kayupova@yu.edu.kz

Abstract. In the context of globalization, accompanied by growing ethnic diversity, the management of multi-ethnic societies is becoming one of the key tasks of public policy. Of particular importance is the development of effective communication strategies aimed at strengthening civic identity, preventing ethnic conflicts and increasing the level of trust in the authorities. This article is devoted to the issue of identifying the features of communication strategies of political management using the example of the activities of civil society institutions. The approaches and principles of developing a communication strategy for political management by analogy with a business structure are studied using foreign cases as an example. In the first part of the article, the author gives a general idea of communication strategies. The main part is devoted to disclosing the answer to the research question: "What approaches and principles for developing communication methods used in business can be successfully applied in political management?" When writing this article, the methods of theoretical analysis, comparison, case study were used. The work identifies successful practices and presents practical recommendations on the issue under study. It is emphasized that the key factors of a successful communication strategy in the modern world are the need to change them, taking into account the influence of information technology.

Keywords: *communication strategies, principles of business management, multiculturalism, civic identity, ethnopolitics, political management, civil society institution, Kazakhstan.*

Введение

Сегодня становится все более очевидным, что необходим комплексный подход к формированию единой коммуникационной стратегии, направленной на укрепление гражданской идентичности и развитие межэтнических отношений. Такая стратегия должна быть ориентирована на решение ключевых государственных задач в глобальном масштабе и охватывать широкий спектр методов и инструментов. Эффективное стратегическое управление коммуникациями выходит за рамки классических понятий, таких как «целевая группа», «сообщения» и «информационные продукты». Оно влияет на глубинные социально-психологические механизмы общества, а также на базовые процессы, которые напрямую влияют на вопросы государственной безопасности и защиты.

Целью данной статьи является выявление основных подходов и принципов разработки коммуникационной стратегии политического управления по аналогии с бизнес-структурой. Для достижения этой цели используются методы сравнительного анализа, системного подхода и анализа нормативно-правовой базы.

В настоящее время коммуникационные практики бизнес-, политических,

некоммерческих организаций все более активно обращаются к феномену коммуникационной стратегии, что свидетельствует об определенном стратегическом потенциале этих социальных субъектов (другими словами, нацеленности на долгосрочное позиционирование и возможности / желания его осуществления), что «является ключевым фактором доверия и зависит от степени проработанности стратегии компании, эффективности стратегического планирования».

Коммуникация как многофакторный феномен охватывает, пронизывает все сферы деятельности языковой личности и человеческого существования в целом. В соответствии с тем, что наука о данном феномене, разрабатываемая представителями многих дисциплин, представляет собой сложное проблемное поле, то вряд ли сегодня можно говорить о существовании единого научного представления о коммуникации. Одним из подтверждений тому является отсутствие однозначной номинации этой области знания. В ряду терминов, которые употребляются в настоящее время в научной литературе, можно отметить такие, как «коммуникативистика», «коммуникалогия», «коммуникативные дисциплины», «коммуникативная наука», «коммуникационная наука», «теория коммуникации», отражающие, наряду с общесемантическим, часто ещё и концептуальный подход.

Дискутируются проблемы тождественности общения и коммуникации, коммуникации и интеракции, коммуникации и речевой деятельности, коммуникативного и коммуникационного. Споры среди социологов, психологов, лингвистов вызывает и вопрос о том, что собственно изучает эта дисциплина, чем её предмет отличается от предмета социальной психологии, социологии, культурной антропологии, психолингвистики.

В данной статье автор выделяет особенность коммуникационной стратегии политического управления по аналогии управления бизнес-процессами. Под коммуникационными стратегиями в этом контексте представляется интегрированная модель действий институтов гражданского общества по информированию и вовлечению общества в диалог, обеспечивающая эффективное достижение общественных интересов.

Постановка проблемы: Политическое управление в современном мире подразумевает не только осуществление аппаратом власти и управления своих прямых функций, но и обратную связь. Отношения управления основаны на взаимовлиянии: "...как субъект управления узнает об отклонениях в поведении объекта по его воздействию, так сам объект узнает об этом по регулирующему воздействию субъекта". В связи с этим особую ценность в политическом управлении имеет деятельность по сбору и обработке информации о состоянии общества, о среде и о себе.

Сегодня многие эксперты, представители властных структур и бизнес-сообщества убеждены в том, что политическое управление, осуществляемое по аналогии с управлением бизнес-процессами, будет наиболее эффективным. Политическое управление и корпоративный тип управления, а также другие бизнес-стратегии могут иметь сходство. Однако основой политического управления как профессиональной деятельности является приоритет обеспечения общественных интересов. В этом контексте у автора возникает исследовательский вопрос: «Какие подходы и принципы разработки методов свя-

зи, используемых в бизнесе, могут быть успешно применены в политическом управлении?» Автор рассматривает этот вопрос на примере деятельности институтов гражданского общества, анализируя их роль в формировании эффективных коммуникационных стратегий.

Обзор литературы

В научном и образовательном континууме до последнего времени не существовало достаточно четкого и единого видения и понимания феномена «коммуникационная стратегия», что является результатом в какой-то степени конвергентности с понятием «стратегические коммуникации» [1]. Следует сказать, что и коммуникационная наука в качестве своего объекта уже занималась разработкой феноменологии коммуникационной стратегии и, если можно так определить, ее «предшественницы» - стратегическими коммуникациями.

Анализ зарубежной литературы показал, что пристальное внимание на проблематику стратегических коммуникаций уделял российский профессор И.П. Яковлев в середине 2000-х гг., предложивший систему стратегических коммуникативных интеграторов [2]. Однако на протяжении последних полутора десятилетий в научном дискурсе активно эксплуатируются как понятие «стратегические коммуникации», так и набирающее активность понятие «коммуникационные стратегии». Так, например, А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров и С.А. Самойленко считают, что коммуникационная стратегия присутствует на стадии ее реализации как компоненты известной формулы PR-кампании RACE [3]. В основном размышления авторов сводятся к тому, что стратегия должна базироваться на элементах корпоративной идентичности / интеграторах, таких как цель, миссия, видение.

По мнению Д.П. Гавры, ключевая роль стратегий коммуникаций заключается в их соединении с разработкой и реализацией организационной стратегии. В самом общем смысле стратегическая коммуникация представляет собой систему взаимодействий, направленную на поддержку стратегических целей субъектов с помощью специализированных ресурсов, инструментов и методов [4].

Анализ американских и европейских исследований показал более упрощенную версию процесса разработки коммуникационной стратегии. Кирк Халлахан и его коллеги подчеркивают, что развитие стратегий связи связано со сложностью внешних факторов и воздействиями взаимодействия, вызванными цифровыми технологиями. В современных условиях границы между различными схемами сетевых коммуникаций — PR, маркетингом, специальными программами — стираются, что приводит к формированию единой стратегии, направленной на долгосрочные цели организации. Происходит синтез каналов и форматов передачи сообщений, влияющий на восприятие обществом. В результате стратегия коммуникации обеспечивает комплексное взаимодействие с ключевыми аудиториями [5].

Что касается государственных органов и сферы государственного управления в целом, то Министерство обороны США дало следующее определение стратегических коммуникаций: «целенаправленные усилия правительства США, направленные на понимание и вовлечение целевых аудиторий, с целью создания, усиления, сохранения условий, благоприятных для продвижения

интересов, политического курса, целей правительства США посредством использования скоординированных программ, планов, задач, сообщений, синхронизированных с действием всех инструментов национальной силы» [6].

В Казахстане исследованиями коммуникационных стратегий занимаются такие организации, как: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ), Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан и др. К примеру, в 2020 году было проведено исследование «Стратегии коммуникации госорганов в условиях кризиса и реформ» Академией государственного управления при Президенте Республики Казахстан (далее – Академия) в рамках проекта Астанинского хаба государственной службы (далее – Хаб) по поддержке научной школы госуправления, под научным руководством Кадыровой М.Б., директором Института профессионального развития, профессором. Авторы отчёта под коммуникационными стратегиями понимают избираемые правительствами стран в период кризиса способы информационной подготовки и просвещения населения в целях защиты и предотвращения в обществе неверных представлений о кризисных явлениях и их последствиях [7]. В период с марта по декабрь 2020 года командой Центра социального и культурного проектирования «Гонзо-дизайн» по заказу Центра религиоведческих исследований в рамках проекта «Усиление устойчивости к радикализации и дезинформации в Центральной Азии», реализуемого «Интерньюс» при финансовой поддержке Европейского союза была разработана коммуникационная стратегия. Авторы данного документа в содержательное значение коммуникационной стратегии включают описание всех участников, условий и механизмов коммуникации. [8]

Таким образом, обзор зарубежной и отечественной литературы показал, что проводится работа по разработке коммуникационной стратегии в разных сферах. В чем же особенность разработки коммуникационных стратегий политического управления по аналогии с бизнес-структурой (на примере деятельности институтов гражданского общества)? С целью детального рассмотрения данного вопроса на основе теоретического анализа автор формулирует прогностические предположения относительно применимости подходящих коммуникационных стратегий в политическом управлении и выводит общие рекомендации (методы исследования). Информационная база включает нормативные правовые акты Республики Казахстан, кейсы зарубежных стран по коммуникациям в многонациональном обществе.

Результаты исследования

На международном уровне примеры успешных коммуникационных стратегий можно найти в мультикультурализме Канады и интеграционных политиках Европейского союза. Правительство Канады использует скрытые формы политического маркетинга, посредством которых цифровые медиа используются для прямого контакта с целевой аудиторией без применения критического фильтра. Различают такой вид коммуникации как *below the line communications* (подстрочные коммуникации), охватывающий весь скрытый процесс подготовки новостной информации до запуска. (Governments also deploy stealthy forms of political marketing whereby digital media are used to directly contact target audiences without anyone applying a

critical filter). В качестве примера можно привести предложение сообщения о событии (Message Event Proposal (MEP)), которое было представлено в правительстве Канады в 2008 году. Данный документ был многостраничным шаблоном, который государственные структуры (Conservative Prime Minister's Office (PMO), and by extension the Privy Council Office (PCO)) требовали для планирования всех внешних коммуникаций. (Шаблон MEP обычно включает следующие подзаголовки: Событие, Тип события, Желаемый заголовок, Ключевые сообщения, Медиа линии, Стратегические цели, Желаемый звуковой фрагмент, Идеальный фон для выступления, Идеальная фотография мероприятия, Тон, Одежда, Материалы для развертывания, Предыстория и Стратегические соображения). После заполнения всех составляющих, данный документ проходит ряд государственных проверок. Коммуникационные инструменты, такие как MEP, привносят организационную направленность и эффективность. [9]

Опираясь на анализ зарубежного опыта, в частности Канады, автор разработал упрощенную схему, иллюстрирующую процесс передачи информации. (рис.1)

Рисунок 1. Схема процесса передачи информации

Источник: составлено автором

Коммуникационная политика ЕС претерпела значительные изменения, эволюционируя от системы «сверху вниз» к моделям, ориентированным на аудиторию. До 1970-х годов ЕС использовал односторонний сдвиг, где информация транслировалась без учета общественного мнения. Однако, после указанного года был осуществлен переход к стратегии «снизу вверх», которая ориентирована на аудиторию и предполагает двусторонний диалог. [10]

Коммуникационная стратегия ЕС отличается многоуровневостью, сочетанием внутренних и внешних связей, а также акцентом на прозрачность и инклюзивность. В этом процессе играют особую роль лоббистские группы,

которые оказывают влияние на политические меры посредством консультативных механизмов. ЕС стремится к открытости, предоставляя гражданам доступ к информации и возможность участия в финансовых процессах, например, через Европейскую гражданскую инициативу. В то же время сложная бюрократическая система и конкуренция различных интересов создают барьеры для оперативного информационного обмена. Важное место занимает цифровая трансформация, однако адаптация традиционных каналов связи к новым технологиям остается вызовом. [11]

Обсуждение результатов

Авторская позиция заключается в том, что при разработке коммуникационных стратегий в политическом управлении можно учитывать отдельные методы и подходы, используемые в бизнес-процессах, поскольку они ориентированы на интересы и потребности целевых групп. Одним из самых примечательных примеров попытки адаптации маркетинговых технологий к коммуникационному сопровождению военных операций стал доклад RAND Corporation с красноречивым названием «Рекрутируя Мэдисон авеню: маркетинговый подход к завоеванию общественной поддержки на театрах военных действий» [12] Исследование RAND Corporation показало, что маркетинговые технологии могут использоваться в военно-политическом контексте для формирования благоприятного общественного мнения. Это включает в себя сегментирование экономики, позиционирование, брендинг и синхронизацию правительственных действий. В результате комплексное управление анализом и обратной связью позволяет повысить эффективность коммуникационных стратегий.

Особое внимание в контексте деятельности институтов гражданского общества заслуживает уникальный казахстанский опыт, представленный Ассамблеей народа Казахстана — платформой для диалога и решения межэтнических вопросов. Коммуникационные стратегии, реализуемые Ассамблеей и другими институтами гражданского общества, занимают центральное место в этом процессе. Они обеспечивают инструменты для эффективного взаимодействия между государством и этническими сообществами, способствуют интеграции и формируют условия для инклюзивного участия всех групп в общественной жизни. Однако успешность и воздействие таких стратегий требуют тщательного анализа их эффективности.

Разработка научно обоснованных подходов к управлению этническим многообразием и адаптации политики к региональным особенностям является важным условием для устойчивого развития общества и минимизации рисков социального напряжения. Именно поэтому поддержание межэтнической стабильности представляет собой один из ключевых приоритетов государственной политики Казахстана. Это закреплено в стратегических документах государства таких как Стратегия «Казахстан-2050» [13], а также в Указах и программных выступлениях главы государства (Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 2022 года № 1014 «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 годы» [14], и Послание Президента Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 года «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост и общественный оптимизм») [15].

Эти документы подчеркивают необходимость разработки и реализации эффективных коммуникационных стратегий, ориентированных на долгосрочное управление межэтническими отношениями. Такая работа является важным инструментом вовлечения всех граждан, вне зависимости от их этнической принадлежности, в политические и социальные процессы страны.

Преимущество коммуникационных стратегий заключается в том, что можно контролировать поток информации и использовать план для поддержки проекта и всех, кто в нем участвует. Хотя коммуникация считается важной, ее влияние на внедрение, а также способы её оптимизации остаются недостаточно изученными. В результате аналитического исследования было установлено, что для формирования эффективных коммуникационных стратегий в политическом управлении необходимо учитывать как глобальные, так и локальные особенности. Казахстан, учитывая развитие многонационального государства, успешно сочетает стратегии толерантности и межэтнического согласия, однако по-прежнему остаются вызовы, связанные с необходимостью дальнейшего развития предложенных подходов и методов. Проведенный анализ показал, что разработка стратегических коммуникаций требует концептуальных подходов в области политологии, социологии, культурологии и теории коммуникации, а также экономики, учитывающей принципы управления ресурсами и механизмами взаимодействия. Особую актуальность приобретают концепции интеркультурной коммуникации и внешнего планирования, которые позволяют учитывать отличительные особенности национальной и этнической идентичности. Кроме того, эмпирические данные подтвердили, что успешные модели коммуникационных стратегий в межэтническом управлении основаны на принципах открытости, установления диалога, обратной связи и инклюзивности.

Ключевым аспектом в разработке коммуникационных стратегий является необходимость их изменения с учетом влияний информационных технологий. Результаты исследования подтверждают, что устойчивое межэтническое согласие за счет системного вмешательства в стратегическое управление включает не только целенаправленное воздействие позитивного межэтнического климата, но и постоянное наблюдение за изменениями в социальной среде. Казахская модель предполагает, что устойчивые результаты достигаются при использовании адаптивных стратегий, учитывающих особенности этнической структуры регионов. Результаты исследования подтверждают обоснованность институционализации обратной связи между субъектами и объектами управления. Без систематического сбора и анализа информации о состоянии общества межэтническое управление может потерять свою актуальность и эффективность. Казахский опыт показывает, что эффективная обратная связь, обеспечивающая конструктивный диалог, позволяют учитывать общественное мнение, оперативно выявлять проблемные зоны и формировать адресные решения.

Доклад автора по исследуемой теме был включен в программу секции VII Форума молодых политологов — ключевой площадки для академических дискуссий студентов и аспирантов, который проходил 7 декабря 2024 года (г.Москва).

Практические рекомендации

На основе полученных данных разработаны рекомендации для совершенствования коммуникационных стратегий в политическом управлении по аналогии с бизнес-структурой:

1. Развитие интеграции каналов коммуникации-предполагает объединение таких бизнес-инструментов, как PR и маркетинг. Проведенный анализ подтверждает, что системность и гибкость в управлении межэтническими отношениями являются наиболее важными факторами. В Казахстане эффективное сочетание комплекса инструментов способствует усилению механизма по изучению обратной связи и установлению конструктивного диалога в системе политического управления.

2. Разработка и внедрение политики брендинга и позиционирования в деятельность институтов гражданского общества. Это создаст позитивный имидж системы политического управления через четкую идентичность, понятные ценности и долгосрочные ориентиры, способствующие минимизации социальной изоляции и укрепления доверия.

3. Применение современных цифровых технологий для контроля социальных настроений. Принципы межкультурной коммуникации, интеграция цифровых технологий и принцип обратной связи позволяют эффективно выявлять социальные запросы и предлагать решения, соответствующие ожиданиям различных этнических групп.

Выводы

В условиях многообразия этнического состава современного общества вопросы управления межэтническими отношениями приобретают первостепенное значение. В этой связи особую роль играет разработка эффективных коммуникационных стратегий, направленных на достижение соглашения и укрепление единства.

Опыт Казахстана показывает, что системный и продуманный подход к управлению межэтническими отношениями посредством разработки эффективных коммуникационных технологий позволяет обеспечить устойчивое общественное согласие и минимизировать риски. При этом важно учитывать особенности экономики и культуры, развивать механизмы обратной связи, а также активно использовать современные технологии для анализа и прогнозирования социальных процессов. Этот подход может стать основой для других многонациональных государств, стремящихся к укреплению стабильности и гармонии в обществах.

Несмотря на достигнутые результаты, вопрос разработки и адаптации коммуникационных стратегий в межэтническом управлении остается открытым и требует дальнейших исследований. Перспективными направлениями могут стать более глубокий анализ эффективности различных моделей взаимодействия, разработка новых инструментов цифровой коммуникации, а также изучение влияния глобальных процессов на национальные стратегии. Комплексный междисциплинарный подход, объединяющий политологию, экономику, социологию и теорию коммуникации, позволит выработать более точные и адаптивные механизмы, способствующие укреплению общественного согласия и гармонизации межэтнических отношений.

Список литературы

1. ВАзарова Л.В. Ситуационный анализ в связях с общественностью: учебник [Текст] / Л.В. Азарова, В.А. Ачкасова, К.А. Иванова, А.Д. Кривоносов, О.Г. Филатова. СПб.: Питер, 2018. 256 с.
2. Яковлев И.П. Стратегические коммуникации: Учеб. пособие [Текст] / И.П. Яковлев. СПб, 2006. 184 с.
3. Чумиков А.Н. Реклама и связи с общественностью: Учеб. пособие. [Текст] / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров и С.А. Самойленко. М.: Дело, 2016. 520 с.
4. Гавра Д.П. Категория стратегической коммуникации: современное состояние и базовые характеристики // Век информации. 2015. № 3 (4). С. 229-233.
5. Hallahan K., Holtzhausen D., Van Ruler B., Vercic D., Siramsh K. Defining Strategic Communication // International Journal of Strategic Communication. 2007. No 1. P. 3-35.
6. DoD Dictionary of Military and Associated Terms / Defense Technical Information Center. November 8, 2010. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/ipl_02.pdf (accessed: 07.02.2025).
7. Кадырова М.Б. Стратегии коммуникации госорганов в условиях кризиса и реформ: аналитический отчёт – Казахстан, Нур-Султан, 2020. 71 с. [Электрон.ресурс]URL:https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/research_pdf/research%20project/5_RUS.pdf (дата обращения 15.01.2025 г.)
8. Коммуникационная стратегия: Казахстан: отчёт / Центр социального и культурного проектирования «Гонзо-дизайн» по заказу Центра религиозоведческих исследований в рамках проекта «Усиление устойчивости к радикализации и дезинформации в Центральной Азии», реализуемого «Интерньюс» при финансовой поддержке Европейского союза – 44 с. [Электрон.ресурс]URL:https://internews.org/wpcontent/uploads/2021/07/Commstrat_KZ_RUS.pdf (дата обращения 15.01.2025 г.)
9. Marland, Alex. 2017. "Above and below the line: Strategic communications and media management in Canadian governments." Canadian Public Administration 60(3): 417-437. (PDF) Above and below the line: Strategic communications and media management in Canadian governments. Available from: https://www.researchgate.net/publication/318832964_Above_and_below_the_line_Strategic_communications_and_media_management_in_Canadian_governments [accessed Feb 01 2025].
10. Víctor Villanueva Ferrer. 2021. Strengthening Communication Channels Between the EU and EU Citizens: An Audience-Centric Approach / CEI, Centro Adscrito a la Universitat de Barcelona N° 8/2021, 22 DE JUNIO DE 2021 COLECCIÓN TRABAJOS DE INVESTIGACIÓN DEL M.U. EN DIPLOMACIA Y ORGANIZACIONES INTERNACIONALES Available from: https://diposit.ub.edu/dspace/bitstream/2445/178907/1/TFM_Victor%20Villanueva_CEI.pdf [accessed Feb 03 2025].
11. Ana Almansa Martínez, Andrea Moreno-Cabanillas, Antonio Castillo-Esparcia. Political Communication in Europe. The Role of the Lobby and Its Communication Strategies/January 2022Smart Innovation/DOI: 10.1007/978-981-16-5792-4_24 / In book: Communication and Smart Technologies Available from: https://www.researchgate.net/publication/355003383_Political_Communication_in_Europe_The_Role_of_the_Lobby_and_Its_Communication_Strategies#fullTextFileContent [accessed Feb 07 2025].
12. Helmus T., Paul Chr., Glenn R. W. Enlisting Madison Avenue: The Marketing Approach to Earning Popular Support in Theaters of Operation. Santa Monica, CA: RAND, 2007. P. 57-82.
13. Стратегия «Казахстан-2050». Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстан [Электрон.ресурс] -2012. - URL: <https://primeminister.kz/assets/media/strategiya-kazakhstan-2050.pdf> (дата обращения 15.09.2024).
14. Указ Президента Республики Казахстан от 15 сентября 2022 года № 1014 «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана

на 2022-2026 годы» [Электрон.ресурс] - 2022. - URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014> (дата обращения 15.09.2024).

15. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 02.09.2024. Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост и общественный оптимизм [Электрон.ресурс] -2024. - URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> (дата обращения 15.09.2024).

References:

1. Azarova L.V. Situacionnyj analiz v svyazjah s obshhestvennost'ju: uchebnik. L.V. Azarova, V.A. Achkasova, K.A. Ivanova, A.D. Krivososov, O.G. Filatova. [Situational Analysis in Public Relations: A Textbook] SPb.: Piter, 2018. 256 pp.
2. Jakovlev I.P. Strategicheskie kommunikacii: Ucheb. posobie [Strategic Communications: A Study Guide]. SPb, 2006. 184 pp.
3. Chumikov A.N. Reklama i svyazi s obshhestvennost'ju: Ucheb. posobie. [Advertising and public relations: a textbook]. M.: Delo, 2016. 520 pp.
4. Gavra D.P. Kategorija strategicheskoj kommunikacii: sovremennoe sostojanie i bazovye harakteristiki. [Category of strategic communication: current state and basic characteristics] Vek informacii, 2015. No3 (4). P. 229-233.
5. Hallahan K., Holtzhausen D., Van Ruler B., Vercic D., Siramsh K. Defining Strategic Communication. International Journal of Strategic Communication. 2007. No 1. P. 3-35. [In English]
6. DoD Dictionary of Military and Associated Terms. Defense Technical Information Center. November 8, 2010. URL: http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/ipl_02.pdf (accessed: 07.02.2025). [In English]
7. Kadyrova M.B. Strategii kommunikacii gosorganov v uslovijah krizisa i reform: analiticheskij otchjot [Communication strategies of government agencies in times of crisis and reform: an analytical report], Kazakhstan, Nur-Sultan, 2020. 71 pp. [Jelektron.resurs]URL:https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/research_pdf/research%20project/5_RUS.pdf (data obrashhenija 15.01.2025 g.)
8. Kommunikacionnaja strategija: Kazahstan: otchjot [Communication Strategy: Kazakhstan: Report] Centr social'nogo i kul'turnogo proektirovanija «Gonzodizajn» po zakazu Centra religiovedcheskih issledovanij v ramkah proekta «Usilenie ustojchivosti k radikalizacii i dezinformacii v Central'noj Azii», realizuemogo «Intern'jus» pri finansovoj podderzhke Evropejskogo sojuza – 44 pp. [Jelektron.resurs]URL:https://internews.org/wpcontent/uploads/2021/07/Commstrat_KZ_RUS.pdf (data obrashhenija 15.01.2025 g.)
9. Marland, Alex. 2017. "Above and below the line: Strategic communications and media management in Canadian governments." Canadian Public Administration 60(3): 417-437. (PDF) Above and below the line: Strategic communications and media management in Canadian governments. Available from: https://www.researchgate.net/publication/318832964_Above_and_below_the_line_Strategic_communications_and_media_management_in_Canadian_governments [accessed Feb 01 2025]. [In English]
10. Víctor Villanueva Ferrer. 2021. Strengthening Communication Channels Between the EU and EU Citizens: An Audience-Centric Approach. CEI, Centro Adscrito a la Universitat de Barcelona No 8, 2021, 22 DE JUNIO DE 2021 COLECCIÓN TRABAJOS DE INVESTIGACIÓN DEL M.U. EN DIPLOMACIA Y ORGANIZACIONES INTERNACIONALES Available from: https://diposit.ub.edu/dspace/bitstream/2445/178907/1/TFM_Victor%20Villanueva_CEI.pdf [accessed Feb 03 2025]. [In English]
11. Ana Almansa Martínez, Andrea Moreno-Cabanillas, Antonio Castillo-Esparcia. Political Communication in Europe. The Role of the Lobby and Its Communication Strategies, January 2022 Smart Innovation. DOI: 10.1007/978-981-16-5792-4_24. In book: Communication and Smart Technologies Available from: https://www.researchgate.net/publication/355003383_Political_Communication_in_Europe_The_Role_of_the_Lobby_and_Its

- Communication_Strategies#fullTextFileContent [accessed Feb 07 2025]. [In English]
12. Helmus T., Paul Chr., Glenn R. W. Enlisting Madison Avenue: The Marketing Approach to Earning Popular Support in Theaters of Operation. Santa Monica, CA: RAND, 2007. P. 57-82. [In English]
 13. Strategiya "Kazakhstan-2050". [Strategy "Kazakhstan-2050"] 2012. Available at: <https://primeminister.kz/assets/media/strategiya-kazakhstan-2050.pdf> [In Russian] (accessed 15.09.2024).
 14. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 sentyabrya 2022 goda № 1014 "Ob utverzhdenii Konceptcii razvitiya Assamblei naroda Kazakhstana na 2022-2026 gody". [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 15, 2022 No. 1014 "On approval of the Concept for the development of the Assembly of the People of Kazakhstan for 2022-2026"] 2022. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014> [In Russian] (accessed 15.09.2024).
 15. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazakhstana ot 02.09.2024. Spravedlivyj Kazakhstan: zakon i poryadok, ehkonomicheskij rost i obshchestvennyj optimizm. [Address of the Head of State Kassym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan dated 02.09.2024. Fair Kazakhstan: law and order, economic growth and public optimism] 2024. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstana-spravedlivyy-kazakhstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014> [In Russian] (accessed 15.09.2024).

Материал поступил в редакцию 20.02.2025

Утвержден к публикации 22.09.2025

DIASPORA DIPLOMACY AND TRANSNATIONAL POLICY: NEW HORIZONS OF INTERACTION

Kuralay Nurbek^{1*}

Natalya Kalashnikova²

Mukhit-Ardager Sydyknazarov³

^{1*} PhD candidate of Eurasian National University named after L.N.Gumilyov, Astana, Kazakhstan; e-mail: ethnopolitics23@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0633-6432

² Head of Department of Assembly of People of Kazakhstan of Eurasian National University named after L.N.Gumilyov, Astana, Kazakhstan; e-mail: nerush50@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7667-0383

³ Professor of Department of Political Science of Eurasian National University named after L.N.Gumilyov, Astana, Kazakhstan; e-mail: Sydyknazarov_mk@enu.kz, ORCID: 0000-0003-3343-5660

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.007>

Abstract. The article examines the significance of the diaspora for modern international relations and the role of its participation as an actor in public diplomacy. The study analyzes the impact of the diaspora on international relations and intergovernmental cooperation through factors such as lobbying, cultural diplomacy, economic remittances, and others. Based on the conducted research, the authors conclude that, in the context of intensive globalization and transnationalization, the role and potential of the diaspora abroad cannot be detracted or ignored. In the context of Kazakhstan, the importance of the diaspora abroad is highlighted through the prism of issues such as "brain drain" and the outflow of labor resources from the country. Depending on the level of development of interaction with the diaspora, using the foresight forecasting methods, the authors propose possible scenarios for the development of interaction for Kazakhstan. The article aims to contribute to the study of diaspora diplomacy as a growing field in international relations and to propose new approaches for its development in the context of globalization and transnationalization of the world. The scientific and practical significance of the chosen topic lies in understanding the national approach to interaction with compatriots abroad in order to form an attractive image of the country with the benefits for the development of international cooperation.

Keywords: *engagement policy, diaspora, diaspora diplomacy, public diplomacy, transnational relations, national interests.*

ДИАСПОРА ДИПЛОМАТИЯСЫ ЖӘНЕ ТРАНСҰЛТТЫҚ САЯСАТ: ӨЗАРА ӘРЕКЕТТЕСУДІҢ ЖАҢА КӨКЖИЕКТЕРІ

Құралай Нұрбек^{1*}, Наталья Калашникова², Мұхит-Ардагер
Сыдықназаров³

^{1*}Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің докторанты, Астана, Қазақстан; e-mail: ethnopolitics23@gmail.com

²Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан халқы ассамблеясы кафедрасының меңгерушісі, Астана, Қазақстан; e-mail: nerush50@mail.ru

³Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, саясаттану кафедрасының профессоры, Астана, Қазақстан; e-mail: Sydyknazarov_mk@enu.kz

Аңдатпа. Мақалада диаспораның заманауи халықаралық қатынас жасаудың маңызы мен оның қоғамдық дипломатияның акторы ретінде атқаратын рөлі қарастырылады. Зерттеу барысында диаспораның халықаралық қатынастар мен мемлекетаралық ынтымақтастыққа ықпалы лоббизм, мәдени дипломатия, экономикалық трансферттер және т.б. сияқты факторлар арқылы талданады. Зерттеу негізінде авторлар қарқынды жаһандану мен трансұлттандыру жағдайында шетелдегі диаспораның рөлі мен әлеуетін төмендетуге не елемеге болмайды деген қорытындыға келеді. Қазақстан жағдайында шетелдегі диаспораның маңыздылығы елдегі «ақыл-ой мен еңбек күшінің» жылыстауы сияқты өзекті мәселелер арқылы қарастырылады. Авторлар форсайт-болжау әдісі арқылы диаспорамен өзара әрекеттесудің даму дәрежесіне байланысты Қазақстанға арналған қарым-қатынас әрекеттесу дамуының ықтимал сценарийлерін ұсынады. Мақала диаспора дипломатиясын халықаралық қатынастардың жетіліп келе жатқан саласы ретінде зерттеуге үлес қосуға әрі әлемнің жаһандану және трансұлттануы жағдайында оны дамытудың жаңа тәсілдерін ұсынуды көздейді. Тандалған тақырыптың ғылыми-тәжірибелік маңызы елдің жағымды имиджін қалыптастыру мақсатында халықаралық ынтымақтастықтың дамуына септігін тигізу және шетелдегі отандастармен өзара әрекеттесуде ұлттық көзқарасты толық түсінуді діттейді.

Түйін сөздер: *өзара әрекеттесу саясаты, диаспора, диаспора дипломатиясы, қоғамдық дипломатия, трансұлттық байланыстар, ұлттық мүдделер*

ДИПЛОМАТИЯ ДИАСПОР И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Құралай Нұрбек^{1*}, Наталья Калашникова², Мұхит-Ардагер
Сыдықназаров³

^{1*}Докторант Евразийского национального университета им.Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан; e-mail: ethnopolitics23@gmail.com

²Заведующая кафедрой АНК, Евразийского национального университета им.Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан; e-mail: nerush50@mail.ru

³Профессор кафедры политологии Евразийского национального университета им.Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан; e-mail: Sydyknazarov_mk@enu.kz

Аннотация. В статье рассматривается значение диаспоры для современных международных отношений и роль ее участия в качестве актора публичной дипломатии. В рамках исследования анализируется влияние диаспоры на международные отношения и межгосударственное сотрудничество через такие факторы, как лоббирование, культурная дипломатия, экономические трансферты и др. На основе проведенного исследования авторы делают вывод, что в условиях интенсивной глобализации и транснационализации роль и потенциал диаспоры за рубежом нельзя умалять и не принимать во внимание. В контексте Казахстана важность диаспоры за рубежом поднимается через призму таких проблем, как «утечка мозгов» и отток трудовых ресурсов из страны. В зависимости от степени развития взаимодействия с диаспорой посредством метода форсайт-прогнозирования авторами предложены возможные сценарии развития взаимодействия для Казахстана. Статья стремится внести вклад в исследование дипломатии диаспор как растущей области в международных отношениях и предложить новые подходы для её развития в условиях глобализации и транснационализации мира. Научно-практическая значимость выбранной темы заключается в осмыслении национального подхода взаимодействия с соотечественниками за рубежом в целях формирования привлекательного имиджа страны и с пользой для развития международного сотрудничества.

Ключевые слова: политика взаимодействия, диаспора, дипломатия диаспор, публичная дипломатия, транснациональные связи, национальные интересы

Introduction

The modern international system is characterized by the growing role of non-governmental and non-traditional actors, such as transnational corporations, non-governmental organizations, and diasporas are no exception. Moreover, diasporas occupy a unique place in modern international relations, connecting the State of origin with host countries. Nowadays, diasporas are recognized as subjects of international relations and actors of public diplomacy. With the purpose of promoting national interests, several countries are forming an engagement policy with the diaspora to conduct public diplomacy.

In the context of globalization and active migration flows, diasporas are able to maintain ties with their homeland and at the same time, actively engaging in the processes of the host country, go beyond national borders, forming transnational connections and transnational policies. Due to their transnational nature, diasporas become the basis for the establishment and development of communicative ties and networks, uniting people across borders and generations [1].

Diaspora is a human capital reserve, it's a "soft power" that can serve not only as a "bridge" between the countries of origin and residence but also as a resource for development and cooperation for the country of origin. The essential characteristic of the concept of "soft power" suggests achieving state interests through attractiveness and the use of various tools, including public diplomacy [2]. Public diplomacy, a term introduced by American diplomat Edmund Gullion, is a tool of "soft power" [3]. According to the author of the concept, J. Nye, the main resources of "soft power" influence include culture, political values and foreign policy, however, experts also refer science, sports, economic attractiveness, innovation, etc. [4, p. 6]. Moreover, among the other components is the state's foreign diaspora, as scientists

and the expert community believe it has the ability to influence foreign audiences [5]. It is noted that while traditional diplomacy primarily reflects interactions between official actors represented by states, public diplomacy, as a tool of "soft power," assumes the influence of individuals, personalities, groups of people and communities represented by the diaspora abroad. Thus, in the research discourse, "diaspora diplomacy" is considered a subtype of public diplomacy. The term "diaspora diplomacy" does not belong to any particular scientist, but its use and development are linked to a number of researchers who have studied the role of diasporas in international relations and the concept of "soft power". One of the first scientists to explore the influence of diasporas on international relations was Yossi Shain. In his article "Diasporas and International Relations Theory" [6], he provides a detailed analysis of how diasporas can serve as a tool for promoting the interests of their states. His work laid the foundation for understanding diaspora diplomacy as a concept. The author emphasizes that diasporas should not be viewed merely as passive communities connected to their country of origin; on the contrary, they play an active role in shaping both the foreign and domestic policies of the countries of residence and origin. An example is the Jewish diaspora in the United States and the Indian diaspora, which is actively involved in promoting India's economic and cultural interests in the US and UK accordingly. Gabriel Sheffer, although not using the term "diaspora diplomacy", has contributed to the development of this field by studying the mechanisms through which diasporas influence political processes both in their countries of origin and residence [7]. In itself, the daily existence of diasporas in the host country is an act of public diplomacy, because the economic, political, and cultural influence of the diaspora is manifested in interaction with the civil society of the recipient country [8]. Brinkerhoff, in his research, particularly in the book *Diasporas and Development: Exploring the Potential* [9] emphasizes the role of diasporas as agents of transnational influence, and describes practices that later became associated with diaspora diplomacy. Thus, the term "diaspora diplomacy" was formed at the intersection of studies by various authors. This phenomenon has become part of a broader discussion on transnational politics, soft power, and the interaction of diasporas with states. The peculiarity of diaspora diplomacy lies in supporting its diaspora – a part of the people or community residing in different parts of the world outside their country of origin. Exploring the issues of the Kazakh diaspora abroad, Kazakhstani authors primarily focus on historical aspects and ways of forming diasporas, migration history, living conditions, and sociocultural adaptation (A. Aitaly, G. Mendikulova, Z. Shapolayeva, B. Rakisheva, G. Askhat, and others). However, the issues of the role of the Kazakh diaspora in public diplomacy and transnational politics require more coverage and development at the present stage.

The purpose of this study is to analyze the role of diasporas as significant actors in international relations, to identify their diplomatic potential, new opportunities and horizons for interaction between countries through institutions and networks of diasporas.

In the course of the study, the author sets the following objectives: to identify the key mechanisms through which diasporas influence the foreign and domestic policies of both their countries of origin and residence (lobbying, cultural diplomacy, economic remittances, and others); to examine successful examples of interaction

between countries and diasporas to achieve common goals; to develop practical recommendations for effectively interacting with the Kazakh and Kazakhstani diasporas abroad to strengthen international cooperation, cultural exchange, and economic development.

According to various official and unofficial data, from 3.5 to 5-7 million Kazakhs live outside of Kazakhstan, which is a quarter of the country's population. The Kazakh diaspora lives in more than 40 countries around the world, including the CIS countries, Central Asia, Turkey, Germany, France, the USA, etc. Moreover, it is important to note the growing trend of Kazakhstanis moving abroad for education, work, and permanent residence. Often leaving for temporary reasons, many compatriots decide to stay on the basis of obtaining a residence permit or the right of permanent residence. This phenomenon reflects the issue of "brain drain" and the outflow of labor resources from the country. Due to the manifestation of this tendency, active interaction with compatriots at the state level is important, since the diaspora is a valuable and significant human capital and through entrepreneurial activities, it can contribute to business development, job creation, and innovation. Additionally, the diaspora generates economic, political, and social capital by leveraging cultural and linguistic competencies in the host country and the country of residence. Moreover, it is essential to consider the intellectual potential of the diaspora, which should be actively engaged in fostering scientific collaboration between countries.

Materials and methods

In preparing this article, scientific literature, modern research, and academic articles were used to understand main theoretical approaches and concepts related to public diplomacy and diaspora diplomacy. The author referred to official strategic documents and government programs reflecting public diplomacy policies and interaction with the diaspora abroad. Specific cases of successful diaspora involvement in public diplomacy and transnational politics were also studied. In the course of this study, the methods of political analysis, synthesis, description and comparison, case study and foresight forecasting were applied with an attempt to submit possible development scenarios and risks with minimal or absent interaction with the diaspora abroad in the context of Kazakhstan.

Results

To date, scientists have made numerous attempts to classify diasporas, and these classifications are based on various factors. However, the classification of diasporas according to the degree of influence on the international relations system is of particular interest for the present study. They are distinguished as global, regional, and so-called "boarding minority" [10]. Undoubtedly, global diasporas play the most significant role on the international arena today. The author G. Sheffer defines the number of well-known world diasporas. According to him, the largest "historical" diasporas are Chinese – 35 million people, next is Indian – 9 million people, according to 2015 data, this figure reached 27 million people [11], Jewish and Roma - 8 million people each, Armenian - 5.5 million people, Greek - 4 million people, German - 2.5 million people, Druze diaspora - 1 million people. The largest "modern diasporas" are the following ones: African-American - 25 million

people, Kurdish - 14 million people, Irish - 10 million people, Italian - 8 million people, Hungarian and Polish - 4.5 million people, Turkish and Iranian - 3.5 million people each, Japanese - 3 million people, Lebanese (Christian) - 2.5 million people [12]. According to T. Poloskova, "global" diasporas are those that influence the development of the international relations system and the policies of leading states [13]. As for the Kazakh diaspora, according to this classification, it is ambiguous and represents both the "old" and "new" diaspora. The "old diaspora" was formed as a result of historical and political processes, while the "new diaspora" is relatively "young" and has been forming primarily due to educational and labor migration at present and since the independence of Kazakhstan.

So, how does a particular diaspora influence various aspects, including interstate relations? For example, consider the Indian diaspora in the United Kingdom, where about 1.5 million people of Indian origin reside. In terms of economic participation: remittances sent by Indians to their homeland amount to approximately \$70 billion per year, which exceeds the volume of foreign direct investment attracted by India and adds 3.5% to India's GDP annually [14]. In terms of cultural influence, Indian cuisine, cinema (especially Bollywood), music and dance are quite popular. Indian festivals, such as Diwali, have become international events. In the 1990s, young professionals from India migrated to the UK, filling job vacancies in industries facing acute labor shortages, primarily in the National Health Service, the IT sector, and telecommunications. While in 1999 the number was 5,663 per year, mainly for IT specialties, by 2000 the number of permits issued reached 11000 [15]. This highly skilled new migration, combined with the high level of education and entrepreneurial activity of second and third generation migrants, has defined the modern identity of the large middle class within the Indian diaspora in the UK. Today, the diaspora contributes to attracting investments to India and the development of start-ups, particularly in the technology sector.

The Armenian diaspora in the United States is the second largest ethnic group outside Armenia. The Armenian ethnic lobby is a driving force of American-Armenian relations, despite the relatively weak influence of the Armenian government. The Armenian lobby in the United States mainly relies on the strength and financial resources of US residents who support Armenia and its role in international relations, and consists of members of the ethnic Armenian diaspora – individuals who identify themselves as natives of Armenia or their descendants. The diaspora in the US began forming at the end of the 17th century, and it is worth noting that the Armenian diaspora has a low level of assimilation [16]. The institutionalization of the Armenian lobby is evident through the operation of two organizations: the Armenian National Committee of America (ANCA) and the Armenian Assembly of America (AAA). These organizations have different histories and structures. Nevertheless, they actually complement each other, and frequently join forces to achieve specific goals related to US policy toward Armenia. The Armenian government recognizes this and is willing to cooperate with both lobbying organizations [17]. The Diaspora, on which the Armenian lobby relies, is one of the most cohesive ethnic groups in the United States. Within the diaspora, there is almost complete consensus on key issues on which authorities should be lobbied [17]. Major successes include lobbying on such key issues as Turkey's recognition of the Armenian Genocide in the Ottoman Empire, the status of Nagorno-Karabakh,

pipeline routes in the region, and Armenia's integration into trade and economic relations in the Transcaucasia and the Middle East.

Another prominent diaspora whose influence on the international system is manifested through diplomatic initiatives, lobbying, economic cooperation, and cultural diplomacy is the Jewish diaspora. A notable example is the impact of Jewish organizations such as the American Israel Public Affairs Committee (AIPAC) [18], which is actively involved in shaping US foreign policy toward Israel. The United States provides significant military and financial support to Israel, largely due to the activities of Jewish lobbying groups. Israel does not have an officially declared ideology; however, Zionism - the idea of consolidating Jews from all over the world in order to build (before 1948), preserve, and strengthen the Jewish state - serves as the foundation for all political movements and parties. Since the formation of Israel in 1948, there has been a generally accepted agreement to depoliticize forces that can use ideology to seize power [19]. The Jewish Diaspora is represented in large transnational corporations, banks, and investment funds such as Goldman Sachs, Bloomberg, Google, and others. Hollywood, where Jewish producers and directors play a significant role, often broadcasts themes related to the Holocaust and Israeli history ("Schindler's List", "The Pianist", "Resistance", etc.). The Jewish diaspora has a multifaceted influence on the system of international relations through economic, political, and cultural mechanisms. Its active participation in international organizations, well-developed lobbying system and cultural diplomacy make the Jewish diaspora to be one of the most important transnational actors.

The following table presents information on the strong and weak points of interaction policies with the diaspora.

Table 1. Compiled by the authors

Country	Strong points	Weak points
Armenia	Financial support, cultural diplomacy	Abolition of the relevant ministry
Israel	Legislative framework, integration into diplomacy	Difficulties in integrating repatriates
India	Economic cooperation, cultural soft power	Limited participation in diplomatic processes
Kazakhstan	Repatriation program, cultural initiatives	Low diplomatic activity of the diaspora

According to the results of the research, based on the analysis of national strategies of China, Israel, and India, the most successful approaches are comprehensive ones that combine cultural, economic, and political measures. It is important to interact with the diaspora, as it has potential and key features, namely transnational identity, maintaining a strong connection with the culture and traditions of its country of origin, allowing them to serve as intermediaries between different nations and regions. The second important feature of the diaspora is economic activity. Remittances from diaspora members play a key role in economic development. The third feature is political influence - diasporas actively participate in political processes and interactions that go beyond national borders, serving the interests of both their country of residence and origin.

Discussion

Let's consider Kazakhstan's practice of interaction with compatriots and the diaspora abroad. It should be acknowledged that Kazakhstan lacks a fundamental document for working with compatriots, but this interaction is reflected in documents such as the Migration Law and the Migration Policy Concept for 2023-2027. It should be noted that work with compatriots is focused on ethnic repatriation from countries nearby and adjacent to the territory of Kazakhstan, such as China, Uzbekistan, Mongolia, Russia. This policy proved effective during the formation of independent Kazakhstan in the context of the importance of strengthening and increasing the share of the titular ethnic group in the country, and, in general, to improve demographic indicators. However, the last decade is characterized by other processes associated with the emigration of highly qualified personnel and the working population, and this issue deserves proper attention. Thus, according to official statistics, in the period from 2011 to 2022, 367.1 thousand people, mainly of working age with higher (38%) and technical-vocational (34%) education, emigrated for permanent residence abroad. In 2019-2021 alone, 106.5 thousand people left the country for permanent residence abroad (2019 - 45.2 thousand people, 2020 - 29.1 thousand people, 2021 - 32.3 thousand people), of which 90% moved to the countries of the Commonwealth of Independent States (hereinafter - CIS) for employment purposes or repatriation to their historical homeland [20]. It is important to note that over the past 10 years, the number of people with higher education entering the country has decreased by more than half, amounting to 1.9 thousand people in 2020. Thus, there is a clear trend in migration flows showing an increase in the number of emigrants with higher education, and a reduction in the inflow of highly educated immigrants to the country [21]. Although there were 10.2 thousand more entering than leaving people in the previous year, compared with 20 thousand in the last three quarters of 2024, data shows that the positive migration balance reflects only quantitative, not qualitative indicators.

Table 2. Based on data from the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan [21]

Profession	Number of people who left
Specialists with demanded technical specialties	1,2 thousand people
Economists	586 people
Teachers	385 people
Architects and builders	261 people
Lawyers	170 thousand people

This trend indicates that emigration largely involves educated youth and qualified specialists, and this fact affects the quality of Kazakhstan's human capital (see Table 2). In addition to the actual departure of Kazakhstanis for educational and labor migration purposes, the following trend is concerning. As shown by the data of a survey of citizens in Kazakhstan, about 25% of people aged 18 to 29 are thinking about moving, while among 30-year-olds this figure reaches almost 30%, and every

tenth person from the second age category has firm intentions to move (10.7 - "plan to leave in the next 2-3 years") [21]. These figures reflect trends that need to be thought about and taken into consideration at the national and governmental levels, as they directly affect the economy and the quality of Kazakhstan's human capital. As is well known, one of the foundations of the modern economy is intangible assets - things that are used in business and generate profit, but do not have a physical nature. Examples of such assets include scientific developments, technologies, brands, copyrights, business reputation, and it is possible that the diaspora is a carrier of intangible assets that should not be neglected and should be actively attracted back to the country of origin. Without highly qualified employees, it is impossible to either create or effectively use intangible assets, which means that further innovation and subsequent growth in production are impossible. Human capital, being the most important component of global wealth, accounts for nearly two-thirds - 64% - of the world's wealth, which is estimated at \$1152 trillion, according to the World Bank's 2021 Global Wealth Report [22].

The formation of the "state-diaspora" relations raises the important issue of cooperation with the scientific diaspora. As experts working on this issue rightly note, "it is not necessary for a strong diaspora to be numerous. A diaspora is strong when it has more successful specialists who can bring benefit to their homeland. However, the effectiveness of cooperation depends more on partners in the homeland than on representatives of the diaspora" [23]. Building bridges for sustainable and effective cooperation with the scientific diaspora should become an imperative for states with a diaspora abroad.

As Loshkarev notes, referring to the interpretation of M.J. Esman, a well-known specialist in ethnicity and ethnic communities, a diaspora is understood as a transnational community of migrants that maintains both material and emotional ties with the territory (country) of origin, and at the same time adapts to the limitations and opportunities of the host society. Diasporas are distinguished by their autonomy and participate in transnational interactions [24]. A special type of diaspora is represented by so-called "accidental" diasporas, or diasporas of cataclysm, which arose as a result of changes in state borders. Their representatives did not originally question their self-identification, but as a result of conditional migration to another state - often without even implying a change of residence - they unexpectedly became part of an ethnic or polyethnic group (minority) [25]. Such Kazakh diasporas were formed in Russia, Uzbekistan, China, and Mongolia. Today, generations have migrated further to Turkey and European countries. This is a significant demographic potential, which became noticeable as a result of the policy of repatriation to Kazakhstan. For reference, since 1991, a total of 1,146.4 thousand ethnic Kazakhs have repatriated to Kazakhstan [26].

When discussing Kazakhstan's diaspora policy in research discourse, it is important to note that traditionally, the work with compatriots takes place along the G2P line, where G represents the government of the historical homeland, and P represents the foreign society that is influenced. This global trend has also affected interactions with compatriots. In this regard, it is important for compatriots to become mediators or agents of influence of P2P public diplomacy. A notable example of how diaspora representatives participate in business projects related to their historical homeland is the Korean diaspora in Kazakhstan, and, in fact, this is a manifestation

of the diaspora policy of South Korea towards Kazakhstani Koreans. In 1997, the South Korean government established the "Overseas Koreans Foundation", which marked the beginning of the widespread involvement of Kazakhstani Koreans in the sociocultural, financial, and political matters of the country [27]. Entrepreneurs from the ethnic Korean community in Kazakhstan established joint ventures with South Korean businessmen, and played a role as intermediaries between Kazakhstani and South Korean representatives in business structures such as "Samsung", "LG", "Hyundai", "SsangYong", and "Kia". It should be noted that many South Korean entrepreneurs were able to open businesses in Kazakhstan precisely thanks to the assistance and support of the Kazakhstani Korean diaspora. Among the dynamically developing Korean multinational companies in Kazakhstan are "Samsung", "LG Electronics", "LG International", "SK Corp", "NTC", "Ritex", and construction firms like "Yurim", "SungWon", and "Hanjin" [28].

This case demonstrates how many commercial and non-commercial organizations beyond the government, with its initial support, form partnerships with expatriates and compatriots for mutually beneficial proposals in a wide range of issues: business, culture, innovation, etc. [28]. All the previously mentioned examples of the participation of the foreign diaspora in politics and the development of international relations indicate how important it is to interact with one's own diaspora, to establish long-term, promising relationships in the interests of the development of the historical homeland and country of origin.

Depending on the degree of activity of the policy of interaction with the diaspora abroad, using the foresight forecasting method, several key consequences and probable scenarios can be identified in the context of Kazakhstan:

Table 3. Compiled by the authors

№	Scenario	Trend	Risk	Consequences
1	Lack of support will lead to weakening of the diaspora's ties with its historical homeland	Young people in foreign communities will gradually lose interest in the Kazakh language, culture and traditions.	Loss of national identity among future generations of the diaspora	Reduce of Kazakhstan's role as a center of attraction for ethnic Kazakhs, loss of cultural influence abroad
2	The diaspora will no longer view Kazakhstan as an attractive place for investment, business or professional development	Decrease in economic and investment flows from the diaspora	Loss of economic benefits from interaction with the diaspora abroad	Missed opportunities for attracting capital, new technologies, and ideas that could be realized through connections with the diaspora
3	Kazakhstan will weaken its presence on the international stage by neglecting the presence of the Kazakh diaspora in various countries	Reduction in Kazakhstan's international influence	Decline of Kazakhstan's recognition abroad and the decrease of its cultural and political influence	Loss of positions in diplomacy, weak promotion of Kazakh interests in countries with large Kazakh communities

4	Diasporas will no longer feel their involvement with Kazakhstan	Emigration and loss of social capital	Diaspora may become passive or have a high risk of assimilation in host countries	Weakening of support and soft power policies
---	---	---------------------------------------	---	--

Conclusion with recommendations

Based on the results of the conducted research, the authors propose a number of recommendations for improving Kazakhstan's interaction with its diaspora abroad. Namely:

- to strengthen the institutional mechanisms of working with the diaspora with enhancing the strategic participation of and coordination by the President's Administration and involvement not only Ministry of Foreign Affairs but also Ministry of Science and Higher Education, Ministry of Labor;

- to define clear terminology in this area, and introduce a common unifying name for all Kazakhs and Kazakhstanis abroad, such as "Kazakhia", following the example of using "Polonia" for all Poles;

- to work on integrating the diaspora into diplomatic processes through public diplomacy programs. At the same time, it seems important to develop and adopt a fundamental document in the form of a by-law, etc. In doctrinal documents, such as the Concept of Foreign Policy, it is essential to note the importance of developing mechanisms for public diplomacy and humanitarian cooperation with an emphasis on the need to intensify interaction with compatriots and the diaspora abroad. This would allow, in the current conditions of a turbulent international environment and information pressure on countries, to maintain existing ties at the level of public organizations. In this context, the diaspora becomes an important resource of "soft power";

- to adopt the positive experience of China, Israel, Armenia in repatriation and attracting young people from the foreign diaspora to take part in scientific, business, educational projects;

- to conduct active informational and explanatory work both at the local level within state and non-governmental organizations, as well as abroad. Thus, during in-depth interviews and case studies, issues were discovered in implementing the "Ata Zholy" card initiative, when at the local level the host employment organization was unaware of the launch of this initiative at the state level. Therefore, for the effective implementation of the initiative, it is important to work out mechanisms for interaction and cooperation.

Taking into account the points of view and interest of the diaspora representatives to study the possible conditions and mechanisms of cooperation "the scientific diaspora-the state", the whole complex of strategic steps should be aimed at overcoming the obstacles that arise on the way to creating these relations, international experience, repatriation. In this regard,

- in order to improve the domestic scientific and educational system, promote cooperation, and introduce professional potential in the sphere of high technologies and other industries, it is important to support these efforts with state strategic documents, and create an information database of scientists living abroad, to assess their potential. At a minimum, stimulating collaboration with the diaspora through the creation of intellectual, expert, and scientific-educational projects is necessary. At

a maximum, repatriating the scientific diaspora should be facilitated by simplifying bureaucratic procedures and providing preferences.

Interaction with the diaspora abroad plays a key role in strengthening international ties, promoting national interests, and shaping a positive image of the state on the global stage. Diasporas can serve as bridges between countries, facilitating the development of economic, cultural, and diplomatic relations. Their active participation in public diplomacy, support for national initiatives, and contributions to the development of their country of origin make them a valuable strategic resource.

The experience of various countries shows that successful work with diasporas requires a comprehensive approach, including the creation of favorable conditions for interaction, support for cultural and linguistic identity, and the involvement of the diaspora in economic and political processes. In this context, it is important not only to develop cooperation programs but also to consider the interests and needs of diaspora communities themselves, providing them with opportunities for active participation in the life of their historical homeland. Moreover, the issue of interaction becomes even more relevant considering the latest amendments by the "Bolashak" Center for International Programs regarding the opportunity for program graduates to remain abroad.

Thus, an effective policy of interaction with the diaspora becomes an integral element of the state strategy aimed at strengthening international influence, developing transnational networks, and forming sustainable partnerships in various fields.

Funding

The author received no financial support to carry out this research, authorship, and/or publication of this article.

References

1. Ajrapetova R.A. Rol' diaspor v publichnoy diplomatii gosudarstv. Uchenye zapiski. №2, 2019//<http://shsu.am/media/journal/2019n2b/26.pdf>
2. Alborova M. B., Savchenkova M. I. Diasporal'naja diplomatija kak jelement politiki «mjagkoj sily» Rossii, praktika goroda Moskvy // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija. 2024. T. 24, vyp. 2. S. 215–222. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-215-222>, EDN: DWCIQC
3. Melissen J. The New Public Diplomacy Soft Power in International Relations.// Palgrave Macmillan. 2005. p.6
4. Rustamova L. R. Mjagkaja sila i publichnaja diplomatija. KnoRus, 2021. 254 s.
5. Jentina E. G., Smirnova A. S. Rol' diaspor v formirovanii i razvitii «mjagkoj sily» Rossii v sovremennoj Serbii // Sovremennaja Evropa. 2018. № 5 (84). S. 49–59. <https://doi.org/10.15211/soveurope520184959>
6. Shain, Y., & Barth, A. Diasporas and international relations theory. International Organization, 2003, 57(3), 449-479.

7. Sheffer, G. *Diaspora Politics: At Home Abroad*. Cambridge University Press, 2003.
8. Brinkerhoff J. M. *Diasporas and Public Diplomacy: Distinctions and Future Prospects* // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2019. Vol. 14 (1–2). P. 51–64. <https://doi.org/10.1163/18711191X-14101015>
9. Brinkerhoff, J. M. *Diasporas and Development: Exploring the Potential*. Lynne Rienner Publishers, 2008.
10. Asatryan, D. Armjanskaja diaspora kak transnacional'nyj aktor mirovoj politiki // [Elektronnyj resurs]. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/928> (date of access: 26.12.2024 g.).
11. Kulik L.V. Indijskaja diaspora v Velikobritanii, *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2017. 2(53). S.160-183. DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-160-183
12. Sheffer G. Diaspory v mirovoj politike // *Diaspory*. – 2003. – №. 1. – S. 162
13. Poloskova T. *Sovremennye diaspory: vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty* - Moskva, 2002, 200 s.
14. Kulik L.V. Indijskaja diaspora v Velikobritanii, *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2017. 2(53). S.160-183. DOI 10.24833/2071-8160-2017-2-53-160-183
15. Doklad Komiteta vysokogo urovnja po voprosam indijskoj diaspory. *Indiandiaspora.nic.in*. 19.12.2001. URL: <http://indiandiaspora.nic.in/contents.htm>, (date of access: 20.12.2024)
16. Zarifian J., 2014. The Armenian-American Lobby and Its Impact on U.S. Foreign Policy // *Society*. 51 (5), October 2014, p. 505 pp. 503-512.
17. Troickij M.A. Kongress i politika SSHA v otnoshenii Armenii // *SSHА-Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 2017, № 4, c. 89–103.
18. Amerikano-izrail'skij komitet po obshhestvennym delam <https://cyclowiki.org/wiki/> (date of access: 11.02.2025)
19. Krylov A.V., Mahmutov T.A., Fedorchenko A.V. *Gosudarstvo Izrail' // Politicheskie sistemy sovremennyh gosudarstv: Jenciklopedicheskij spravochnik: V 4 tomah. Tom 2: Azija. - M.: Aspekt Press, 2012. - S. 72-92. <https://mgimo.ru/upload/iblock/bae/baeb9b4309e90c29edb6b9d05e711f70.pdf> (date of access: 10.02.2025)*
20. Ob utverzhdenii Konceptii migracionnoj politiki Respubliki Kazahstan na 2023-2027 gody. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 nojabrja 2022 goda № 961. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P22000000961>
21. Issledovanie Bjuro jekspress-monitoringa obshhestvennogo mnenija DEMOSCOPE//KazTAG <https://kaztag.kz/ru/news/kazhdyy-pyatyy-oproshennyy-kazakhstanets-zadumyvaetsya-o-pereezde> (date of access: 05.12.2024)
22. Rjabova I. Samyj cennyj jekonomicheskij resurs. *Jekons*, 2022g.// <https://econs.online/articles/ekonomika/samyj-tsennyy-ekonomicheskij-resurs/> (date of access: 26.12.2024)
23. Dezhina I. Russkojazychnaja nauchnaja diaspora: opyt, motivacija i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej, http://iep.ru/files/personal/dezhina/rusdiaspora_Kugel2015.pdf.
24. Esman M.J. *Diasporas in the contemporary world*. Polity Press, 2009. 210 p.
25. Loshkarjov I.D. Rol' diaspor v sovremennoj mirovoj politike. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2015;(2(41)):120-126. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-1>
26. Bolee 18 tysjach jetnicheskikh kazahov vernulis' v Kazahstan. *KazTAG*//

<https://kaztag.kz/ru/news/bole-18-tys-etnicheskikh-kazakhov-vernulis-v-kazakhstan-v-2024-godu> (date of access: 25.12.2024)

27. Al'mukanova A. Rol' kazahstanskih korejcev v ustanovlenii svjazej mezhdu stranami [Elektronnyj kurs]. – Rezhim dostupa: // <http://el.kz/kz/news/archive/Rol'-kazahstanskih-korejcev-v-ustanovlenii-svjazej-mezhdu-stranami> (date of access: 11.02.2025)
28. Alborova M. B., Savchenkova M. I. Diasporal'naja diplomatija kak jelement politiki «mjagkoj sily» Rossii, praktika goroda Moskvy // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija. 2024. T. 24, vyp. 2. S. 215–222. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-215-222>, EDN: DWCIQC

Материал поступил в редакцию 11.03.2025

Утвержден к публикации 22.09.2025

КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И ГРУЗИЕЙ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Ван Цзибао¹

¹ Докторант кафедры Истории народов Кавказа Бакинского Государственного Университета, Баку, Азербайджан; e-mail: kchangshu@gmail.com, ORCID 0009-0005-9184-8262

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.008>

Аннотация. Грузия является одной из первых стран, присоединившихся к инициативе «Один пояс, один путь». В рамках этой инициативы значительно развился культурный обмен между Китаем и Грузией. В данной статье, на основе обобщений и примеров, изложены достижения двух стран в таких областях, как образование, культурные связи, туризм, книгоиздание, кино и другие. Стоит отметить, что в июле 2023 года Китай и Грузия совместно приняли решение поднять двусторонние отношения до уровня стратегического партнёрства, что стало важным этапом в развитии китайско-грузинского сотрудничества. В будущем, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» сотрудничество между двумя странами станет ещё более тесным, особенно в культурной сфере, что будет способствовать дальнейшему углублению и развитию двусторонних отношений.

Ключевые слова: Китай, Грузия, инициатива «Один пояс, один путь», культурный обмен, культурное сотрудничество, достижения.

ҚЫТАЙ МЕН ГРУЗИЯ АРАСЫНДАҒЫ МӘДЕНИ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚ «БІР БЕЛДЕУ, БІР ЖОЛ» БАСТАМАСЫ АЯСЫНДА

Ван Цзибао¹

¹ Баку мемлекеттік университеті, Кавказ халықтарының тарихы кафедрасының PhD докторанты, Баку, Әзербайжан; e-mail: kchangshu@gmail.com

Аңдатпа. Грузия «Бір белдеу, бір жол» бастамасына қосылған алғашқы елдердің бірі. Осы бастама аясында Қытай мен Грузия арасындағы мәдени алмасу айтарлықтай дамыды. Жалпылаулар мен мысалдарға негізделген бұл мақалада екі елдің білім, мәдени байланыс, туризм, кітап басып шығару,

кино және басқа да салалардағы жетістіктері баяндалады. Айта кету керек, 2023 жылдың шілдесінде Қытай мен Грузия екіжақты қарым-қатынастарды стратегиялық серіктестік деңгейіне көтеру туралы шешім қабылдады. Бұл Қытай мен Грузия ынтымақтастығының дамуындағы маңызды кезең болды. Алдағы уақытта «Бір белдеу, бір жол» бастамасы аясында екі ел арасындағы ынтымақтастық, әсіресе мәдени салада, одан әрі нығая түседі. Бұл екіжақты қарым-қатынастарды тереңдетуге және дамытуға ықпал етеді.

Түйін сөздер: *Қытай, Грузия; «Бір белдеу, бір жол» бастамасы, мәдени алмасу, мәдени ынтымақтастық, жетістіктер.*

CULTURAL COOPERATION BETWEEN CHINA AND GEORGIA UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Wang Jibao¹

¹ PhD student at Baku State University, Department of History of the Peoples of the Caucasus, Baku, Azerbaijan; e-mail: kchangshu@gmail.com

Abstract. Georgia is among the first countries to join the Belt and Road Initiative (BRI). Within the framework of this initiative, cultural exchanges between China and Georgia have undergone significant development. Based on generalizations and examples, this article outlines the achievements of the two countries in various areas, including education, cultural ties, tourism, book publishing, and cinema. It is worth noting that in July 2023, China and Georgia officially elevated their bilateral relations to a strategic partnership, marking a significant milestone in the development of China–Georgia cooperation. In the future, within the BRI framework, collaboration between the two countries will become even closer, especially in the cultural sphere, which will contribute to the further deepening and development of bilateral relations.

Keywords: *China, Georgia, Belt and Road Initiative, cultural exchange, cultural cooperation, Achievement.*

Введение

Грузия расположена на стыке Европы и Азии, у южного подножья Кавказских гор, на восточном побережье Черного моря. По своему географическому положению она является одним из важных транспортных узлов Евразийского континента. А также является точкой пересечения различных цивилизаций на Шелковом пути. В Грузии с раннего средневековья знали и ценили китайскую культуру. Через страну пролегал Шелковый путь – важнейшая торговая и извилистая магистраль, по которой импортировался китайский шелковая и фарфоровая посуда самого высокого качества.

В 2013 году председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул важнейшие инициативы по совместному созданию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». 28 марта 2015 г. правительство Китая опубликовало «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”» [1]. На предложенную инициативу откликну-

лось множество стран. К августу 2023 года 152 страны и 32 международные организации подписали с Китаем более 200 документов о сотрудничестве по совместному строительству «Одного пояса, одного пути» [2]. Грузия является одной из первых стран, присоединившихся к инициативе «Один пояс, один путь». В марте 2015 года Китай и Грузия подписали документ о сотрудничестве в рамках этой инициативы. Грузинская сторона приветствовала предложенную Китаем инициативу по совместному строительству «Одного пояса, одного пути». В мае 2017 года Китай и Грузия официально подписали Соглашение о свободной торговле между правительством Китайской Народной Республики и правительством Грузии. В 2018 году это соглашение вступило в силу, что значительно повысило уровень практического сотрудничества между двумя странами и способствовало дальнейшему укреплению строительства «Одного пояса, одного пути», направленного на достижение совместного процветания обеих стран [3]. В июле 2023 года Грузия и Китай приняли решение поднять двусторонние отношения до уровня стратегического партнерства. Китай и Грузия совместно подписали и опубликовали документ об установлении стратегического партнерства. Документ охватывает четыре аспекта – политический, экономический, международный и межнациональные и культурные отношения. В условиях новых реалий Китай и Грузия стремятся развивать двусторонние отношения, активно сотрудничая в области науки, культуры и образования. Стороны согласились обновить Соглашение о научно-техническом сотрудничестве, подписанное в 1993 году, а также укрепить культурный обмен, поощрять взаимные визиты и сотрудничество в сферах туризма, здравоохранения, молодежной политики, спорта, кино и СМИ. Кроме того, стороны будут развивать сотрудничество в области высшего образования, продвигая совместные образовательные программы и студенческий обмен, способствовать научному сотрудничеству и трансферу технологий, а также придавать значение языковому обмену и подготовке преподавателей, поддерживать создание институтов Конфуция [4]. 31 июля 2023 года в Пекине было подписан «План сотрудничества между правительством Китайской Народной Республики и правительством Грузинской Республики по совместному строительству инициативы “Один пояс, один путь”». Этот План сотрудничества определяет ключевые области и направления совместной работы Китая и Грузии в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [5]. Инициатива «Один пояс, один путь» оказала мощную политическую поддержку культурному обмену между двумя странами, а сотрудничество сторон в культурной сфере стало важным шагом для укрепления взаимопонимания между народами. В рамках этого сотрудничества Китай и Грузия активно способствуют развитию двусторонних отношений.

Объекты и методы исследования

Целью данной статьи является анализ культурного сотрудничества между Китаем и Грузией за последнее десятилетие в рамках инициативы «Один пояс, один путь», включая образование, культурные связи, книгоиздание, туризм, кино и другие сферы. Кроме того, исследуется влияние данного сотрудничества на взаимное культурное доверие двух стран и на народные контакты с целью предоставления рекомендаций и ориентиров для будущих моделей культурного сотрудничества между Китаем, Грузией и другими

странами. Методы исследования данной статьи включают анализ литературы, сравнительное исследование, нарративный метод, метод наблюдения и т. д. Основными источниками исследовательских материалов являются соответствующие статьи, новостные репортажи основных средств массовой информации, а также принятые правительственные документы Китая и Грузии.

Материалы исследования и их обсуждение

I. Образование

С 2013 года Китай и Грузия постепенно расширяют сотрудничество в области высшего образования, совместно организуют работу Институтов Конфуция, которые занимаются обучением китайскому языку грузинских студентов и учащихся.

На данный момент в Грузии функционируют 2 Института Конфуция и одни курсы по изучению китайского языка на базе Института Конфуция. 8 сентября 2010 года Ланьчжоуский университет и Свободный университет Тбилиси подписали соглашение о совместном создании Института Конфуция. В тот же год, 26 ноября, был открыт и начал свою работу Институт Конфуция при Свободном университете Тбилиси, став первым Институтом Конфуция в Грузии. В декабре 2018 года Университет Чженчжоу и Свободный университет Тбилиси подписали соглашение о сотрудничестве по созданию Института Конфуция. На данный момент Свободный университет Тбилиси является партнёрским университетом Китая, в частности с Университетом Чженчжоу. В 2019 году был официально открыт Институт Конфуция при Тбилисском открытом университете, который в апреле 2022 года был официально переименован в Институт Конфуция при Университете Альте [6]. В настоящее время этот институт управляется совместно Ланьчжоуским университетом и Университетом Альте.

В результате сотрудничества Медицинского университета Синьцзяна с университетом Кутаиси 11 декабря 2020 года были организованы курсы по изучению китайского языка на базе Института Конфуция [7]. Институты Конфуция занимаются не только обучением китайскому языку, но они играют большую роль в знакомстве учащихся с китайской культурой, с обычаями и традициями китайского народа. Они организуют различные культурные мероприятия, такие как конкурсы "Мост китайского языка", конкурсы ораторского мастерства на китайском языке, лекции по различным аспектам китайской культуры и другие. Эти мероприятия вдохновляют молодых людей в Грузии на изучение китайского языка, что способствует дружбе и расширению культурного обмена между двумя странами.

Следует отметить, что образовательные учреждения Грузии активно сотрудничают с китайскими университетами, реализуя программу подготовки преподавателей китайского языка, что способствует повышению уровня преподавания китайского языка в Грузии. В феврале 2019 года правительство Грузии включило преподавание китайского языка в национальную образовательную систему, в частные начальные и средние школы. В Грузии начали постепенно открывать курсы китайского языка. Это содействует дальнейшей стандартизации и нормализации преподавания китайского языка в Грузии и создает прочную основу для углубления образовательного сотрудничества и культурного диалога между двумя странами. В то же время в Китае продви-

гается преподавание грузинского языка. Начиная с осеннего семестра 2017 года, факультет Изучения азиатских и африканских стран Пекинского университета иностранных языков открыл курсы грузинского языка, добавив еще один мост языкового и культурного общения в продвижении инициативы «Один пояс, один путь» в Азии и Африке [8].

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» обмен студентами между Китаем и Грузией становится все более активным. К 2024 году Китай установил образовательное сотрудничество и обмен с 181 страной, с которой он поддерживает дипломатические отношения, а также подписал соглашения о взаимном признании дипломов и степеней с 58 странами и регионами, предоставив китайским студентам многочисленные возможности для обучения за рубежом [9]. Ежегодно растёт количество китайских студентов, обучающихся в Грузии и соответственно грузинские студенты едут на учёбу в Китай. Получив образование, они возвращаются в свои страны и продвигают культурный обмен между двумя странами. В 2013 году в Китай приехало 97 студентов из Грузии, а в 2018 году это число выросло до 235 человек [10, с. 179]. Кроме того, между университетами двух стран реализуются совместные образовательные программы, в частности в области сельскохозяйственных наук, что способствует обмену знаниями, подготовке кадров и создает условия для глубокой культурной интеграции.

В Грузии активно продвигается преподавание китайских боевых искусств. Грузинская ассоциация Боевого искусства ушу была основана в 1980-х годах при поддержке школы боевых искусств Шаолинь города Харбин. В 2018 году при финансовой поддержке китайского правительства в рамках инициативы «Один пояс, один путь» два тренера и восемь спортсменов из сборной Грузии по ушу приехали в Китай для интенсивных тренировок по ушу. В 2019 году Главное управление спорта Китая вновь направило пять тренеров из группы спортивной помощи «Один пояс, один путь» посетить Ассоциацию ушу Грузии, чтобы продолжить оказание поддержки развитию боевых искусств в регионе [11, с. 57-58].

С целью поддержки дружественных связей со странами, расположенными вдоль маршрута «Один пояс, один путь», китайские университеты активно сотрудничают с учебными заведениями этих стран. В Китае были основаны исследовательские центры, посвященные Грузии, такие как:

Таблица 1. Грузинские исследовательские центры в Китае

Год	Университет / Институт	Название исследовательского центра
2016	Тяньшуйский педагогический университет	Центр исследований Кавказского региона
2017	Университет международного бизнеса и экономики + Международный Черноморский университет Грузии	Грузинский исследовательский центр
2017	Ланьчжоуский университет	Центр по изучению Грузии
2018	Пекинский университет иностранных языков	Центр исследований Закавказья
2023	Китайский филиал Национальной академии наук Грузии	—

Источник: средства массовой информации (СМИ).

Эти научные центры ориентированы на выполнение государственной стратегии по исследованию отношений между Китаем и странами расположенными вдоль Пояса и пути, а также на изучение внешней и экономической политики стран. Они занимаются вопросами культуры и образования, тем самым способствуя развитию связей между странами.

В то же время в Грузии также были созданы некоторые исследовательские центры по Китаю, такие как Центр китайского языка и культуры при Тбилисском государственном университете, созданный в 2015 году; Центр исследований Китая, созданный Грузинским техническим университетом и Китайской академией общественных наук в 2019 году, а также Центр китайского языка, созданный совместно Кутаисским университетом и Синыцзянским медицинским университетом в 2021 году. Эти исследовательские центры оказали определенную помощь Грузии в понимании и познании Китая.

II. Культурные связи

Культурные лекции активно проводятся в университетах и культурных учреждениях двух стран. В грузинских университетах китайские эксперты проводят лекции по китайской традиционной культуре и философских учениях, в то же время грузинские ученые представляют свою этническую культуру, язык и литературу в китайских университетах.

31 марта 2016 г. директор музея Гугун в Пекине Шань Цзисян, прочитал лекцию на тему «Мир Запретного города, Запретный город мира» в Институте Конфуция при Свободном университете Тбилиси. Эта лекция позволила грузинскому народу глубже понять китайскую традиционную культуру и искусство, а также способствовала двустороннему культурному обмену [12, с. 83]. Международная конференция «Синология. Один пояс, один путь» состоялась в 2019 году в сотрудничестве с Грузинским китайским культурным центром «Шёлковый путь» и Посольством Китайской Народной Республики в Грузии. Конференция была посвящена 35-й годовщине начала преподавания китайского языка в Грузии [13]. В рамках академической деятельности по исследованию древнего Шёлкового пути китайские и грузинские ученые совместно обсуждали влияние Шёлкового пути на культурное и экономическое развитие двух стран, а также то, как в условиях современной инициативы «Один пояс, один путь» можно лучше сохранить и популяризировать дух Шёлкового пути.

Кроме того, активно проводятся некоторые культурные мероприятия усилиями двух правительств и общественности. Эти культурные мероприятия также глубоко демонстрируют долгую историю и уникальную культуру двух стран и становятся важным культурным окном для народов двух стран, чтобы лучше понять друг друга.

20 сентября 2017 года в Китае в городе Иу был открыт Музей культуры Грузии. Город Иу, в котором расположен музей, является деловым центром и ключом к деловому миру Китая. Иными словами, этот город еще и называют самым большим рынком в мире, где ежедневно продается 500 000 различных видов товаров. Музей занимает площадь 800 квадратных метров [14]. Музей также выставляет множество уникальных товаров Грузии, таких как вино, которые служат важным мостом для китайцев, чтобы ознакомиться с грузин-

ской культурой и продукцией.

27 декабря 2019 года в Национальном музее Грузии, при поддержке посольства Китайской Народной Республики в Грузии, была открыта выставка произведений искусства Китая. Выставка была посвящена 70-летию образования Китайской Народной Республики. Представленная в музее экспозиция дает уникальную возможность проследить путь развития китайского искусства от раннего средневековья до современности. Впервые на выставке были представлены работы, созданные на грузинскую тему китайскими художниками Чэнь Чуанем и Цзян Шилуном, побывавшими в Грузии в 80-х и 90-х годах [15]. Каждый, посетивший выставку, мог ближе ознакомиться с историей и культурой Китая, что также способствует дружескому обмену между двумя странами.

21-й международный арт-фестиваль «Встретимся в Пекине» прошёл с 7 января по 4 февраля 2021 года в Пекине. В рамках фестиваля было представлено 42 выступления из 24 стран, среди которых грузинский народный ансамбль «Рустави» составил 61 участник из различных регионов Грузии. Каждый номер представленный коллективом являлся ярким показателем традиционный культуры Грузии [16]. Китайская публика с большим интересом и восхищением восприняла каждое выступление ансамбля.

В 2024 году, с 30 мая по 7 июня, по приглашению оргкомитета «Тбилисского международного фестиваля детского и юношеского театра 2024», артистическая группа «Сяо Мэйхуа» Китайской ассоциации театров приняла участие в фестивале. В трёх городах Грузии, включая столицу Тбилиси, с успехом прошли выступления китайской группы. Выступления были тепло встречены грузинской публикой [17].

19 сентября 2024 года посол Грузии в Китае Паата Каландадзе возглавил грузинскую делегацию, которая посетила Пекинский университет языка и культуры. Вместе с преподавателями и студентами университета они приняли участие в открытии скульптурного памятника великому грузинскому поэту Шота Руставели. Это событие ознаменовало новый этап в культурных обменах между Китаем и Грузией, символизируя дальнейшее углубление сотрудничества и взаимного обмена в области культуры между двумя странами [18].

III. Книжные издания и переводы

В последние годы между двумя странами был осуществлён перевод ряда произведений с грузинского языка на китайский, а также с китайского языка на грузинский, что способствовало созданию новых форм взаимного понимания и культурного обмена между ними.

В 2015 году Центр культурного обмена Китая и Грузии «Шелковый путь» в сотрудничестве с Посольством Китайской Народной Республики в Грузии перевел сборник рассказов лауреата Нобелевской премии по литературе Мо Яня на грузинский язык и издал его в Грузии [19].

В 2016 году издательство Пекинского университета выпустило пособие «Быстрое изучение грузинского языка». Это пособие предназначено для студентов бакалавриата и магистратуры различных университетов Китая, а также для всех изучающих грузинский язык как второй иностранный язык. Тек-

сты, диалоги и упражнения знакомят китайских учащихся с грузинской культурой и историей.

В 2016 году был издан, переведённый Эли Элисашвили на грузинский язык иллюстрированный «Словарь моего китайского языка», 15 тем охватывают все аспекты повседневной жизни китайского народа. В словаре 4.200 распространённых выражений переданных с помощью рисунков. Словарь пользуется популярностью у желающих изучать китайский язык.

В 2017 году, в честь 25-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Грузией, национальная библиотека Грузии открыла уголок китайской литературы, который стал платформой для взаимного перевода литературных произведений двух стран [20].

Переведённый на 58 языков мира, известный грузинский литературный эпос «Витязь в тигровой шкуре» [21, с.82], в 2002 году был переведён Янь Юнсином на китайский язык и опубликован китайским издательством «Нанкин Илин», а в декабре 2018 года был переиздан. Это произведение вошло в серию «Переводы мирового героического эпоса» и оказало значительное влияние на китайскую литературу и китайского читателя.

Анна Гогуадзе перевела на китайский язык два произведения известного грузинского писателя Георгия Кекелидзе, «Гурийские дневники» и «Рассказы Томаса», а весной 2019 года книга для детей «Рассказы Томаса» уже была издана в Китае издательством «Чжун И» [20].

В 2021 году под патронажем Ассоциации синологов Грузии был издан первый труд по истории Китая на грузинском языке. Редакционная коллегия работала над произведением несколько лет, оно охватывает историю Китая с древнейших времен до второй половины XX века [22].

В 2024 году в Грузии вышла в свет книга «Основы фонетики китайского языка» (на грузинском языке), написанная председателем Совета китаеведов Грузии, директором Института Конфуция при Тбилисском свободном университете профессором Марине Джибладзе [23]. Стоит отметить, что на протяжении многих лет профессор Марине Джибладзе редактирует и принимает участие в создании многих учебников по изучению китайского языка.

IV. Туризм

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» наблюдается успешное развитие туризма между Китаем и Грузией. Увеличение числа китайских туристов в Грузии и грузинских туристов в Китае способствует культурному обмену, а также и материальной заинтересованности людей.

Прекрасные природные пейзажи Грузии, такие как гора Казбек и побережье города Батуми, а также ее богатые исторические места, такие как древний город Мцхета, привлекают туристов из Китая, а также вызывают интерес у участников различных конференций проходящих в Грузии. Во время туристических поездок китайским туристам предлагаются различные культурные программы. Например, мастера виноделия делятся своим опытом, а грузинские повара делятся рецептами приготовления грузинских национальных блюд.

С 9 июня 2011 года между Китаем и Грузией были запущены прямые рейсы из Урумчи в Тбилиси. С февраля 2012 года правительство Китая присво-

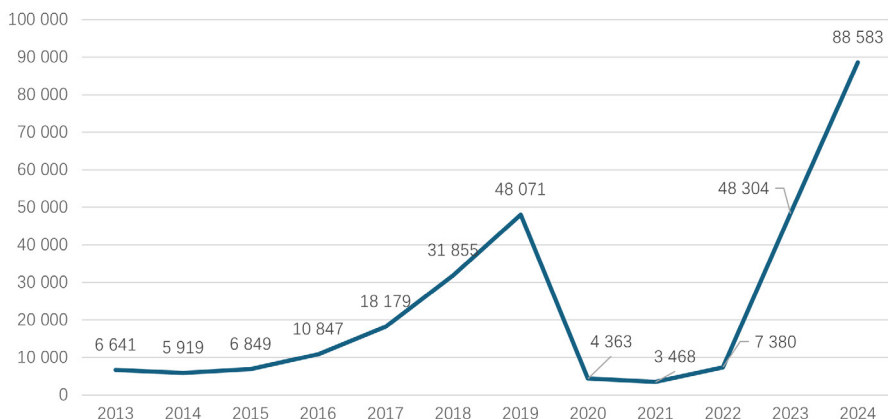
ило Грузии статус «Страны с благоприятными условиями для туризма» [24].

16 августа 2021 г. в Пекине заместитель министра культуры и туризма Китая Чжан Сюй и посол Грузии в Китае Арчил Каландия подписали Протокол о культурном сотрудничестве между Министерством культуры и туризма Китайской Народной Республики и Министерством культуры, спорта и молодежи Грузии на 2021–2025 гг. Стороны заявили, что будут продолжать углублять культурные и туристические обмены и сотрудничество между Китаем и Грузией в рамках «Одного пояса, одного пути» [25].

В целях привлечения большего количества китайских туристов и китайских инвестиций, 11 сентября 2023 года правительство Грузии объявило о решении отменить визовый режим для граждан Китая. Граждане Китая, приезжающие в Грузию в туристических целях, могут въезжать в страну по китайским паспортам без визы и находиться в Грузии не более 30 дней. 10 апреля 2024 года Китай и Грузия подписали соглашение об отмене визового режима для граждан Грузии, что позволяет гражданам Грузии пользоваться безвизовым въездом в Китай. Подписание этого соглашения, послужило увеличению туристического обмена между двумя странами.

Посол КНР в Грузии Чжоу Цянь в программе «Бизнес-партнер» на Первом канале Грузии отметил, что «безвизовый режим является одним из наиболее эффективных методов облегчения передвижения между народами. Мы приветствуем и в будущем будем поддерживать туристические агентства двух стран». Он отметил, что по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, в первой половине 2024 года в Грузию прибыло до 33 000 китайских туристов, а также во много раз увеличилось и число грузинских туристов посетивших Китай [26]. Следует отметить, что в 2024 году количество туристов из Китая, посетивших Грузию, составило 88,6 тыс. человек и заняло 11-е место по количеству туристов, среди других стран, посетивших страну в тот же период.

Рисунок 1. Динамика туристических потоков из материкового Китая в Грузию, 2013–2024 гг. (чел./год)

Источник: cGeorgian National Tourism Administration (<https://gnta.ge/en/research>)

V. Киноиндустрия

Китайские фильмы прошли путь от немых, однокамерных, черно-белых фильмов до высокотехнологичных фильмов на больших экранах, а также самых влиятельных кинофестивалей мира. Важное место в китайской киноиндустрии заняли фильмы с боевыми искусствами и фильмы о древнем Китае с философскими мотивами. Грузинского зрителя заинтересовал фильм «Дом летающих кинжалов» об истории любви и боевых искусствах.

Растущий интерес китайского зрителя к грузинскому кино, способствовал укреплению сотрудничества в области кинематографии между двумя странами. С 2015 года грузинские фильмы, такие как «Дом других», «Испуганная мама», «Мама» и другие, были представлены на Пекинском, Шанхайском и Пиньяоском международных кинофестивалях, где они получили престижные награды [27, с. 46].

В мае 2015 года известный грузинский кинорежиссёр, профессор Национальной академии театра, кино и телевидения Дато Джанелидзе побывал в Китае в Институте международной коммуникации китайской культуры Пекинского педагогического университета и дал интервью китайскому журналисту. Он отметил: «Несмотря на то, что Грузия — небольшое государство, у нас богатая история кинематографа, и мы прилагаем усилия для продвижения грузинского кино. Азиатские фильмы идут по всему миру. Создание кооперативного кинопроизводства является способом межнационального сотрудничества. В будущем нашими партнерами будут не только страны Запада, но и Китай, а также другие страны Азии» [28, с. 174].

В 2016 году правительство Грузии запустило программу «Фильм в Грузии», направленную на активное продвижение преимуществ съемок фильмов на местном уровне, с целью привлечения большего числа международных режиссеров для съемок фильмов в Грузии и превращения Грузии в важное место для киносъемок зарубежных стран [27, с. 45].

На центральном телевидении Китая, на канале CCTV осуществляется масштабный проект серии документальных фильмов «Дом издалека». Эти фильмы рассказывают о странах, находящихся на Великом Шёлковом пути. В 2019 году съемочная группа «Дом издалека — Пояса и пути» приехала в Грузию для съемок документального фильма «Дом издалека — Грузия». Во время встречи на «Мосту мира», тогдашний посол Китая в Грузии Цзи Яньчи рассказал об экономическом сотрудничестве и культурном обмене между Китаем и Грузией. Гуляя по Тбилиси, журналисты и операторы окунулись в историю и ощутили настоящее Грузии. Они также заходили в дома местных жителей, чтобы ближе познакомиться с жизнью грузин. Этот документальный фильм помог большому количеству китайцев лучше узнать и понять Грузию.

17 сентября 2023 года в кинотеатре Национального архива Грузии состоялась церемония открытия Тбилисского фестиваля китайского кино, организованного совместно с посольством Китая в Грузии, Министерством культуры, спорта и молодежи Грузии и Управлением национальной кинематографии Китая. Посол Китая в Грузии Чжоу Цянь в своей речи отметил, что «этот кинофестиваль открывает большие возможности для развития культурных

обменов между Китаем и Грузией, а также для укрепления взаимопонимания и дружбы между китайским и грузинским народами. В то же время, мы надеемся на более тесное сотрудничество между двумя странами в области кино, чтобы донести до людей обеих стран лучшие китайские и грузинские фильмы» [29].

Заключение

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай и Грузия способствуют взаимопониманию между народами двух стран через разнообразные культурные обмены. Грузинский народ стал более глубоко осведомлён о культуре Китая и его концепции развития. В то же время китайцы проявляют живой интерес к обычаям и традициям Грузии. Это взаимопонимание между народами создаёт прочную основу для сотрудничества двух стран в разных сферах. Увеличение числа китайских туристов в Грузии, стимулировало рост местной туристической экономики, а также способствовало продажам грузинских товаров в Китае. Культурный обмен также открыл возможности для сотрудничества китайских и грузинских компаний в таких областях, как культурная индустрия и креативные продукты, что способствовало расширению и углублению двустороннего экономического сотрудничества. Например, Грузия, являясь активным участником Китайской международной выставки импорта, не пропустила ни одной из сессий с момента проведения первой выставки в 2018 году. На Китайской международной выставке торговли, которая прошла в сентябре 2023 года, Грузия впервые представила свои товары высокого качества. Грузинское вино, минеральная вода, мёд, сухофрукты и другие товары, постепенно находят своих потребителей в китайских домах и всё больше привлекают внимание китайского потребителя [30].

В рамках инициативы «Один пояс, один путь» ряд культурных соглашений, подписанных Китаем и Грузией, чётко определили направления и рамки сотрудничества в таких сферах, как образование, литература, искусство, туризм, наука и технологии, а также способствовали проведению множества соответствующих мероприятий. В июле 2023 года, после того как Китай и Грузия решили поднять свои отношения до уровня стратегического партнёрства, двусторонние отношения вступили в новую фазу развития. Двустороннее сотрудничество в культурной сфере между Китаем и Грузией постепенно превращает культурные ресурсы в экономические преимущества.

Создание более эффективных механизмов культурного обмена, координация ресурсов и преодоление существующих трудностей, способствуют углублению культурных связей между Китаем и Грузией и дальнейшему укреплению двусторонних отношений. С развитием цифровых технологий обе страны могут с помощью технологий искусственного интеллекта дополнительно продвигать онлайн-культурные взаимодействия, включая виртуальные выставки музеев, онлайн-курсы по культуре и дистанционные консультации, тем самым преодолевая пространственные и временные ограничения и предоставляя более широкому кругу аудитории возможности для культурного обмена и обучения. В то же время Китай и Грузия должны далее укреплять подготовку специалистов с владением китайским и грузинским языками, по-

вышать качество перевода выдающихся книг, а также обеспечивать более благоприятные условия и институциональную поддержку для культурного обмена и сотрудничества в более широком круге областей.

Китай и Грузия достигли значительных результатов в сфере культурного сотрудничества и обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Это является примером для стран, участвующих в инициативе, в области культурного обмена и сотрудничества, а также предоставляет полезные ориентиры для культурного взаимодействия между Китаем и другими государствами.

Статья выполнена при поддержке Китайского государственного фонда стипендий (CSC).

Список литературы

1. Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы “Один пояс и один путь”. 21 июня 2017 г. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-06/21/content_41068084.htm (дата обращения: 20.11.2024) (на рус. яз.).
2. 新华社. 我国已与152个国家、32个国际组织签署共建“一带一路”合作文件. [Китай подписал документы о сотрудничестве по совместному строительству инициативы “Один пояс, один путь” со 152 странами и 32 международными организациями.] 24 August 2023. URL: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202308/content_6899977.htm (дата обращения: 10.05.2024) (на кит. яз.).
3. 商务部. 中国与格鲁吉亚自贸协定今日生效. [Соглашение о свободной торговле между Китаем и Грузией вступает в силу сегодня.] 2 January 2018. URL: https://sms.mofcom.gov.cn/yadlyfzyoqdqzmx-dhz/art/2018/art_fafc7af1d2be46efb74f623225535ac1.html (дата обращения: 05.03.2025) (на кит. яз.).
4. Sputnik-Грузия. Грузия и Китай установили стратегическое партнерство – все детали. 31 июля 2023 г. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20230731/gruziya-i-kitay-reshili-ustanovit-strategicheskoe-partnersvo---tekst-dokumenta-280618427.html> (дата обращения: 02.01.2025) (на рус. яз.).
5. 中国新闻网. 中国与格鲁吉亚签署共建“一带一路”合作规划.[Китай и Грузия подписали план сотрудничества по совместному развитию инициативы «Один пояс, один путь»]. 1 August 2023. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2023/08-01/10053473.shtml> (дата обращения: 02.01.2025) (на кит. яз.).
6. 格鲁吉亚阿尔特大学孔子学院. [Институт Конфуция при Университете Альте в Грузии.] URL: <https://faoffice.lzu.edu.cn/hdapp/bas/col.php?sn=dblskf> (дата обращения: 10.02.2025) (на кит. яз.).
7. Confucius Institute. 库塔伊西大学孔子课堂. 11 December 2020. URL: <https://ci.cn/en/site/1143001000/> (дата обращения: 10.02.2025) (на кит. яз.).
8. 我校首次开设科摩罗语等六门亚非语种课程. [Открытие курсов по шести афро-азиатским языкам, включая коморский, в нашем университете.] 5 July 2018. URL: <https://asian.bfsu.edu.cn/info/1065/1483.htm> (дата обращения: 08.02.2025). (на кит. яз.).

9. 全球化智库 (CCG). 中国留学发展报告蓝皮书(2023-2024). [Развитие китайских студентов, обучающихся за рубежом (2023–2024 гг.).] URL: <http://www.ccg.org.cn/archives/84288> (дата обращения: 08.02.2025). (на кит. яз.).
10. 薛海波.(2020).中国与外高加索三国跨境高等教育合作刍议 [Исследование трансграничного сотрудничества в сфере высшего образования между Китаем и тремя странами Южного Кавказа]. 福建工程学院学报, 福州, 第 2 期(第18卷). — pp. 178–184. (на кит. яз.).
11. 邱丽玲, 孟涛. (2021). 东西方文化交融场域中武术的跨文化互动实践——格鲁吉亚为例. [Реальность межкультурного взаимодействия ушу в смешанной среде: Грузия в качестве примера] 浙江体育科学, 杭州, 第5期(第43卷). — pp. 44–59. (на кит. яз.).
12. Лань Пэнхэ. (2022). Сотрудничество между Китаем и Грузией в гуманитарной области (2013–2022 гг.) // Труды БГТУ.– Сер. 6, No. 2. – С. 79–89. (на рус. яз.).
13. საერთაშორისო კონფერენცია "სინოლოგია, ერთი სარტყელი ერთი გზა". [Международная конференция "Синология: Один пояс, один путь".] 19 October 2021. URL: <https://sinologia.ge/saerthashoriso-konpherentsia-sinologia-erthi-sartqheli-erthi-gza/> (дата обращения: 20.02.2025) (на груз. яз.).
14. ქართული კულტურით აღფრთოვანებული ჩინელი, რომელმაც ქართული გვარ-სახელი მიიღო. [Китаец, восхищённый грузинской культурой, который принял грузинскую фамилию.] 26 December 2018. URL: <http://gza.kvirispalitra.ge/life/6687-kartuli-kulturit-agprtovanebuli-chineli-romelmac-kartuli-gvar-saxeli-miigo/> (дата обращения: 20.02.2025) (на груз. яз.).
15. ჩინური ხელოვნება ეროვნულ მუზეუმში. [Китайское искусство в Национальном музее.] 31 December 2019. URL: <https://geoecohub.ge/2019/12/31/ჩინური-ხელოვნება-ეროვნულ/> (дата обращения: 20.02.2025) (на груз. яз.).
16. 中国日报网. «相约北京»赏史诗歌剧嗨唱世界流行音乐. [Встреча в Пекине: эпическая опера и мировая поп-музыка на сцене.] 6 January 2021. URL: <https://ent.chinadaily.com.cn/a/202101/06/WS5ff56340a3101e7ce973961a.html> (дата обращения: 15.01.2025) (на кит. яз.).
17. 中国戏剧家协会. 中国剧协小梅花艺术团出访格鲁吉亚载誉而归. [Труппа "Маленькая слива" Китайской театральной ассоциации с почётом вернулась из гастролей в Грузию.] 15 June 2024. URL: https://www.chinatheatre.org.cn/wshd/202412/t20241223_1334893.html (дата обращения: 20.02.2025) (на кит. яз.).
18. 网易订阅. 再续中格人文交流新篇章——格鲁吉亚诗人邵塔·鲁斯塔维利雕塑落成仪式在京圆满举行. [Новая глава в культурном обмене между Китаем и Грузией: в Пекине состоялась церемония открытия памятника грузинскому поэту Шота Руставели.] 24 September 2024. URL: <https://www.163.com/dy/article/JCRC6RE00514R9OJ.html> (дата обращения: 20.01.2025) (на кит. яз.).
19. Shalva Chikhladze. მო იენი - მოთხრობები [Мо Янь — Рассказы]. 21 March 2022. URL: <https://sinologia.ge/mo-ieni-mothkhroebi/> (дата обращения: 23.12.2024). (на груз. яз.).
20. 穆良. 格鲁吉亚两部当代文学佳作将翻译成中文. [Два произведения современной грузинской литературы будут переведены на китайский язык.] 26 March 2017. URL: <https://sinomedia.ge/%e6%a0%bc%e9%b2%81%e5%90%89%e4%ba%9a%e4%b8%a4%e9%83%a8%e5%bd%93%e4%bb%a3%e6%96%87%e5%ad%a6%e4%bd%b3%e4%bd%9c%e5%b0%86%e7%bf%bb%e8%af%91%e6%88%90%e4%b8%ad%e6%96%87/> (дата обращения: 23.12.2024)

- (на кит. яз.).
21. Manana Tandashvili, Mariam Kamarauli. (2023). Translating the Stylistic Devices of The Knight in the Panther's Skin. Georgia, Digital Kartvelology. Vol. 2. pp82-105. (на англ. яз.).
 22. Shalva Chikhladze. გამოცემა პირველი ქართულენოვანი წიგნი ჩინეთის ისტორიის შესახებ. [Издана первая книга на грузинском языке о истории Китая] Синология. 2 January 2023. URL: <https://sinologia.ge/gamoitsa-pirveli-kharthulenovani-cigni-chinethis-istoriis-shesakheb/> (дата обращения: 10.01.2025) (на груз. яз.).
 23. 北京语言大学“一带一路”研究院. 格鲁吉亚汉学家理事会召集人玛琳娜最新著作出版. [Грузинский синолог Марина издает свою последнюю книгу.] 2 April 2024. URL: <https://get.blcu.edu.cn/info/1090/2375.htm> (дата обращения: 23.12.2024) (на кит. яз.).
 24. Посольство Грузии в КНР. Chronology of Diplomatic Relations. URL: <https://china.mfa.gov.ge/en/china-peoples-republic-of> (дата обращения: 05.03.2025) (на англ. яз.).
 25. 中华人民共和国文化和旅游部. 文化和旅游部副部长会见格鲁吉亚驻华大使. [Министерство культуры и туризма КНР. Заместитель министра культуры и туризма встретился с послом Грузии в Китае.] 17 August 2021. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202108/t20210817_927185.htm (дата обращения: 23.12.2024) (на кит. яз.).
 26. Посол Китая: Китайско-грузинское стратегическое партнерство подняло отношения на самый высокий уровень в истории. 18 июля 2024 г. URL: <https://www.apsny.ge/2024/pol/1721320416.php> (дата обращения: 15.01.2025) (на рус. яз.).
 27. 赵媛. (2024). “一带一路”背景下的格鲁吉亚电影: 产业与文化观察. [Грузинские фильмы на фоне инициативы "Один пояс, один путь": отраслевые и культурные наблюдения.] 电影文学. 长春, 第 6 期. — pp. 44–51. (на кит. яз.).
 28. 朱政. (2016). 国际电影知名人士访谈录(三). [Интервью с международными кинозвездами (Часть 3)]. 银皮书: 2015中国电影国际传播年度报告. 北京. — pp. 174–175. (на кит. яз.).
 29. 格鲁吉亚“中国电影节”在第比利斯隆重开幕. [В Тбилиси торжественно открылся "Китайский кинофестиваль" в Грузии. Китайский национальный киноархив.] 18 September 2023. URL: <https://www.cfa.org.cn/eportal/ui?pagelId=37a0783c76bd4611b82235402ea26f03&articleKey=2c3e10f836434460abee2f19b0441849&columnId=1391cb85f05243dd9f0c11694fe9f815> (дата обращения: 15.03.2025) (на кит. яз.).
 30. 人民网. 中国与格鲁吉亚互利合作持续深入. [Китайско-грузинское взаимовыгодное сотрудничество продолжает углубляться.] 20 March 2024. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2024/0320/c1002-40199048.html> (дата обращения: 15.02.2025) (на кит. яз.).

References:

1. Kontseptsiya sotrudnichestva na more v ramkakh initsiativy “Odin poyas i odin put” [Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative]. June 21, 2017. Available at: http://russian.china.org.cn/china/txt/2017-06/21/content_41068084.htm (accessed: 20.11.2024). (In Russian).
2. Xinhua News Agency (China). Woguo yi yu 152 ge guojia, 32 ge guoji zuzhi qianshu gongjian “Yidai Yilu” hezuo wenjian [Our country has signed documents on jointly building the BRI with 152 countries and 32 international organizations]. August 24, 2023. Available at: https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202308/content_6899977.htm (accessed: 15.02.2025) (на кит. яз.).

- 10.05.2024). (In Chinese).
3. Shangwu Bu. Zhongguo yu Gelujiya zimao xieding jinri shengxiao. [Ministry of Commerce of the PRC. The China–Georgia Free Trade Agreement enters into force today.] January 2, 2018. Available at: https://sms.mofcom.gov.cn/yadlyfzoydqzmxhzh/art/2018/art_fafc7af1d2be46efb-74f623225535ac1.html (accessed: 05.03.2025). (In Chinese).
 4. Sputnik-Gruziya. Gruziya i Kitay ustanovili strategicheskoe partnerstvo – vse detail. [Georgia and China established a strategic partnership – all the details]. 31 July 2023. Available at: <https://sputnik-georgia.ru/20230731/gruziya-i-kitay-reshili-ustanovit-strategicheskoe-partnerstvo---tekst-dokumenta-280618427.html> (accessed: 02.01.2025). (In Russian).
 5. Zhongguo yu Gelujiya qianshu gongjian “Yidai Yilu” hezuo guihua. [China and Georgia signed a cooperation plan for jointly building the Belt and Road Initiative.] 1 August 2023. Available at: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2023/08-01/10053473.shtml> (accessed: 02.01.2025). (In Chinese).
 6. Gelujiya A'erte Daxue Kongzi Xueyuan. [Confucius Institute at Alte University in Georgia]. Available at: <https://faoffice.lzu.edu.cn/hdapp/bas/col.php?sn=dblskf> (accessed: 10.02.2025). (In Chinese).
 7. Kongzi Xueyuan. Kutayixi Daxue Kongzi Ketang. [Confucius Institute. Confucius Classroom at Kutaisi University.] 11 December 2020. Available at: <https://ci.cn/en/site/1143001000/> (accessed: 10.02.2025). (In Chinese).
 8. Wo xiao shouci kaishe Kemoluoyu deng liu men Yafei yuzhong kecheng. [Our university launched six Asian and African language courses, including Comorian, for the first time]. 5 July 2018. Available at: <https://asian.bfsu.edu.cn/info/1065/1483.htm> (accessed: 08.02.2025). (In Chinese).
 9. Center for China & Globalization. (2024). Zhongguo liuxue fazhan baogao lanpishu (2023–2024). [The Development of Chinese Students Studying Abroad (2023–2024)]. Available at: <http://www.ccg.org.cn/archives/84288> (accessed: 08.02.2025). (In Chinese).
 10. Xue Haibo. (2020). Zhongguo yu Waigaojiaosu sanguo kuajing gaodeng jiaoyu hezuo chuyi. [Research on cross-border higher education cooperation between China and the three Transcaucasian countries]. Journal of Fujian University of Technology, Fuzhou, Vol. 18, No. 2, 2020, pp. 178–184. (In Chinese).
 11. Qiu Liling, Meng Tao. (2021). Dongxifang wenhua jiaorong changyu zhong Wushu de kuawenhua hudong shiran – Gelujiya wei li. [The reality of intercultural interaction of Wushu in mixed field – Georgia as a case]. Zhejiang Sport Science, Hangzhou, Vol. 43, No. 5, pp. 44–59. (In Chinese).
 12. Lan Penghe. (2022). Sotrudnichestvo mezhdu Kitaem i Gruzией v humanitarnoy oblasti (2013–2022 gg.) [Cooperation between China and Georgia in the humanitarian field (2013– 2022).] Proceedings of BSTU, issue 6, No. 2 (263), pp. 79–89 (In Russian).
 13. Sinologia.ge. Saertashoriso konferentsia “Sinologia, Erti Sartqheli Erti Gza”. [International Conference “Sinology, One Belt One Road”.] 19 October 2021. Available at: <https://sinologia.ge/saerthashoriso-konferentsia-sinologia-erthi-sartqheli-erthi-gza/> (accessed: 20.02.2025). (In Georgian).
 14. kartuli kulturit agprtovanebuli Chineli, romelmac kartuli gvar-saxeli miigo. [A Chinese Person Fascinated by Georgian Culture Who Adopted a Georgian Surname]. 26 December 2018. Available at: <http://gza.kviripalitra.ge/life/6687-kartuli-kulturit-agprtovanebuli-chineli-romelmac>

- kartuli-gvar-saxeli-miigo/ (accessed: 20.02.2025). (In Georgian).
15. Chinuri khelovneba erovnul muzeumshi. [Chinese art in the National Museum]. GeoEcoHub. 31 December 2019. Available at: <https://geoecohub.ge/2019/12/31/ჩინური-ხელოვნება-ეროვნულ/> (accessed: 20.02.2025). (In Georgian).
 16. "Xiangyue Beijing" shang shishi geju, hai chang shijie liuxing yinyue. ["Meet in Beijing": epic opera and global pop music on stage] China Daily. 6 January 2021. Available at: <https://ent.chinadaily.com.cn/a/202101/06/WS5ff56340a3101e7ce973961a.html> (accessed: 15.01.2025). (In Chinese).
 17. Zhongguo Juxie Xiao Meihua Yishutuan chufang Gelujiya zaiyu er gui. [China Theatre Association's Little Plum Blossom Art Troupe Returns with Honors from Visit to Georgia]. China Theatre Association. 15 June 2024. Available at: https://www.chinatheatre.org.cn/wshd/202412/t20241223_1334893.html (accessed: 20.02.2025). (In Chinese).
 18. Zai xu Zhong-Ge renwen jiaoliu xin pianzhang – Gelujiya shiren Shota Lustawaili diaosu luocheng yishi zai Jing yuanman juxing. [A New Chapter in China-Georgia Cultural Exchange: Unveiling Ceremony of Georgian Poet Shota Rustaveli's Statue Held in Beijing] Wangyi Dingyue. 24 September 2024. Available at: <https://www.163.com/dy/article/JCRC6RE00514R9OJ.html> (accessed: 20.01.2025). (In Chinese).
 19. Shalva Chikhladze. Mo ieni – motkhrobbi. [Mo Yan – Short Stories]. Sinologia. 21 March 2022. Available at: <https://sinologia.ge/mo-ieni-motkhrobbi/> (accessed: 23.12.2024). (In Georgian).
 20. Mu Liang. Gelujiya liang bu dangdai wenxue jiazuo jiang fanyi cheng Zhongwen. [Two Contemporary Georgian Literary Masterpieces to Be Translated into Chinese]. 26 March 2017. Available at: <https://sinome-dia.ge/%e6%a0%bc%e9%b2%81%e5%90%89%e4%ba%9a%e4%b8%a4%e9%83%a8%e5%bd%93%e4%bb%a3%e6%96%87%e5%ad%a6%e4%bd%b3%e4%bd%9c%e5%b0%86%e7%bf%bb%e8%af%91%e6%88%90%e4%b8%ad%e6%96%87/> (accessed: 23.12.2024). (In Chinese).
 21. Manana Tandashvili, Mariam Kamarauli. (2023). Translating the Stylistic Devices of The Knight in the Panther's Skin. Georgia, Digital Kartvelology. Vol. 2. pp. 82-105. [in English]
 22. Shalva Chikhladze. Gamoitsa pirveli kharthulenovani ts'igni Chinethis istorii shesakheb. [The first Georgian-language book on the history of China has been published.] Sinologia. 2 January 2023. Available at: <https://sinologia.ge/gamoitsa-pirveli-kharthulenovani-cigni-chinethis-istoriis-shesakheb/> (accessed: 10.01.2025). (In Georgian).
 23. Gelujiya Hanyu Xuejia lishi hui zhaojiaren Malina zuixin zhuoquo chuban. [Georgian Sinologist Marina Publishes Her Latest Work]. Belt and Road Academy of Beijing Language and Culture University. 2 April 2024. Available at: <https://get.blcu.edu.cn/info/1090/2375.htm> (accessed: 23.12.2024). (In Chinese).
 24. Chronology of Diplomatic Relations. Embassy of Georgia to the People's Republic of China. Available at: <https://china.mfa.gov.ge/en/china-peoples-republic-of/> (accessed: 05.03.2025). (In English).
 25. Wenhua he luyou bu fubuzhang huijian Gelujiya zhuhua dashi. [Vice Minister of Culture and Tourism met with the Georgian Ambassador to China.] Ministry of Culture and Tourism of the People's Republic of China. 17 August 2021. Available at: https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/202108/t20210817_927185.htm (accessed: 23.12.2024). (In Chinese).
 26. Posol Kitaya: Kitaysko-gruzinskoye strategicheskoye partnerstvo podnyalo otnosheniya na samyy vysokiy uroven' v istorii. [Chinese Ambas-

sador: The China–Georgia strategic partnership has elevated relations to the highest level in history]. 18 July 2024. Available at: <https://www.apsny.ge/2024/pol/1721320416.php> (accessed: 15.01.2025). (In Russian).

27. Zhao Yuan. (2024). "Yidai Yilu" beijing xia de Gelujiya dianying: chanye yu wenhua guanCha. [Georgian Films under the Background of "the Belt and Road": Industry and Cultural Observations]. Movie Literature, Changchun, No. 6, pp. 44–51. (In Chinese).
28. Zhu Zheng. (2016). Guoji dianying zhiming renshi fangtanlu (san). [Interviews with International Film Celebrities (Part 3)]. The Silver Paper: 2015 Annual Report on Research of International Dissemination of Chinese Films, Beijing, pp. 174–175. (In Chinese).
29. Gelujiya "Zhongguo dianyingjie" zai Dibilisi longzhong kaimu. [The "Chinese Film Festival" grandly opened in Tbilisi, Georgia.] China Film Archive. 18 September 2023. Available at: <https://www.cfa.org.cn/eportal/ui?pagelId=37a0783c76bd4611b82235402ea26f03&articleKey=2c3e10f836434460abee2f19b0441849&columnId=1391cb85f05243dd9f0c11694fe9f815> (accessed: 15.03.2025). (In Chinese).
30. Zhongguo yu Gelujiya huli hezuo chixu shenru. [China-Georgia Mutually Beneficial Cooperation Continues to Deepen] People's Daily Online. 20 March 2024. Available at: <http://world.people.com.cn/n1/2024/0320/c1002-40199048.html> (accessed: 15.02.2025). (In Chinese).

Материал поступил в редакцию 09.06.2025

Утвержден к публикации 22.09.2025

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ УНИВЕРСИТЕТОВ НА НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ КАТЕГОРИИ НА ОСНОВЕ МИРОВОГО ОПЫТА

Даниал Саари^{1*}

Даниус Павалкис²

Камран Гусейнов³

Дулат Есенбаев⁴

^{1*}Professor of Practice, директор Центра политических исследований Алматы Менеджмент Университета, Алматы, Казахстан; e-mail: d.saari@almau.edu.kz, ORCID: 0000-0003-3561-8209

² Профессор Литовского Университета наук здоровья, PhD, Каунас, Литва; e-mail: dainius.pavalkis@lsmu.lt, ORCID: 0000-0001-7339-3237

³Директор Института международных отношений Алматы Менеджмент Университета, кандидат политических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: k.guseinov@almau.edu.kz, ORCID: 0000-0001-7344-3433

⁴ Старший преподаватель Института международных отношений Алматы Менеджмент Университета, Алматы, Казахстан; e-mail: d.esenbayev@almau.edu.kz, ORCID: 0000-0002-4712-3062

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.009>

Аннотация. Классификация вузов по академической направленности является ключевым элементом формирования образовательной политики и стратегического планирования в сфере высшего образования. В данной статье рассмотрена методика классификации учебных, научно-исследовательских и прикладных университетов на основе анализа международного опыта. Критерии основаны на методологиях мирового рейтинга университетов, стандартах аккредитации, а также программных документах учебных заведений. Подходы, представленные в работе, направлены на создание единой системы критериев, которая может служить ориентиром для государственных органов, академического сообщества и других заинтересованных сторон, участвующих в процессе развития высшего образования.

Ключевые слова: образование, университет, классификация, обучение, система образования.

ӘЛЕМДІК ТӘЖІРІБЕ НЕГІЗІНДЕ УНИВЕРСИТЕТТЕРДІ ҒЫЛЫМИ-ЗЕРТТЕУ ЖӘНЕ ҚОЛДАНБАЛЫ САНАТТАРҒА ЖІКТЕУ КРИТЕРИЙЛЕРІ

Даниал Саари^{1*}, Даниус Павалкис², Камран Гусейнов³, Дулат Есенбаев⁴

^{1*} Professor of Practice, Саяси зерттеулер орталығының директоры, Алматы Менеджмент Университеті, Алматы, Қазақстан; e-mail: d.saari@almatau.edu.kz

² Литва Денсаулық ғылымдары университетінің профессоры, PhD, Каунас, Литва; e-mail: dainius.pavalkis@lsmu.lt

³ Халықаралық қатынастар институтының директоры, Алматы Менеджмент Университеті, саяси ғылымдарының кандидаты, Алматы, Қазақстан; e-mail: k.guseinov@almatau.edu.kz

⁴ Халықаралық қатынастар институтының аға оқытушысы, Алматы Менеджмент Университеті, Алматы, Қазақстан; e-mail: d.esenbayev@almatau.edu.kz

Аңдатпа. Университеттердің академиялық бағытына қарай жіктелуі білім беру саясатын қалыптастырудың және жоғары білім беру саласындағы стратегиялық жоспарлаудың негізгі элементі болып табылады. Бұл мақалада халықаралық тәжірибені талдау негізінде оқу, ғылыми-зерттеу және қолданбалы университеттерді анықтау әдістемесі қарастырылған. Критерийлер университеттердің әлемдік рейтингінің әдістемелеріне, аккредиттеу стандарттарына, сондай-ақ оқу орындарының бағдарламалық және миссиялық құжаттарына негізделген. Жұмыста ұсынылған тәсілдер мемлекеттік органдар, академиялық қоғамдастық және жоғары білім беруді дамыту процесіне қатысатын басқа да мүдделі тараптар үшін нұсқаулық бола алатын критерийлердің бірыңғай жүйесін жасауға бағытталған.

Түйін сөздер: білім, университет, классификация, оқыту, білім беру жүйесі.

CRITERIA FOR CLASSIFICATION OF UNIVERSITIES INTO RESEARCH AND APPLIED CATEGORIES BASED ON WORLD EXPERIENCE

Danial Saari^{1*}, Danius Pavalkis², Kamran Guseinov³, Dulat Yessenbayev⁴

^{1*} Professor of Practice, Director of the Center for Political Research, Almaty Management University, Almaty, Kazakhstan; e-mail: d.saari@almatau.edu.kz

² Professor of Lithuanian University of Health Sciences, PhD, Kaunas, Lithuania; e-mail: dainius.pavalkis@lsmu.lt

³ Director of the Institute of International Relations, Almaty Management University, PhD in Political Science, Almaty, Kazakhstan; e-mail:

Abstract. The classification of universities by academic orientation is a key element in the formation of educational policy and strategic planning in the field of higher education. This article discusses the methodology for determining educational, research and applied universities based on the analysis of international experience. The criteria are based on the methodologies of the world ranking of universities, accreditation standards, as well as program and mission documents of educational institutions. The approaches proposed in the work are aimed at creating a unified system of criteria that can serve as guidelines for government agencies, the academic community and other stakeholders involved in the process of developing higher education.

Keywords: *education, university, classification, training, education system.*

Введение

Современные высшие учебные заведения имеют различные миссии, структуры и приоритеты, которые определяют их роль в системе образования, экономике и обществе. Разделение университетов на преподавательские, исследовательские и прикладные играет ключевую роль в формировании академической политики, механизмов финансирования и стратегий взаимодействия с промышленностью. Исследовательские университеты сосредоточены на формировании новых знаний и фундаментальных исследований, а прикладные университеты сосредоточены на развитии практических навыков, сотрудничестве с бизнесом и подготовке специалистов для рынка труда.

Исторически на развитие университетов влияли экономические, культурные и технологические факторы. Первые университеты в Европе, такие как Университет Болоньи и Парижский университет, сосредоточились на подготовке образованного слоя общества посредством изучения классических текстов и религиозных учений. Наряду с промышленной революцией акцент был сделан на практическом применении знаний, что привело к созданию профессионально ориентированных учебных заведений, таких как, например, Европейский Политехнический институт. Эти учреждения удовлетворяли потребности быстро развивающихся отраслей, сочетая теоретические знания с прикладным обучением.

В XX веке университетские системы претерпели значительные изменения, усилилась формальная дифференциация между научно-исследовательскими и прикладными университетами. Растущий спрос на высшее образование способствовал увеличению числа как исследовательских университетов, занимающихся фундаментальными исследованиями, так и университетов, занимающихся подготовкой специалистов в области технологий и бизнеса. Эти тенденции нашли отражение в международной практике и способствовали выработке четких критериев классификации университетов, что повысило прозрачность образовательных систем, упростило процесс сравнительного анализа и улучшило стратегическое планирование в сфере высшего образования.

Данный отчет основан на исследовании, проведенном в целях совершенствования системы высшего образования Казахстана в рамках инициатив академического мастерства. В нем проводится подробный анализ существующих подходов к классификации университетов в разных странах, изучаются основные критерии, лежащие в основе этой классификации, и оценивается их влияние на финансирование, общественные результаты, академическую репутацию и образовательную политику. Результаты исследования могут быть использованы для выработки предложений по развитию высшего образования в Казахстане, направленных на международные стандарты качества и конкурентоспособности.

Методология и обзор литературы

Данное исследование опирается на метод сравнительного кейс-анализа, применяемого для выявления критериев институциональной классификации университетов на исследовательские и прикладные. Такой подход позволяет не только сопоставить существующие модели высшего образования в различных странах, но и выявить закономерности в их нормативной и организационной структуре.

Для сбора и анализа данных использованы вторичные источники, в том числе международные и национальные образовательные классификаторы, аккредитационные стандарты, официальные доклады, а также научные публикации. Особое внимание уделено странам с различными моделями высшего образования: США, Великобритании, Германии, Финляндии, Нидерландам, Китаю, России и Казахстану. Контент-анализ документов, тематическая интерпретация и описательная статистика позволили сопоставить институциональные различия в рамках единой методологической рамки.

В числе ключевых источников — классификация Carnegie (США), отражающая распределение вузов по уровню исследовательской активности (Carnegie Classification, 2025), система оценки научной результативности в Великобритании (REF, 2021), а также Teaching Excellence Framework (Office for Students, 2025), акцентирующая внимание на качестве преподавания. В случае Финляндии изучена модель дуального высшего образования, в рамках которой университеты и университеты прикладных наук (UAS) выполняют различные, но дополняющие друг друга функции (Fulbright Finland; Nuffic, 2025).

Отдельный интерес вызвала китайская модель, где проводится целенаправленное институциональное разграничение университетов по миссиям и задачам, включая развитие «профессиональных университетов», ориентированных на потребности экономики (Postiglione, 2024). Данные тенденции подкреплены исследованиями, раскрывающими различия в структуре научной работы и ее институциональной поддержке (Shi, Wang & Zhang, 2022). Проблематика влияния глобальных рейтингов на внутреннюю политику университетов также получила отражение в трудах Altbach (2002), Erkillä и Piironen (2020), а также в более современных публикациях (Mamajonova, 2025).

Касательно постсоветского пространства, были проанализированы законодательные и стратегические документы, регулирующие деятельность вузов в Казахстане и России, включая законы об образовании и подзаконные акты. Кроме того, в работу включены исследования, посвященные институциональ-

ной трансформации университетов в условиях глобализации и внутренней реформы (Мусина, 2023; Шевченко, 2014; Ким, 2016; Кудашова, 2022).

Сочетание кейс-анализа, нормативного и стратегического контекста, а также академической литературы позволило сформулировать систему критериев, отражающих различия между исследовательскими и прикладными университетами в международной перспективе. Такой подход, в свою очередь, обеспечивает целостное понимание процессов институциональной дифференциации в сфере высшего образования.

В мировой практике университеты классифицируются по учебным и исследовательским миссиям. Основные категории включают исследовательские университеты, университеты прикладных наук, профессиональные колледжи и институты, колледжи и младшие колледжи, специализированные институты [1,3,6].

Результаты сравнительного анализа и институциональные выводы

В мировой практике университеты классифицируются по различным категориям, отражающим их основную деятельность, результаты и особенности управления. К основным критериям относятся предлагаемый уровень образования и академическая направленность, интенсивность и объем научных исследований, специфика направления обучения и образовательных программ, сотрудничество в отраслевой и практической направленности, модель управления и структура финансирования, объем деятельности [2, 8].

Основная цель классификации – не дифференцировать университеты по качеству, а создать сопоставимые группы для анализа и развития образовательной политики. В странах, где официально закреплены классификационные категории, университеты разных типов могут иметь разные требования и механизмы финансирования.

Разные страны разработали свои собственные подходы к классификации университетов, отражая особенности и национальные приоритеты своих систем образования. Ниже приведены несколько примеров (США, Германия, Финляндия, Китай, Великобритания и т. д.), чтобы проиллюстрировать принципы классификации на практике.

В США существует одна из самых популярных систем классификации – классификация высших учебных заведений Карнеги. Впервые разработанная в 1970 году, она группирует все аккредитованные колледжи и университеты страны по ряду критериев, основными из которых являются наивысший уровень присуждаемых степеней и интенсивность исследовательской деятельности [7].

На вершине иерархии находятся докторские университеты, разделенные по уровню научных исследований. К ним относятся:

- R1: докторские университеты с высокой исследовательской активностью;
- R2: научно-исследовательская деятельность и высшие докторские университеты.

Эти категории включают ведущие исследовательские университеты США, которые имеют широкие возможности для подготовки докторантов и получения значительного федерального финансирования исследовательских проектов. В академическом сообществе статус R1 связан с ведущими универ-

ситетами страны, и многие учебные заведения, такие как магистерские колледжи и университеты, бакалаврские и ассоциированные колледжи, ставят свои достижения в качестве стратегической цели.

Эта система отражает разнообразие американского высшего образования: от небольших учебных колледжей до крупных исследовательских центров. Например, такие университеты, как Гарвард, Стэнфорд и Массачусетский Технологический Институт (MIT), попадают под категорию R1, а местные колледжи и профессиональные институты попадают под категорию младших колледжей или специализированных учебных заведений.

Помимо классификации Карнеги, в Соединенных Штатах федеральное правительство и различные образовательные организации, подотчетные всем государственным и частным образовательным учреждениям, используют другие термины [10]. Например, термины общественный колледж, технический колледж и исследовательский университет имеют формальное значение в образовательной политике и статистике. Общественные колледжи занимают важное место в системе образования США, обеспечивая обучение на уровне ниже бакалавриата. Они предлагают программы и сертификаты ассоциированных степеней и имеют соглашения о переводе студентов с четырехлетними университетами [5]. С другой стороны, исследовательские университеты (включая “Лигу Плюща”) являются ведущими академическими и исследовательскими центрами с программами магистратуры и докторантуры.

Классификация Карнеги оказывает значительное влияние на распределение финансирования и общественное восприятие университетов. Например, университеты R1 получают значительное федеральное финансирование от Национального научного фонда (NSF), Национальных институтов здравоохранения (NIH) и других агентств. Они также имеют высокую плату за обучение и репутацию, а государственные колледжи, специализирующиеся на обучении, получают большую часть своего финансирования от государственных и местных органов власти.

Системы высшего образования в разных странах имеют свои особенности и традиции, определяющие структуру классификации университетов. Германия и Финляндия являются примерами стран, которые разработали бинарную модель, которая различает исследовательские и прикладные образовательные учреждения. Такой подход обеспечивает развитие как академической науки, так и профессионально ориентированного обучения, что позволяет формировать различные образовательные траектории.

Высшее образование в Германии традиционно делится на два типа: научное университетское образование и высшее профессиональное образование, предлагаемое отдельными учебными заведениями. Основное отличие этих типов вузов – характер учебного процесса. В университете программы в основном теоретические, а обучение в университетах прикладных наук (Fachhochschule) сочетается с практикой: программы включают обязательные стажировки, а преподаватели обычно имеют значительный опыт работы в отрасли.

Бинарная система образования в Германии закреплена законом, статус университетов строго регламентирован. Исследовательские университеты получают основную часть финансирования конкурентоспособных исследований, например, от немецкого исследовательского фонда (DFG), и име-

ют большие бюджеты на развитие научной инфраструктуры. Университеты прикладных наук получают государственную поддержку, направленную на обучение и развитие региональной экономики.

Несмотря на разницу в статусе, оба типа учебных заведений признаются полноценными университетами, и их выпускники получают академически признанные степени. В рамках Болонского процесса *Fachhochschule* получил право на получение степени магистра, и их выпускники могут продолжить обучение в докторантуре после перевода в исследовательский университет. При этом, как отмечает Н. Кудашова, около 90% вузов Германии осуществляют обучение по программам бакалавриата и магистратуры [11, с. 27].

Помимо университетов в Германии также есть колледжи искусств и музыки и специализированные институты университетского уровня. Эта модель применяется и в других странах, таких как Австрия, Нидерланды и Финляндия [9].

В последние годы границы между этими категориями становятся все более размытыми: *Fachhochschule* активно разрабатывает прикладные исследования и сотрудничает с университетами по программам докторантуры. Однако структура бинарной системы остается неизменной, обеспечивая параллельные пути обучения: один основан на исследованиях, а другой сосредоточен на практическом применении знаний.

Высшее образование в Финляндии также структурировано по бинарному принципу, при этом обе категории учебных заведений развиваются параллельно. В стране 14 исследовательских университетов и 24 Университета прикладных наук (UAS), работающих в единой системе. Исследовательские университеты уделяют особое внимание научным исследованиям и теоретическим знаниям, предлагая степени до получения докторской степени. Университеты прикладных наук предоставляют практико-ориентированное образование, ориентированное на потребности рынка труда. Они предлагают программы в основном в области высоких технологий, здравоохранения, бизнеса и прикладного искусства.

Создание UAS в 1990-х годах было направлено на укрепление высшего профессионального образования и адаптацию обучения к экономическим потребностям страны, особенно в контексте подготовки кадров для рынка труда. Учебные планы разрабатываются в тесном сотрудничестве с промышленностью, а стажировки являются обязательным элементом образовательного процесса.

Механизмы финансирования и управления в Финляндии также различаются в зависимости от типа высшего учебного заведения. Министерство образования Финляндии отвечает за обе области, но использует различные критерии эффективности для распределения финансирования, уделяя особое внимание издательской деятельности, количеству защищенных диссертаций, международным рейтингам, трудоустройству выпускников, региональному влиянию и партнерству с работодателями. Разница в категориях заключается в том, что только университеты имеют право присуждать докторские степени. Эта система позволяет развивать академические исследования, обеспечивая при этом высокий уровень профессиональной подготовки.

Подобно Германии, бинарная структура финского высшего образования рассматривается как оптимальный баланс между фундаментальной наукой

и прикладными исследованиями. Она предлагает стране академические исследования мирового уровня (например, Университет Хельсинки), а также профессионально ориентированные образовательные программы по всей стране.

Система высшего образования в Китае является одной из крупнейших в мире и имеет сложную классификационную структуру в зависимости от размера страны и стратегических приоритетов ее развития. Как правило, университеты в Китае делятся на научно-исследовательские университеты (общего профиля) и высшие профессиональные учебные заведения, дополнительно дифференцируются по административной подчиненности и специальным обязанностям. Китайские высшие учебные заведения включают в себя исследовательские университеты (проект 985, проект 211 и в настоящее время инициатива двойного первого класса) [12], высшие профессиональные и прикладные университеты.

По данным на 2012 год, из 2442 высших учебных заведений Китая 1145 были четырехлетними учебными заведениями (в основном университетами бакалавриата), а 1297-двух - или трехлетними колледжами. Эти учреждения в основном представляют собой высшие профессиональные колледжи, которые предлагают программы, направленные на подготовку профессионалов в определенных областях. Они присуждают степени младшего специалиста или сертификаты о среднем профессиональном образовании в прикладных областях.

В последние годы китайское правительство реализует инициативы по укреплению престижа профессионального образования, в частности, путем повышения некоторых профессиональных колледжей до статуса "университетов профессионального и технического профиля", предлагающих степени бакалавра прикладных наук, делая акцент на профессиональном обучении. Эти учреждения продолжают сосредотачиваться на практических навыках (например, технологии производства, инженерия, финансы), а также предлагают выпускникам более широкие академические перспективы. Данные меры привели к популяризации высшего образования в Китае. В 2022 г., по сравнению с началом 2000-х гг., охват населения высшим образованием вырос почти в 4 раза и составил 59,6 % [13, с. 30].

Министерство образования Китая классифицирует образовательные организации по критериям, ориентированным на уровень образования, административное подчинение (центральное, провинциальное, частное) и особый статус (участие в таких программах, как двойной первый класс).

В последние годы китайское правительство уделяло особое внимание улучшению качества и статуса профессионального сектора, стремясь предоставить выпускникам колледжей возможность расширить свои карьерные перспективы и интегрироваться на рынок труда. Таким образом, китайская модель высшего образования представляет собой стратифицированную систему, в которой исследовательские университеты служат основой инноваций и глобальной конкурентоспособности, в то время как профессиональные колледжи играют решающую роль в обучении талантов и социальной мобильности. Данные типы учебных заведений являются неотъемлемой частью образовательной политики Китая в обоих, но регулируются и оцениваются на основе различных критериев.

Система высшего образования Великобритании исторически претерпела значительные изменения, превратившись из бинарной модели в единую, но внутренне дифференцированную структуру. До 1992 года британские высшие учебные заведения были разделены на университеты и политехнические институты, специализирующиеся на Академической и исследовательской деятельности, основной задачей которых было обучение и подготовка специалистов в прикладных областях (аналогично современным университетам прикладных наук). Однако с принятием закона «О дополнительном и высшем образовании» 1992 года политехнические институты получили статус университетов, что привело к созданию новых университетов. Несмотря на формальную унификацию, в аналитическом и финансовом аспектах все еще существует различие между "университетами до 1992 года" (исторически сложившиеся исследовательские университеты) и "университетами после 1992 года" (ранее политехнические университеты, с более выраженной преподавательской направленностью) [9]. Отдельная категория состоит из специализированных колледжей в области искусства, музыки и других творческих дисциплин, которые также сохраняют свое особое место в классификации [9].

Финансовые органы Великобритании продолжают учитывать эти исторические категории при распределении средств и проведении анализа. Например, бывший совет по финансированию высшего образования Англии (HEFCE) классифицировал учреждения на основе их миссий и традиционных функций. Многие университеты, основанные до 1992 года, являются членами Russell Group, ассоциации исследовательских университетов, объединяющей ведущие исследовательские институты. Напротив, университеты после 1992 года сосредоточены на расширении доступа к обучению, прикладным исследованиям и высшему образованию. Хотя все эти учебные заведения официально являются университетами, различия в репутации, финансировании и стратегических приоритетах сохраняются и отражаются в политике высшего образования, включая распределение исследовательских грантов. Великобритания ввела ряд официальных механизмов оценки университетов, которые еще больше различают их в зависимости от академической и преподавательской деятельности, таких как Research Excellence Framework (REF), Teaching Excellence Framework (TEF) [14,15].

Великобритания демонстрирует пример системы образования, в которой, несмотря на формальную унификацию различных типов университетов, сохраняется стратификация, основанная на исторической миссии, академической репутации и показателях эффективности. Эти различия также влияют на выбор студентов (многие сосредотачиваются на принадлежности университета к научному сообществу) и на государственную образовательную политику (например, целевые инициативы по финансированию исследований в основном сосредоточены в исследовательских университетах).

В России система высшего образования представлена учреждениями различных типов, классификация которых основана на их учебной и научной деятельности. В соответствии с Федеральным законом от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О Высшем и послевузовском профессиональном образовании» выделяются следующие виды университетов: федеральные университеты, университеты, академии и институты [16].

Федеральные университеты — это университеты, реализующие инновационные образовательные программы, интегрированные в мировое образовательное пространство. Они направлены на системную модернизацию высшего образования, подготовку кадров для всестороннего социально-экономического развития регионов, а также фундаментальные и прикладные научные исследования по многим наукам. Федеральные университеты, являясь ведущими научно-методическими центрами, обеспечивают интеграцию науки, образования и производства [17].

Академии реализуют образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования, осуществляют обучение и повышение квалификации высококвалифицированных работников по определенной области научной и научно-педагогической деятельности. Они проводят фундаментальные и прикладные научные исследования в основном в одной из областей науки или культуры и являются ведущими научно-методическими центрами в своей области [17]. Таким образом, классификация российских вузов основывается на их учебно-научной деятельности, что позволяет определить учреждения с различными задачами и направлениями работы, будь то учебная, научно-исследовательская или прикладная деятельность.

В системе высшего образования Казахстана университеты классифицируются по категориям учебной, научно-исследовательской и прикладной деятельности, что отражает их миссию и функциональные особенности. С 2019 года в Казахстане действует единая система управления высшим образованием, позволяющая контролировать существующие образовательные программы и классифицировать университеты по различным критериям [19].

Согласно нормативным документам, университеты в Казахстане делятся на несколько категорий, в том числе, исследовательские университеты: университеты, специализирующиеся на проведении научных исследований и подготовке высококвалифицированных кадров, академии и институты [19]. Как отмечают исследователи, одной из главных задач является интеграция системы образования Казахстана в мировую систему и соответствие мировым стандартам. [20, с. 33]. По этой причине критерии классификации университетов разработаны с учетом методов ведущих международных рейтингов в области высшего и послевузовского образования, таких как QS World University Rankings и Times Higher Education World University Rankings. При этом в Казахстане существует своя независимая система классификация, составляемая Независимым Казахстанским агентством по обеспечению качества образования (НАОКО). При классификации вузов используется собственная методология, а вузы классифицируются на следующие категории: многопрофильные, технические, гуманитарно-экономические, педагогические [21, с. 66]. Каждая категория вузов играет определенную роль в системе высшего образования Казахстана. Классификация вузов Казахстана по видам преподавательской, научно-исследовательской и прикладной деятельности способствует улучшению качества образования, развитию научных исследований и удовлетворению потребностей рынка труда в квалифицированных специалистах.

Финансирование университетов во многом определяется их классификацией. Университеты, ориентированные на исследования, обычно требуют значительно больших бюджетов для содержания лабораторий, оплаты науч-

ных сотрудников и поддержки программ магистратуры. Напротив, учебные и прикладные университеты работают в рамках более ограниченных бюджетов, основная цель которых – обеспечить учебный процесс. Государственные учреждения и финансовые агентства используют классификацию университетов для управления ресурсами. Например, ведущие исследовательские университеты Великобритании получают дополнительные государственные субсидии на основе своих результатов в рамках Research Excellence Framework [15].

Аналогичный механизм работает в Германии. Здесь программа Excellence Strategy предоставляет дополнительное финансирование ограниченному количеству исследовательских университетов для повышения их глобальной конкурентоспособности. Такие инвестиции отражают концепцию, согласно которой исследовательские университеты являются основной движущей силой инноваций и нуждаются в специальной поддержке.

Напротив, университеты прикладных наук и общественные колледжи обычно финансируются с помощью формул, связанных с поступлением и выполнением программы. В государственном секторе такие учреждения получают значительную часть своего финансирования из региональных или провинциальных бюджетов на поддержку образовательных и профессиональных программ. В США, например, общественные колледжи финансируются в основном за счет государственных и местных органов власти и платы за обучение, но практически не получают федерального финансирования исследований в соответствии с их образовательной миссией. В Европе система бинарного финансирования включает отдельные потоки финансирования: академические университеты получают государственное финансирование как для обучения, так и для исследований, в то время как прикладные университеты финансируются в основном за счет субсидирования образования и целевых грантов на прикладные исследования. Классификация университетов также влияет на их способность получать гранты и привлекать частный капитал. Исследовательские университеты имеют доступ к национальным научным фондам и международным грантовым программам, из которых часто исключаются учебные и прикладные университеты. Кроме того, данные учреждения могут привлекать финансирование через программы поддержки занятости, фонды развития рабочей силы или партнерские отношения с промышленным сектором. Например, Институт прикладных наук может заключать контракты с промышленным сектором для проведения исследований и получения финансирования непосредственно от бизнеса, что является важным источником дохода для многих прикладных университетов.

В этом смысле различие между государственными и частными университетами также играет важную роль. Государственные исследовательские университеты получают государственное финансирование в сочетании с обычной оплатой обучения, в то время как элитные частные исследовательские университеты полагаются на плату за обучение и пожертвования. С другой стороны, общественные колледжи получают значительные государственные субсидии, чтобы поддерживать низкую плату за обучение местных студентов.

Классификация университетов определяет их различные роли в экономике и обществе, что позволяет максимально использовать уникальные преимущества университетов. Исследовательские университеты играют ключевую

роль в расширении границ научных знаний, стимулировании инноваций и подготовке высококвалифицированных специалистов, таких как ученые и постдок исследователи. Они рассматриваются как важные и мощные драйверы глобальных инноваций и экономического развития, способствующие созданию новых технологий и решению сложных проблем. Например, крупные исследовательские университеты часто становятся центрами инновационных кластеров (например, Стэнфордский университет в Силиконовой долине, Кембриджский университет в технологическом кластере Великобритании). Кроме того, исследовательские университеты, являясь центром экспертного сообщества и интеллектуальных дискуссий, вносят значительный культурный и социальный вклад, а также предлагают обширные образовательные программы, которые формируют будущих лидеров. Однако их влияние часто бывает долгосрочным и может быть менее заметным в краткосрочной перспективе, например, фундаментальные исследования могут привести к осязаемым результатам через несколько лет, а выпускники могут перейти к академической карьере. Напротив, прикладные университеты, технические институты и колледжи сосредоточены на удовлетворении текущих потребностей рынка труда и повышении квалификации населения. Их образовательные программы разработаны с учетом отраслевых требований, позволяющих готовить специалистов в таких востребованных областях, как здравоохранение, машиностроение, образование и технические специальности. Практическая направленность обучения способствует быстрой адаптации выпускников к профессиональной деятельности, что подтверждается высоким уровнем занятости. Эти учреждения выполняют важную функцию в региональной экономике, обеспечивая ее квалифицированными кадрами. В частности, политики и эксперты подчеркивают важность таких учреждений, поскольку диверсифицированные учебные заведения, такие как технические и профессиональные колледжи, эффективно дополняют традиционные университетские программы, предоставляя студентам знания и навыки, востребованные на рынке труда. Во многих странах правительства признают вклад политехнических и прикладных колледжей в сокращение безработицы среди молодежи и устранение нехватки специалистов в технической и профессиональной областях. В Соединенных Штатах, например, общественные колледжи активно участвуют в ускоренной профессиональной подготовке специалистов в области высокотехнологичного производства, информационных технологий и здравоохранения в сотрудничестве с работодателями.

Классификация университетов также имеет региональное измерение. Педагогические и прикладные университеты традиционно сосредоточились на взаимодействии с региональными предприятиями посредством консультативных советов, программ стажировок, прикладных исследовательских проектов, направленных на решение местных проблем. Наличие различных типов университетов на макроуровне помогает достичь сбалансированного экономического развития: исследовательские университеты обеспечивают инновации и производство новых знаний, а колледжи и политехнические школы способствуют распространению прикладных навыков среди населения. Исследования показывают, что страны с развитой системой профессионального высшего образования имеют более низкий уровень безработицы среди молодежи и более гибкий рынок труда, который может адаптироваться

к изменениям производственных потребностей. Кроме того, страны с сильными исследовательскими университетами демонстрируют высокие темпы патентования, создания стартапов и привлечения иностранных инвестиций в исследования и разработки.

Таким образом, диверсифицированная система высшего образования позволяет всесторонне поддерживать экономику – от создания передовых технологий и новых производств до подготовки кадров для традиционных и развивающихся отраслей. Общество выигрывает не только в экономическом плане, но и благодаря культурным и гражданским функциям университетов: исследовательские университеты формируют интеллектуальную элиту и укрепляют национальную репутацию в научной сфере, а государственные и прикладные колледжи способствуют социальной мобильности и развитию местных сообществ, расширению доступа к образованию.

Процедуры аккредитации и контроля качества также адаптированы в соответствии с классификацией учреждений. Разные категории учреждений требуют разных стандартов оценки. Для исследовательских университетов это может включать минимальное количество докторских программ, в то время как для колледжей и прикладных университетов основными показателями качества могут быть трудоспособность выпускников и эффективность поддержки студентов.

На международном уровне классификация университетов поддерживается, например, Болонским процессом в Европе, который устанавливает четкие различия между типами степеней и циклами обучения. Это позволяет университетам прикладных наук присуждать официально признанные степени бакалавра и магистра, сохраняя при этом отличие от академических степеней исследовательских университетов. В связи с принятием Болонской системы в высшем образовании европейских стран произошли значительные изменения, что подтверждается различными примерами, в том числе реформой высшего образования в Германии, о которой упоминалось ранее [11, с. 27]. В Европейском союзе наблюдаются тенденции реализации общей политики высшего образования в рамках регулирования Европейской комиссией [10].

Классификация влияет на уровень автономии университетов. Во многих странах ведущие исследовательские университеты обладают значительной независимостью в разработке своей исследовательской повестки, найме преподавателей и определении стратегических приоритетов. Кроме того, прикладные и педагогические вузы могут подвергаться строгому государственному регулированию, особенно если их деятельность направлена на удовлетворение потребностей рынка труда. Открытие новых учебных заведений в ряде стран также подчиняется логике классификации: например, государство может принять решение о расширении сети профессиональных колледжей для увеличения охвата населения или, наоборот, повысить статус группы колледжей до уровня университетов для укрепления исследовательского потенциала.

Примером такого процесса может служить политика Китая по превращению ряда профессионально-технических колледжей в "прикладные университеты", что позволило повысить их статус с упором на практическую подготовку специалистов [4]. В Великобритании отмена бинарной системы в 1992 году привела к массовой реорганизации политехнических университетов, что

потребовало пересмотра механизмов финансирования и контроля качества в условиях новой однородной системы.

Классификация также влияет на процессы интернационализации высшего образования. Международные соглашения о программах признания и обмена дипломами часто основываются на классификации университетов. Например, университеты прикладных наук могут сотрудничать с аналогичными политехническими институтами за рубежом, что способствует академической мобильности студентов по прикладным дисциплинам. Такие организации как ЮНЕСКО способствуют прозрачности систем классификации, что способствует глобальному сотрудничеству в области образования.

Многие страны периодически пересматривают свои классификационные модели. Например, система Карнеги в Соединенных Штатах обновляется каждые несколько лет, чтобы отразить изменения в институциональных профилях. В целом, современная образовательная политика направлена на поддержку разнообразия университетских типов, обеспечивая при этом их гибкость и взаимодействие, таким образом, система высшего образования функционирует как единый механизм [7].

Заключение

Глобальный ландшафт высшего образования характеризуется значительным разнообразием, и классификация университетов играет ключевую роль в структурировании и оптимизации этого разнообразия. Разделение высших учебных заведений на исследовательские университеты, университеты прикладных наук, профессиональные колледжи, общественные колледжи и другие категории помогает соответствовать адекватным ожиданиям в области развития высшего образования, эффективно распределять ресурсы и обеспечивать выполнение миссии каждой образовательной организации. Критерии классификации – такие как объем научных исследований, уровень предлагаемых образовательных программ, партнерство с промышленностью и система управления – отражают многогранные задачи, выполняемые университетами. Международный опыт показывает, что, несмотря на различия в терминологии, многие страны придерживаются необходимости различать академически ориентированные исследовательские университеты и учебные заведения, ориентированные на профессиональное обучение, поскольку каждая категория способствует достижению национальных целей.

Влияние классификации выходит далеко за рамки формального разделения университетов. Оно определяет модели финансирования: исследовательские университеты, как правило, получают значительные гранты и инвестиции, в то время как учебные заведения, ориентированные на обучение, сосредоточены на обеспечении доступа к образованию и реализации целевых программ подготовки специалистов. Социально-экономические роли этих институтов также разнообразны: научно-исследовательские университеты способствуют развитию экономики инновационного образования, а прикладные университеты ориентированы на подготовку кадров и решение практических задач на уровне регионов и отдельных отраслей. Классификация также влияет на репутацию учебных заведений и выбор студентов, поскольку их принадлежность к той или иной категории определяет качество образования и восприятие карьерного будущего выпускников. Правительствам необходи-

ма четко структурированная система классификации для обеспечения эффективного стратегического планирования, контроля качества и баланса между академическим совершенством и социальной справедливостью. Наиболее успешные системы высшего образования оценивают каждую категорию учреждений и обеспечивают их взаимодействие. Например, исследовательские университеты могут сотрудничать с техническими колледжами, чтобы дополнять друг друга в практико-ориентированном обучении и прикладных исследованиях, а гибкие возможности позволяют студентам переходить от профессионального обучения к академическим программам. С ростом спроса на высшее образование потребность в стратегической классификации и дифференциации только возрастает.

В будущем системы классификации должны адаптироваться к таким вызовам, как появление новых образовательных траекторий, рост популярности онлайн-обучения, трансформация рынка труда. Все эти факторы могут привести к появлению новых типов институтов и гибридных моделей.

В целом классификация вузов на мировом уровне остается динамичным, но фундаментальным инструментом управления высшим образованием. Это помогает четко определить миссии институтов, позволяет каждому из них сосредоточиться на своих сильных сторонах и обеспечивает механизмы для достижения национальных и международных целей в области развития образования.

Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего развития Республики Казахстан по теме ИРН BR21882373 «Разработка научно-методологических и концептуальных основ реализации инициативы академического превосходства в сфере высшего образования и науки».

Список литературы

1. World Bank. "Tertiary Education Overview" – highlights need for diversified institutions and role of technical/vocational tertiary education [Электронный ресурс]: <https://www.worldbank.org/en/topic/tertiary-education>.
2. Nuffic (Netherlands Organization for Internationalization in Education). Higher education in Germany [Электронный ресурс]: <https://www.nuffic.nl/en>
3. Fulbright Finland. "Higher Education in Finland." (n.d.) – Overview of Finland's dual system of universities and UAS [Электронный ресурс]: <https://www.fulbright.fi/studies-and-research-finland/higher-education-finland>
4. Postiglione, G. (2024). Skilled for the Future: How China is Transforming Vocational Education (Higher Ed Strategy Associates podcast) – discusses China's creation of "vocational universities" [Электронный ресурс]: <https://higheredstrategy.com/skilled-for-the-future-how-china-is-transforming-vocational-education-with-gerard-postiglione/>
5. Education USA (U.S. Department of State). "Community College" – defines community colleges and their role [Электронный ресурс]: <https://educationusa.state.gov/your-5-steps-us-study/research-your-options/>

- community-college
6. Classification of UK institutions. The Dutch organization for internationalization of education [Электронный ресурс]: <https://www.nuffic.nl/en/education-systems/united-kingdom-england-wales-and-northern-ireland>
 7. Carnegie Classification of Institutions of Higher Education (U.S.) – Overview and categories [Электронный ресурс]: <https://carnegieclassifications.acenet.edu>
 8. Mamajonova M. Decoding international university rankings: a comparative analysis of THE and QS Methodologies // *American Journal of Economics and Business Management* – Vol. 8, Issue 5. – 2025. – P. 2368-2380.
 9. Altbach, P.G. (2002). Differentiation requires definition: The need for classification in complex academic systems // *International Higher Education* – № 26. – 2002. – P. 2-3.
 10. Erkillä T., Piironen O. What Counts as World Class? Global University Rankings and Shifts in Institutional Strategies // *World Class Universities*. – 2020. – P. 171 – 196.
 11. Кудряшова Н.Н. Система высшего образования в Германии // *Современное педагогическое образование*. – 2022. – с. 25 – 29.
 12. Shi Y., Wang D., Zhang Z. Categorical Evaluation of Scientific Research Efficiency in Chinese Universities: Basic and Applied Research // *Sustainability* – 2022 [Электронный ресурс]: // <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/8/4402>
 13. Довженко П. В., Кожина Н. А., Останин В. А. Специфика высшего образования в современном Китае // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. – 2024. – С. 28 – 35.
 14. REF 2021 (UK Research Excellence Framework [Электронный ресурс]: 2029.ref.ac.uk
 15. Teaching Excellence Framework (UK). TEF purpose and ratings [Электронный ресурс]: <https://www.officeforstudents.org.uk/for-providers/quality-and-standards/about-the-tef/>
 16. Главный Федеральный закон от 22 августа 1996 г. N 125-FZ “О высшем и послевузовском профессиональном образовании” [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/5761495/493aff9450b0b89b29b367693300b74a/>
 17. Федеральный закон от 22.08.1996 N 125-FZ (ред от 03.12.2011) «О высшем и послевузовском профессиональном образовании (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.02.2012) [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/1d35548d2f34d9f0195ff63fa6aad87b4b3bd491/
 18. Мусина С. К. Оценка деятельности университетов в условиях трансформации системы высшего образования Казахстана // *Управление образованием: теория и практика*. – № 12–2. – 2023. – С. 252–260.
 19. Жоғары және жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру ұйымдары қызметінің үлгілік қағидаларын бекіту туралы [Электронный ресурс]: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1800017657>.
 20. Шевченко Л. Я., Назарова С. В., Нахапетян К. Проблемы высшего образования в Республике Казахстан // *Теоретические и обзорно-аналитические исследования*. – 2014. – С. 29–36.
 21. Ким М. Ю., Троицкий Е. Ф. Система высшего образования в Республике Казахстан в свете национальных и международных рейтингов университетов // *Вестник Томского государственного университета*. – 2016. - № 14. – С. 64–68.

References:

1. World Bank. "Tertiary Education Overview" – highlights need for diversified institutions and role of technical/vocational tertiary education: <https://www.worldbank.org/en/topic/tertiaryeducation>.
2. Nuffic (Netherlands Organization for Internationalization in Education). Higher education in Germany URL: <https://www.nuffic.nl/en>
3. Fulbright Finland. "Higher Education in Finland." (n.d.) – Overview of Finland's dual system of universities and UAS. URL: <https://www.fulbright.fi/studies-and-research-finland/higher-education-finland>
4. Postiglione, G. Skilled for the Future: How China is Transforming Vocational Education (Higher Ed Strategy Associates podcast) – discusses China's creation of "vocational universities" URL: <https://higheredsrategy.com/skilled-for-the-future-how-china-is-transforming-vocational-education-with-gerard-postiglione/>
5. Education USA (U.S. Department of State). "Community College" – defines community colleges and their role: <https://educationusa.state.gov/your-5-steps-us-study/research-your-options/community-college>
6. Classification of UK institutions. The Dutch organization for internationalization of education. URL: <https://www.nuffic.nl/en/education-systems/united-kingdom-england-wales-and-northern-ireland>
7. Carnegie Classification of Institutions of Higher Education (U.S.) – Overview and categories: <https://carnegieclassifications.acenet.edu>
8. Mamajonova M. Decoding international university rankings: a comparative analysis of THE and QS Methodologies. American Journal of Economics and Business Management – Vol. 8, Issue 5. 2025. P. 2368-2380.
9. Altbach, P.G. Differentiation requires definition: The need for classification in complex academic systems. International Higher Education № 26. 2002. P. 2-3.
10. Erkillä T., Piironen O. What Counts as World Class? Global University Rankings and Shifts in Institutional Strategies. World Class Universities. – 2020. – P. 171 – 196.
11. Kudrjashova N.N. Sistema vysshego obrazovaniya v Germanii. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie [The system of higher education in Germany. Contemporary pedagogical education]. 2022. S. 25 – 29.
12. Shi Y., Wang D., Zhang Z. Categorical Evaluation of Scientific Research Efficiency in Chinese Universities: Basic and Applied Research. Sustainability 2022. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/8/4402>
13. Dovzhenko P. V., Kozhina N. A., Ostanin V. A. Specifika vysshego obrazovaniya v sovremennoy Kitae [The specifics of higher education in modern China]. Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 2024. S. 28 – 35.
14. REF 2021 (UK Research Excellence Framework URL: 2029.ref.ac.uk
15. Teaching Excellence Framework (UK). TEF purpose and ratings URL: <https://www.officeforstudents.org.uk/for-providers/quality-and-standards/about-the-tef/>
16. Glavnyy Federal'nyy zakon ot 22 avgusta 1996 g. N 125-FZ "O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii" [The main Federal law of August 22, 1996 N 125-FZ "About the higher professional and vocational education]. URL: <https://base.garant.ru/5761495/493aff9450b0b89b29b367693300b74a/>
17. Federal'nyy zakon ot 22.08.1996 N 125-FZ (red ot 03.12.2011) «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii (s izm. i dop., vstupivshimi v silu s 01.02.2012) [The main Federal law of August 22,

1996 N 125-FZ (03.12.2011) "About the higher professional and vocational education (with changes and editions came into force since February 1, 2012)] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11446/1d35548d2f34d9f0195ff63fa6aad87b4b3bd491/

18. Musina S. K. Ocenka dejatel'nosti universitetov v usloviyah transformacii sistemy vysshego obrazovanija Kazahstana [The assessment of the universities' activities in the conditions of Kazakhstan's higher education system transformation]. Upravlenie obrazovaniem: teorija i praktika. № 12–2. 2023. S. 252–260.
19. Zhořary zhәne zhořary оқу орнынaн кейинги bilim беру ұйымдары қызметінің ылғилık қаридаларын бекіту туралы [On approval of the Model Rules for the Activities of Higher and Postgraduate Educational Organizations]. URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1800017657>.
20. Shevchenko L. Ja., Nazarova S. V., Nahapetjan K. Problemy vysshego obrazovanija v Respublike Kazahstan [The problems of higher education in the Republic of Kazakhstan]. Teoreticheskie i obzorno-analiticheskie issledovanija. 2014. S. 29–36.
21. Kim M. Ju., Troickij E. F. Sistema vysshego obrazovanija v Respublike Kazahstan v svete nacional'nyh i mezhdunarodnyh rejtingov universitetov [The system of higher education in the Republic of Kazakhstan in the light of national and international university rankings]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 14. S. 64–68.

Материал поступил в редакцию 21.06.2025

Утвержден к публикации 22.09.2025

IRSTI:
06.81.12

IMPACT OF POLITICAL AND ECONOMIC INDICATORS ON NEW BUSINESS FORMATION: EVIDENCE FROM KAZAKHSTAN

Tatyana Kudasheva¹

Dinara Rakhmatullayeva^{2*}

Ryszhan Kabylkairatkyzy³

Daniyar Kaldiyarov⁴

Rustamjon Urinboyev⁵

¹ Executive Director “I-Marketing” LLP; Ph.D.; Almaty, Kazakhstan; e-mail: kudasheva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8293-4688

^{2*} Researcher at the Economics Department, Non-profit joint stock company «al-Farabi Kazakh National University», Ph.D.; Ass. Professor; Almaty, Kazakhstan; Visiting Researcher at the Department of Sociology of Law, Lund University, Lund, Sweden; e-mail: dinara.rakhmatullayeva@kaznu.kz; ORCID:0000-0002-6532-1652

³ Research Fellow, Institute of Economics, Committee of Science, Ministry of National Education and Science of the Republic of Kazakhstan; Almaty, Kazakhstan; e-mail: Khankeldy13@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4488-8342

⁴ Professor at Zhetysu University, Doctor of Economic Sciences, Taldykorgan, Kazakhstan; e-mail: 77da@bk.ru; ORCID: 0000-0002-0181-2962

⁵ Associate Professor of Department of Sociology of Law; Ph.D.; Lund University, Lund, Sweden; e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se; ORCID: 0000-0001-7226-0483

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.32.010>

Abstract. Entrepreneurial activity has long been recognized as a key indicator of a country's economic and institutional health. This issue is particularly acute in emerging economies, where the launch of new enterprises depends on market and political, institutional, and macroeconomic conditions. Kazakhstan is a prime example of a country with significant economic potential. However, it faces challenges

related to the quality of institutions, the economy's diversification, and the sustainability of growth.

The study aims to assess the impact of governance indicators, trade openness, GDP, and foreign direct investment on the formation of new enterprises in Kazakhstan. To achieve this, the authors utilized data from the World Bank and national statistical databases for the period 2006-2020 and then tested it using linear regression. The model results showed that FDI does not significantly affect the formation of new companies in Kazakhstan, as most investments are directed towards the extractive industries of the national economy. At the same time, trade openness contributes to the development of SMEs, despite the adverse effect of the governance indicator. It was puzzling that economic growth does not stimulate small businesses in Kazakhstan.

Keywords. *New businesses, entrepreneurship, Kazakhstan, political and economic factors, governance indicators, GDP, trade openness, FDI.*

САЯСИ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКАЛЫҚ КӨРСЕТКІШТЕРДІҢ БИЗНЕСТІҢ ЖАҢА ҚАЛЫПТАСУЫНА ӘСЕРІ: ҚАЗАҚСТАННАН АЛЫНҒАН ДЕРЕКТЕР

Татьяна Кудашева¹, Динара Рахматуллаева^{2*}, Рысжан Қабылқайратқызы³, Данияр Қалдияров⁴, Рустамжон Уринбоев⁵

¹ «Ай-Маркетинг» ЖШС, Атқарушы директор, Ph.D.; Алматы, Қазақстан; e-mail: kudascheva@gmail.com

^{2*} Экономика кафедрасының доцент-зерттеушісі; «әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті» Коммерциялық емес акционерлік қоғамы; Ph.D.; Алматы, Қазақстан; Құқық әлеуметтануы кафедрасында шақырылған зерттеуші, Лунд университеті, Лунд, Швеция; e-mail: dinara.rakhmatullayeva@kaznu.kz, dinara.rakhmatullayeva@soclaw.lu.se

³ ҚР ҒЖБМ Ғылым комитеті жанындағы Экономика институтының ғылыми қызметкері; Алматы, Қазақстан; e-mail: Khankeldy13@gmail.com

⁴ Құқық және экономика жоғары мектебінің профессоры; «Илияс Жансүгіров атындағы Жетісу университеті» Коммерциялық емес акционерлік қоғамы, экономика ғылымдарының докторы; Талдықорған, Қазақстан; e-mail: 77da@bk.ru

⁵ Құқық әлеуметтануы кафедрасының қауымдастырылған профессоры; Ph.D.; Лунд Университеті; Лунд, Швеция; e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se

Аңдатпа. Кәсіпкерлік белсенділік елдің экономикалық және институционалдық жағдайының маңызды көрсеткіші ретінде бұрыннан танылған. Бұл мәселе әсіресе дамушы экономикаларда өткір тұр, онда жаңа кәсіпорындардың іске қосылуы тек нарық жағдайына ғана емес, сонымен қатар саяси, институционалдық және макроэкономикалық жағдайларға да байланысты. Қазақстан айтарлықтай үлкен экономикалық әлеуетке ие елдің жақсы үлгісі болып табылады. Дегенмен, ол институттардың сапасына, экономиканың әртараптандыруына және тұрақты өсуге байланысты қиындықтарға тап болады.

Зерттеу басқару индикаторларының, сауда ашықтығының, ЖІӨ-нің және тікелей шетелдік инвестициялардың Қазақстанда жаңа кәсіпорындар ашуға әсерін бағалауға бағытталған. Ол үшін авторлар Дүниежүзілік банктен және ұлттық статистикалық базалардан 2006-2020 жылдардағы деректерді алып, оларды сызықтық регрессия арқылы сынады. Модель нәтижелері ТШИ Қазақстанда жаңа компаниялардың қалыптасуына әсер етпейтінін көрсетті, өйткені олардың басым бөлігі ұлттық экономиканың өндіруші салаларына бағытталады. Сонымен қатар, сауданың ашықтығы мемлекеттік басқару көрсеткішінің кері әсеріне қарамастан ШОБ дамуына ықпал етеді. Экономикалық өсім Қазақстандағы шағын бизнесті ынталандырмайтыны таң қалдырады.

Түйін сөздер: жаңа бизнес, кәсіпкерлік, Қазақстан, саяси және экономикалық факторлар, басқару көрсеткіштері, ЖІӨ, сауданың ашықтығы, ТШИ.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НА СОЗДАНИЕ НОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ДАННЫЕ ПО КАЗАХСТАНУ

Татьяна Кудашева¹, Динара Рахматуллаева^{2*}, Рысжан Қабылқайратқызы³, Данияр Қалдияров⁴, Рустамжон Уринбоев⁵

¹ Исполнительный директор ТОО “Ай-Маркетинг”, Ph.D.; Алматы, Казахстан; e-mail: kudacheva@gmail.com

^{2*} Доцент-исследователь кафедры экономики; НАО «Казахский национальный университет имени аль-Фараби»; Ph.D.; Алматы, Казахстан; e-mail: dinara.rakhmatullayeva@kaznu.kz; приглашенный исследователь кафедры социологии права, Лундский университет, Швеция; e-mail: dinara.rakhmatullayeva@soclaw.lu.se

³ Научный сотрудник Институт экономики при Комитете науки МНВО РК; Алматы, Казахстан; e-mail: Khankeldy13@gmail.com

⁴ Профессор Высшей школы права и экономики; НАО «Жетысуский университет имени Ильяс Жансугурова»; доктор экономических наук, Талдыкорган, Казахстан; e-mail: 77da@bk.ru

⁵ Ассоциированный профессор кафедры социологии и права; Лундский университет; Ph.D., Лунд, Швеция; e-mail: rustamjon.urinboyev@soclaw.lu.se

Аннотация. Предпринимательская активность давно признана важным показателем экономического и институционального состояния страны. Особенно остро этот вопрос стоит в странах с развивающейся экономикой, где запуск новых предприятий зависит не только от конъюнктуры рынка, но и от политических, институциональных и макроэкономических условий. Казахстан является хорошим примером страны, которая обладает значительным экономическим потенциалом. Тем не менее, она сталкивается с проблемами, связанными с качеством институтов, диверсификацией экономики и устойчивым ростом.

Исследование направлено на оценку влияния индикаторов управления, открытости торговли, ВВП и прямых иностранных инвестиций на открытие новых предприятий в Казахстане. Для этого авторы взяли данные из Всемирного банка и национальных статистических баз за 2006-2020 годы и протестировали их с помощью линейной регрессии. Результаты модели показали, что ПИИ не влияют на формирование новых компаний в Казахстане, поскольку их большая часть направляется в добывающие отрасли национальной экономики. В то же время открытость торговли способствует развитию МСБ, несмотря на обратный эффект показателя государственного управления. Озадачило, что экономический рост не стимулирует малый бизнес в Казахстане.

Ключевые слова: Новый бизнес, предпринимательство, Казахстан, политические и экономические факторы, показатели управления, ВВП, открытость торговли, ПИИ.

Introduction

As Stevenson and Jarillo (1990) note, the likelihood of a successful start-up is primarily determined by the specific institutional and market conditions in which the entrepreneur operates. In the context of increasing institutional transformation and the instability of the global economic environment, the formation of new enterprises is becoming an essential indicator of a country's economic viability and its ability to adapt to internal and external challenges. Entrepreneurial activity reflects not only the population's economic initiative level, but also the degree of openness and flexibility of the institutional environment in which it is carried out.

Numerous studies (Tajaddini & Gholipour, 2021; Abegaz et al., 2023; Sendra-Ponsa, 2022) emphasize that the processes of creating new businesses are influenced by a wide range of factors, among which political and economic indicators are of particular importance. Political stability, the effectiveness of public administration, the quality of regulation, and compliance with the rule of law form the institutional conditions that determine the level of trust, protection of rights, and predictability for potential entrepreneurs. At the same time, macroeconomic indicators such as GDP per capita, inflation, openness to trade, and foreign direct investment, among others, determine the real opportunities for launching and developing new projects.

Despite an extensive theoretical and empirical foundation, the interaction between political and institutional characteristics and entrepreneurial activity remains a topic of debate, particularly in countries undergoing institutional reforms or experiencing economic instability. The lack of a comprehensive approach to assessing the impact of various political and economic factors on the formation of new enterprises, considering the country's development trajectory, limits the possibilities of developing effective strategies for state support of entrepreneurship.

This study aims to investigate how key political and economic indicators influence the establishment of new enterprises in Kazakhstan's economy. To solve this problem, we formulated the following working hypotheses.

Hypothesis 1. Economic growth, trade openness, and foreign direct investment inflows lead to increased entrepreneurial activity, resulting in the establishment of new enterprises.

Hypothesis 2. Effective public administration has a direct positive impact on the development of entrepreneurship. In the long term, it expands entrepreneurship opportunities by creating “equal opportunities” for market participants, thereby contributing to a healthy competitive environment.

Regression analysis was employed to test the hypotheses presented. The results enable a more accurate identification of the relationship between macroeconomic indicators and entrepreneurial activity, providing a basis for practical conclusions. These data can be helpful in the formation of state policy in the field of supporting small and medium-sized businesses, as well as in the development of economic strategies aimed at stimulating business activity in the regions. The authors hope that this study will contribute to the limited literature on Central Asian studies in this field.

The structure of this article is built following the classical logic of scientific research. The first part examines the key theoretical approaches and justifies the relevance of the stated topic. Here, special attention is paid to analyzing scientific works that form the basis for further empirical research, specifically the impact of macroeconomic and political factors, such as governance and corruption, on entrepreneurship development. Furthermore, the methodological principles are sequentially disclosed, and the data used are described, which enables a more accurate representation of the structure and logic of the analysis. The central part of the work is devoted to presenting the modeling results and their interpretation. In conclusion, the main conclusions are formulated, and the directions of possible practical application of the results are outlined.

Literature review

New business formation is spatially uneven (Hájek et al., 2015; Nekolová et al., 2016). Entrepreneurship is the essential source of economic and social development in society. In well-off countries, the majority of the middle class is engaged in medium-sized and small businesses. Natural, labor, and investment resources are traditionally considered as factors of production – land, labor, and capital. Schumpeter (1934) referred to “entrepreneurship” as the fourth factor linking these three resources. An entrepreneur is the «innovator» who seeks out and introduces new aspects of production.

Entrepreneurial ability refers to a person's capacity to utilize a specific combination of resources to produce a product, make informed decisions, generate innovations, and take calculated risks (McConnell, 1963). In general, entrepreneurship itself is affected by various factors and indicators at both the macro and micro levels (Sutaria & Hicks, 2004). Additionally, factors such as the state's geopolitical situation, management indicators, unemployment rate, and the ease of finding employees are equally important. As demonstrated by Audretsch et al. (2014), strong entrepreneurship can lead to a reduction in unemployment within an economy.

Several key factors are essential for developing new businesses. For instance, foreign direct investment (FDI) plays a crucial role in stimulating entrepreneurial activity and transforming national economies. As a source of financial resources, FDI can have a comprehensive impact on entrepreneurship development. By introducing modern technologies, management methods, business ethics, and corporate

governance standards, FDI can positively impact local business structures, forming an entrepreneurial culture. FDI increases the level of competition in the domestic market, encouraging local companies to adapt to higher standards, optimize their production processes, and enhance the quality of their products and services.

In turn, the ability to foster entrepreneurship and create conducive conditions attracts investment, allowing entrepreneurs from other countries to establish their businesses. Investments signify a country's participation in the global economic process (Gutkevych, 2019). Foreign investments are currently relevant for business development and as a means of national defense. Additionally, attracting foreign investment is one of the underlying factors driving the nation's economic growth, as noted by Misztal & Kulakou (2024). The extent to which the state supports investors and the policies it adheres to can play a decisive role in shaping a business.

Hyer (1976) and Dunning (1980) considered the theoretical basis of various factors influencing foreign investment. The influence of investment on forming a new company varies from country to country. This is influenced not only by the country's social and economic conditions but also by factors such as its location, geopolitical situation, natural resources, and human capital. For example, 148 foreign investors operating in Kosovo stated that the available market size and low cost of doing business are crucial factors in their decision to invest in the country (Kida et al., 2025).

However, how does the business climate influence the investment and other economic parameters? Some studies have shown that the ease of doing business does not influence foreign investment. For example, Firdaus et al. (2024) demonstrated that in ASEAN countries, the good governance indicators are more critical. Nevertheless, studies conducted in the SADC region (Nyathi & Mlobane, 2024), Jakarta (Martua et al., 2023), and Nigeria (Opuala-Charles & Oshilike, 2023) revealed a positive and significant impact of Ease of Doing Business indicators on investment attractiveness. As Phan and Nguyen (2024) noted, attracting investment in foreign companies and improving governance quality are crucial. For investment decisions, profitability, liquidity, firm size, and age are also significant factors (Said, 2024).

In addition to the impact of FDI, the role of trade openness is of enduring interest to scholars. In the context of globalization and the acceleration of cross-border economic processes, trade policy is becoming one of the most crucial tools for shaping the business environment, particularly in countries with developing or transitioning economies. A study by Salange and Kahyaoğlu (2024) reveals the nonlinear relationship between trade openness and entrepreneurial activity. The authors conclude that a positive effect is observed at a moderate level of transparency, while exceeding a certain threshold can lead to a harmful impact. The study by Dilanchiev and Sekreter (2015), using the example of Georgia, also emphasizes the importance of trade liberalization for countries with economies in transition. The work of Effiom et al. (2022) demonstrates a positive but insignificant impact of trade openness on entrepreneurship, which may indicate the influence of other factors such as institutional conditions, the level of infrastructure development, and access to finance.

Another issue that has remained a focus of the scientific community in recent years is the impact of public administration on entrepreneurship development.

Modern research emphasizes that economic and institutional conditions determine the scale and stability of entrepreneurial activity. Phan and Nguyen (2024), based on panel data for 61 provinces in Vietnam from 2011 to 2019, analyzed the role of local government and concluded that the improvement of anti-corruption practices, transparency of administrative procedures, and the quality of public services are directly related to the positive dynamics in regional markets. A similar emphasis can be traced in the work of Sendra-Ponsa (2022), where data from 48 countries with different levels of socio-economic development are analyzed. The application of qualitative comparative analysis (QCA) enabled the identification of key variables that affect the likelihood of entrepreneurship emerging and its scale, including political stability, quality of regulation, rule of law, and the availability of credit and ease of starting a business.

Kaufman et al. (2008, 2009, 2011) defined six primary indicators for assessing the quality of government, known as global governance indicators, evaluated by the World Bank. Abegaz et al. (2023) examined the importance of these governance indicators (including corruption control, government effectiveness, and the rule of law) on entrepreneurship development using the example of 126 countries. The regression analysis results showed that most management variables have a statistically significant impact on entrepreneurship development, explaining more than 70% of the variability of the target indicator. The authors emphasize that even modest improvements in institutional parameters can contribute to the growth of new businesses, especially in middle-income countries.

There is limited research on the impact of GDP on the birth of new businesses, as the opposite effect is often considered when growth in the number of enterprises leads to economic growth. Nevertheless, individual studies confirm the positive impact of GDP growth on the opening of new companies (Výrostková & Kádárová, 2023; Njegomir, 2019).

Thus, economic and institutional factors related to the quality of public administration play a crucial role in creating conditions for entrepreneurial activity and the establishment of new enterprises.

Data and Methods

Regression analysis was employed as the primary research method, enabling us to assess the degree of influence of various factors on the development of business in Kazakhstan. Macroeconomic data from national statistical databases (the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan and the National Bank of Kazakhstan) and global governance data from the World Bank database for the period 2006-2020 were selected for modeling. Table 1 describes all the variables used in the model.

Table 1. Description of variables in a model

Variables	Description	Source
<i>Dependent variable</i>		
NewFirms (Y)	New businesses registered (number)	https://stat.gov.kz/

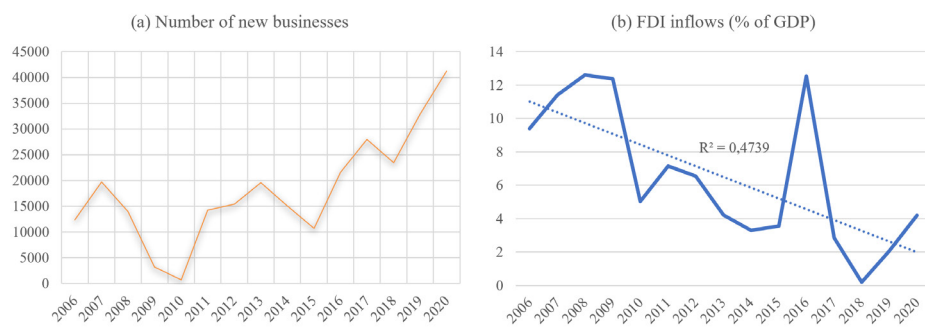
<i>Independent variables</i>		
FDInet (X1)	Foreign direct investment, net inflows (% of GDP)	https://www.nationalbank.kz/
VA (X2)	Voice and Accountability	https://www.worldbank.org/
RL (X3)	Rule of Law	https://www.worldbank.org/
GDP (X4)	Annual growth of GDP, %	https://www.worldbank.org/
TR (X5)	Trade Openness	https://www.worldbank.org/

Note: compiled by the authors

The “Number of newly registered enterprises” is the dependent variable in the regression model. Explanatory variables include gross domestic product annual growth, foreign direct investment flows as a percentage of GDP, trade openness, and two worldwide governance indicators, “Voice and Accountability” and “Rule of Law,” as per the methodology of the World Bank (Kaufman et al., 2008, 2009, 2011).

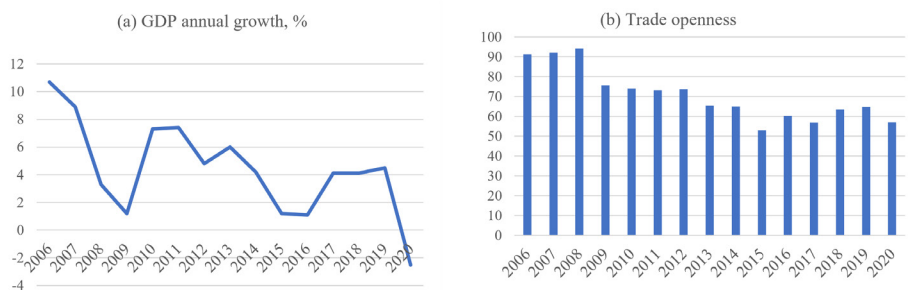
The diagrams below illustrate the dynamic statistics of these indicators for the period from 2006 to 2020. The authors will discuss them in the next part of the article.

Figure 1. Number of new businesses and FDI net flow in Kazakhstan, 2006-2020

Note: compiled by authors based on data from the Bureau of National Statistics of Kazakhstan (a) and the National Bank of Kazakhstan (b)

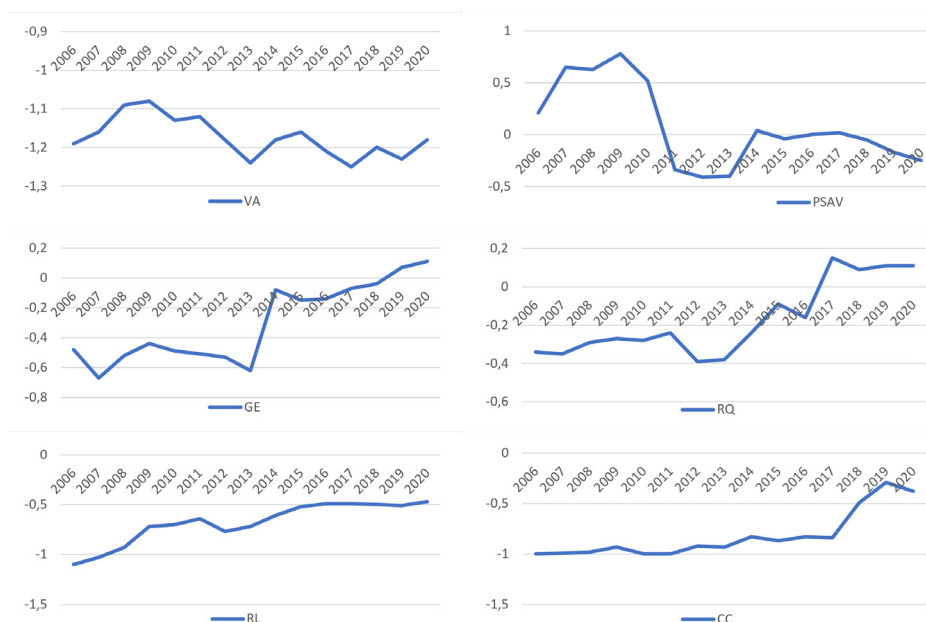
Figure 2. Dynamics of GDP growth and trade openness for Kazakhstan, 2006-2020

Note: compiled by authors based on data from the World Bank

Initially, we tried to involve all six worldwide governance indicators from the World Bank database: Voice and Accountability, Political Stability and Absence of Violence/Terrorism, Government Effectiveness, Regulatory Quality, Rule of Law, and Control of Corruption (World Bank, 2024). The standard range of values for these indicators varies from -2.5 to 2.5 (Figure 3). It is worth noting that most of the indicators for Kazakhstan have only negative values.

Figure 3. Dynamics of worldwide governance indicators of Kazakhstan, 2006-2020

Note: compiled by authors based on the World Bank database

As part of the study, multicollinearity was preliminarily addressed by excluding variables, specifically four out of six institutional quality indicators that were highly correlated with each other (see Table 2). This made it possible to avoid the distortion of the results associated with model overfitting.

Table 2. Correlation matrix (Pearson correlation)

	<i>Y</i>	<i>VA</i>	<i>PCAV</i>	<i>GE</i>	<i>RQ</i>	<i>RL</i>	<i>CC</i>
<i>Y</i>	1						
<i>VA</i>	-0,629	1					
<i>PCAV</i>	-0,511	0,616	1				
<i>GE</i>	0,637	-0,437	-0,337	1			
<i>RQ</i>	0,693	-0,428	-0,272	0,891	1		
<i>RL</i>	0,442	-0,365	-0,501	0,793	0,7530	1	
<i>CC</i>	0,777	-0,432	-0,384	0,824	0,8048	0,621	1

Note: compiled by the authors

Therefore, having built numerous models, we found a statistically significant impact on starting a new business in Kazakhstan for only two indices: Voice and Accountability (VA) and Rule of Law (RL). Consequently, we retained these two indices in the model.

Thus, our work will focus on assessing the impact of FDI, GDP growth, trade openness, and worldwide governance indicators on the number of new registered enterprises. At the next step, we created the central equation for our model. Based on a theoretical and empirical review of the literature and selected variables, the equation (1) below was determined and used further to estimate:

$$NewFirms=f(FDI_{net}, VA, RL, TR, GRP_{growth}) \quad (1)$$

A linear multiple regression model (2) was constructed after numerous attempts to determine the model that best describes the existing dependencies:

$$NewFirms=b_0+b_1 FDI_{net}+b_2 VA+b_3 RL+b_4 GRP_{growth}+b_5 TR+c \quad (2)$$

The model was evaluated using the EViews and SPSS programs.

Results and Discussion

To begin with, we will discuss some statistical data on Kazakhstan. Various programs and grants aimed at developing small and medium-sized enterprises (SMEs) are being implemented in the republic. National statistics indicate that SMEs have increased significantly, quadrupling over the last decade, despite the number of large enterprises growing at a slower pace. However, in some years, the registration of SMEs decreased due to the negative impact of the 2008 global financial crisis and its consequences, as well as the volatility of world oil prices in 2014 (Fig.1a).

The dynamics of FDI inflows in Kazakhstan (Fig.1b) show that FDI generally had a steady downward trend during the period under review (R² of the linear trend is 0.47%). If we deduct investments in the mining, oil, and gas industries from the total FDI flow, then investments in the real sector of the economy will be significantly reduced. Therefore, the primary challenge for the country today is to redirect FDI to new companies and start-ups, including those in manufacturing.

Our study also involves two other macroeconomic indicators that can influence the formation of new businesses to varying degrees: GDP and trade openness. Analysis of the dynamics of the annual GDP growth rate (Fig. 2a) from 2006 to 2020 enables us to identify several characteristic stages in Kazakhstan's economic development. Relatively high economic growth indicators characterize the period's beginning under consideration. However, by 2009, there was a sharp decline in rates, mainly due to the impact of the 2008 global financial crisis. In the following years, a revival and short-term rise occurred, accompanied by further fluctuations, reflecting the instability of the external economic situation and domestic macroeconomic policy. The presented data illustrate the cyclical nature of economic development and emphasize the vulnerability of macroeconomic performance to domestic and external challenges.

Figure 2b demonstrates a general downward trend in the level of trade openness in Kazakhstan. From 2006 to 2008, this indicator remained at a relatively high level; in the following years, it gradually declined, reaching a minimum in 2015, which was likely due to external economic shocks, the devaluation of the national currency from 2015 to 2017, and changes in the terms of trade. It is worth noting that the level of trade openness never recovered from that point. This suggests structural shifts in the economy and a potential decline in the country's GDP due to foreign trade.

Global governance indicators are important for investors in terms of FDI. Fortunately, although control over corruption, regulatory quality, and government efficiency have shown positive dynamics in recent years (Figure 3), the geopolitical situation, due to the war in Ukraine, negatively impacts our country's economy, as evident from the dynamics of the indicator “Political stability and absence of violence.”

The correlation matrix in Table 3 confirms the absence of significant multicollinearity and demonstrates the overall degree of relationships between the variables shown in Table 1.

Table 3. Correlation coefficients

	New Firms	FDI inflows (% of GDP)	Voice and Accountability	Rule of Law	GDP annual growth, %	Trade openness
New Firms	1					
FDI inflows (% of GDP)	-0,38505	1				
Voice and Accountability	-0,62946	0,556725	1			
Rule of Law	0,442406	-0,59911	-0,36497	1		
GDP growth, % annual	-0,3743	0,087278	-0,04448	-0,67748	1	
Trade openness	-0,41454	0,656205	0,511772	-0,93637	0,617882	1

Note: compiled by the authors

Thus, this study focuses on the economic and political factors that significantly impact business formation in Kazakhstan. We will present the regression model results assessing the impact of macroeconomic and governance indicators on the creation of new firms in our country (Table 4).

Table 4. Regression statistics

<i>Multiple R</i>	0,864689	<i>Dispersion analysis</i>					
<i>R-square</i>	0,747688		df	SS	MS	F	F
<i>Normalized R2</i>	0,607514	<i>Regression</i>	5	1,16E+09	2,33E+08	5,33401	0,014904
<i>Standard Error</i>	6607,575	<i>Residual</i>	9	3,93E+08	43660046		
<i>Variables</i>	15	<i>Total</i>	14	1,56E+09			
	<i>Coefficient</i>	<i>Standard Error</i>	<i>t-statistics</i>	<i>P-value</i>	<i>Lower 95%</i>	<i>Upper 95%</i>	

New Firms	-260272	70092,14	-3,71329	0,00482	-418832	-101713
FDI inflows (% of GDP)	-697,03	676,9169	-1,02971	0,330022	-2228,32	834,2626
Voice and Accountability	-202603	49226,49	-4,11574	0,002615	-313961	-91245,2
Rule of Law	39046,57	27720,73	1,408569	0,192559	-23662,1	101755,2
GDP annual growth, %	-2451,04	908,8443	-2,69687	0,024519	-4506,98	-395,087
Trade openness	1168,299	470,5774	2,482692	0,034837	103,7786	2232,818

Note: compiled by the authors

Table 4 shows that, overall, the quality of the model is good because it explains the dynamics of the dependent variable (newly registered firms) at 74.8 percent – the value of R^2 justifies this. In particular, the multiple R value of 0.864 indicates a high correlation between the dependent and independent variables. When the normalized value of R^2 is 0.608, it considers the number of variables, and its decrease suggests that some predictors may be insignificant.

Overall, the data structure (linear dependence, lack of autocorrelation in the residuals, and significance of the model as indicated by the F-statistic) allows us to conclude that the model has high explanatory power ($R^2 = 0.75$), and its basic characteristics are stable. It is also worth noting that the normalized value of $R^2 = 0.61$ confirms that, despite the limited number of observations ($n = 15$), the model demonstrates consistency among the variables.

However, not all variables have a significant impact. Briefly, variables X2 and X4 have a significant negative impact, while X5 has a significant positive impact. Variables X1 and X3 are insignificant, which may indicate that their impact is random or that a different analysis method is needed. Thus, the final regression equation (3) of the model is as follows:

$$NewFirms = -260272 - 697,03FDI_{net} - 202603VA + 39046,57RL - 2451,04GDP_{growth} + 1168,299TR \quad (3)$$

As we can see, there is a reasonably significant “free” coefficient in the equation. This can be explained by the fact that the dependent variable is influenced not only by the factors considered (X1–X5) but also by other variables, structural features, and systemic effects that are not included in the model but have a distorting effect, which should be considered in further research.

We also observe that, according to the t-test results, variables X1 and X3 exhibit p-values exceeding the generally accepted level of significance (0.330 and 0.193, respectively), indicating that these factors do not have a reliable influence on the dependent variable at the current model specification and sample size. Nevertheless, we consider the inclusion of these variables at this stage of the study to be justified, as their influence may become apparent in a larger sample or when controlling for other variables. Even in the absence of statistical significance, these variables contribute to improving the model's quality ($R^2 = 0.75$), particularly in the context of complex interrelationships between factors. In the next steps of the study, we plan to

optimize the model, including stepwise regression, testing alternative specifications, and conducting a sensitivity analysis to assess the stability of the results. This will enable us to exclude or retain the controversial variables in a reasonable manner.

Before we interpret the results of the regression equation, it is worth noting that initially, when determining the determinants of creating a new business in the country, we sought to answer the question of what is important for developing entrepreneurship and starting a business.

Many studies confirm the importance of sound economic indicators; however, political factors, the quality of institutions, the stability of legislation, and the effectiveness of public administration in the country are equally important. Acemoglu, Johnson, and Robinson, winners of the 2024 Nobel Prize, proved that differences in the well-being of countries depend on their political and economic institutions.

These conclusions are important for understanding many processes in Kazakhstan. There is considerable evidence that poor state regulation is a hallmark of underdeveloped countries, characterized by weak institutions and high corruption that hinder the country's economic development.

It is evident that the quality of state regulation, as reflected in strong institutions, has a positive impact on entrepreneurship, whereas corruption, a characteristic of low-quality institutions, hinders it. It has been proven that bureaucratic corruption is the only way to start and develop a business in countries where governance institutions are of poor quality. Rashid et al. (2023) prove that countries with poor regulatory quality also have a high level of corruption. Unfortunately, according to Transparency International (2024), Kazakhstan is one of these countries.

Thus, in this study, we also proceeded from the assumption that the creation of a business and its development in any country depend on a combination of political and economic factors, such as the degree of their development. In Kazakhstan, due to our country's authoritarian political system, these factors are closely intertwined and mutually influence each other.

Obviously, the model also has significant limitations due to the lack of a broad set of panel data and sufficient time series. However, let us interpret the model's results in more detail. Three variables are economic, and two are political. Let us analyze each group of variables carefully.

The regression model's assessment found statistically significant impacts on economic indicators such as net FDI inflows to Kazakhstan, economic growth (GDP growth), and trade (market) openness.

Let us begin our analysis sequentially with variable X1, which represents the net FDI inflow into the Kazakh economy. The model showed that its effect is negligible and even hostile; therefore, we conclude that the net inflow of FDI to Kazakhstan does not significantly affect the creation of new businesses in the country. Moreover, there is a risk that a 1% increase in FDI inflows may result in a decrease of 697 newly registered firms in the country.

How can this Kazakh phenomenon be described? As is known, there is considerable evidence that developing countries, which attract significant FDI flows, have received various advantages in the form of access to capital and have developed their production. Of course, many studies point to the adverse effects of

FDI; however, our study will focus on why, in Kazakhstan, which is the leader in attracting FDI in the post-Soviet region, FDI has not played the role of a driver for the development of SMEs.

It is well known that Kazakhstan is also a country exporting raw materials. On the positive side, mineral resources are critical factors in a country's economic development, serving as vital raw materials for various industries, infrastructure projects, and technological advancements, as noted by He and Mou (2020) and Baz et al. (2022).

However, in the case of Kazakhstan, most FDI is attracted to the extractive sector of the economy, where only export-oriented, national companies (larger businesses) operate, thereby monopolizing this sector. It will not be easy to eliminate this dependence without diversifying the national economy, as a country that relies heavily on exporting raw materials is vulnerable to global economic shocks. As a result, it can be concluded that there is no incentive for new firms (small and medium-sized enterprises) to start business in the extractive industry of Kazakhstan, despite the favorable investment climate in this sector of the national economy.

Thus, the negative impact of FDI in the model demonstrates that FDI does not act as a stimulus for SMEs, as investments do not flow into manufacturing, IT, services, or other sectors where new companies could be formed. Moreover, dependence on the extractive sector leads to structural imbalances and reduces entrepreneurial activity in other industries.

The following economic variable is GDP growth. Many studies confirm that GDP growth contributes to the establishment of new companies, as incomes and wealth increase, access to finance expands, and favorable market conditions for entrepreneurship are created (Výrostková & Kádárová, 2023). Surprisingly, we discovered a negative correlation between this indicator and the number of newly registered firms in Kazakhstan. The experiences of developed economies and dynamically developing countries demonstrate that the growth of SMEs has a positive impact on GDP. Therefore, the support and development of businesses is a strategic task of any state. Therefore, following this logic, it is predictable to expect that GDP growth, in turn, should stimulate business development. However, our model indicates that a one percentage point increase in the variable "GDP growth" may result in a decrease of 2,451 registered enterprises in the republic. We conclude that GDP growth in Kazakhstan is unrelated to the activities of real SMEs, which do not contribute a significant share to the positive dynamics of this indicator.

Let us examine the nature of GDP growth in Kazakhstan briefly. Kazakhstan is an extractive country, with its economy heavily reliant on the extractive industry. In our opinion, GDP growth in Kazakhstan is not ensured by real growth in the production of final goods and services. Moreover, the country's economic growth indicator depends significantly on the favorable conditions for national export-oriented companies (large businesses) in the global mineral resources market, specifically the world oil prices. Additionally, it is essential to consider the impact of the exchange rate on the value of GDP. Typically, the national currency's exchange rate against the US dollar, as the world's reserve currency, is devalued in favor of an increase in the country's export revenues, as the state budget relies on them. Devaluation refers to the low purchasing power of the national currency, the Tenge,

and a decline in the population's standard of living, which can hinder the development of entrepreneurship. Let us add to this the country's ineffective and unstable tax policy, which increases economic instability and forces SMEs and entrepreneurs to “go into the shadows.” Earlier, we concluded that SMEs are not interested in entering the extractive industry in Kazakhstan. Therefore, we conclude that GDP growth, which is driven mainly by oil exports and does not contribute significantly from SMEs, cannot have a substantial impact on the initiatives and incentives that encourage entrepreneurs to start a business in Kazakhstan. Moreover, we assume that without the diversification of the national economy, the negative relationship between the “oil economic growth” and actual business development will continue to increase.

The following variable, which has a positive and statistically significant impact on new business creation in Kazakhstan, is trade openness. As the model has shown, further liberalization of trade relations can stimulate the growth of newly created businesses: with a one percent increase in the “Trade openness” variable, the number of registered enterprises increases by 1,168 units. Thus, we conclude that openness to trade and stimulation of foreign economic connections stimulate the creation of new businesses in Kazakhstan. Many studies evidence a positive relationship between business development and market openness conditions; for example, interesting conclusions are found in Salange and Kahyaoğlu (2024) and Mominur et al. (2023). In these works, evidence suggests that free trade and its expansion can stimulate entrepreneurial activity.

Next, we will analyze the influence of political factors estimated in our model. Based on World Bank data for Kazakhstan, such variables are “Voice and Accountability” (X2) and “Rules of Law” (X3). As the model indicates, these variables have a significant impact on the number of newly registered firms in Kazakhstan, but their effect is multidirectional.

It has already been said that business registration directly depends on the quality of public administration and institutions in the country. Some global rankings, such as the Global Business Ready Index (formerly known as the Ease of Doing Business Index until 2021) and the Global Competitiveness Index, include indicators of governance effectiveness that are evaluated based on the quality of institutions, including political ones.

The estimated regression equation revealed that the variable “Voice and Accountability” has a significantly negative impact on starting a business in the country. A minus sign in front of this variable may indicate an antagonistic relationship between the number of new businesses and political factors in the country. However, two facts need to be considered here (going back to the assumptions described above). First, the limited range of values for this indicator, from -2.5 to 2.5, means that even a slight change in the independent variable can have a significant impact on the dependent variable in the equation. On the other hand, the values of this indicator for Kazakhstan in the period under review range from -1.25 to -1.08 points (World Bank, 2024), indicating that it is, a priori, unfavorable for the country and may have a negative impact. Recall that the “Voice and Accountability” indicator, according to the World Bank methodology, measures citizens' perception of the degree of their political freedom (the degree of participation in elections, freedom of the media, etc.),

which can be associated with the level of their trust in the government. Returning to our model, we find that the number of newly registered firms in the country can significantly decrease by 202,603 units if the “Voice and Accountability” variable deteriorates by 1 point.

The values of the “Rules of Law” indicator in the World Bank database for Kazakhstan are also no better, with values ranging from -1.1 to -0.47 in the period under review. However, in contrast to the previous variable, we found a statistically significant positive impact of “Rules of Law” on business creation in Kazakhstan. As calculations have shown, with the improvement of public administration in the country, the number of newly registered enterprises is expected to increase by 39,046 units. In our view, this is a significant positive effect, indicating that the Kazakh government should continue to refine its policy in the country.

We believe that for the development of sustainable business in Kazakhstan, it is necessary to increase the effectiveness of anti-corruption measures and transparency of the business environment, improve the tax code in favor of the development of entrepreneurship and SMEs, pursue an adequate economic policy in the field of inflation management and expand access to bank capital for SMEs, as well as, of course, continue a flexible foreign economic policy adequate to the current complex geopolitical circumstances in the Eurasian region and the increasing global economic challenges due to the tariff war of the American government in recent times.

Conclusion

The authors attempted to create a model to estimate the impact of various factors on new business formation in Kazakhstan. They evaluated three economic and two political indicators, in the authors’ opinion, that impact the number of registered enterprises in Kazakhstan. We considered GDP annual growth, FDI inflows, and trade openness as economic variables for the country.

An analysis of theoretical and empirical literature revealed that annual GDP growth, a key indicator of a country's economic activity, should be positively correlated with the number of registered enterprises. As GDP increases, consumer demand rises, and investment opportunities expand. Attracting FDI should stimulate the home country’s business development, as it accompanies an influx of capital, technology, and knowledge. Additionally, the higher the level of economic openness, the greater the opportunities for entrepreneurs. Testing our hypothesis 1, that economic growth, trade openness, and foreign direct investment inflows lead to increased entrepreneurial activity and, consequently, the establishment of new enterprises, we obtained different results.

The model results showed that the variables of GDP growth and FDI inflows in Kazakhstan were significant but negative ($p < 0.05$). This does not confirm the theory that they can lead to SME’s growth and reject hypothesis 1. Our study revealed that in countries where GDP growth is heavily reliant on mineral resource exports (e.g., Kazakhstan), FDI tends to be directed towards large companies in the extractive sector, rather than fostering SMEs operating in other economic sectors. However, despite the negative impact of GDP and FDI on SMEs' growth, we found that open trade has a positive effect on local businesses, likely by stimulating competition within the country. Model result: The impact was significant and positive ($p <$

0.05), suggesting that Kazakhstan's integration into the global economy contributes to business development and supports hypothesis 1. Overall, we can conclude that hypothesis 1 is partially confirmed.

Regarding worldwide governance indicators, it is worth noting that global investors face less risk in countries with high political stability, which in turn contributes to the development of local businesses. However, regulatory barriers can discourage entrepreneurship in countries with authoritarian regimes, such as Kazakhstan. Model results: a significant adverse effect of the “Voice and Accountability” variable ($p < 0.05$) despite a considerable positive impact of the “Rule of Law” variable ($p < 0.05$). Hypothesis 2 is also partially confirmed.

On the one hand, the adverse effect may be due to the increased uncertainty for businesses during the period of political instability associated with the transition of power to a new president. Furthermore, the negative impact of the pandemic on SMEs, particularly due to lockdowns, cannot be overstated. All this required the country's new leadership to make tough political decisions in unprecedentedly tricky conditions. Nevertheless, all this together increased economic instability in the country and could not contribute to the development of SMEs. On the other hand, the acceleration of digitalization and the increase in transparency of public services, as well as the decrease in the number of criminal cases initiated against entrepreneurs and businesses, have contributed to improving the efficiency of public administration in Kazakhstan, which may explain the positive impact of this variable.

Nevertheless, the authors draw the authorities' attention to the importance of implementing the president's initiatives to support business, reduce bureaucracy, combat corruption, enhance the business environment, and consistently improve the efficiency of public administration in Kazakhstan. For businesses, it is crucial to operate in a politically stable and predictable environment, which is more important than economic problems in the country.

Thus, our analysis and study made it possible to identify relationships between macroeconomic and institutional indicators and the number of new enterprises in Kazakhstan that were not always apparent. For example, FDI did not show a significant positive impact, which can be explained by its focus on capital-intensive and closed sectors of the economy (oil and mining industries), which are inaccessible to small businesses. At the same time, the “Voice and Accountability” indicator unexpectedly showed a negative relationship with entrepreneurial activity, which may reflect the informal barriers in the management system.

The most stable and predictable factor turned out to be trade openness. Its positive impact confirms the importance of foreign economic relations as a source of incentives for creating new businesses. The negative correlation with GDP growth warrants separate consideration, as it may be linked to the predominance of a large raw materials sector in the economy's structure.

In general, the study's results emphasize that for sustainable entrepreneurship growth, it is essential to stimulate macroeconomic indicators and consistently work on the quality of institutions, transparency of regulation, and access to markets for new players. Significant potential lies in these areas for the development of regions and the long-term enhancement of Kazakhstan's competitiveness.

Acknowledgments

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP19680320 "Study new tools to develop business environment of Kazakhstani regions to improve country's investment attractiveness and competitiveness in Eurasian region") and with the financial support of the European Commission's Horizon MSCA Staff Exchanges project, MOCCA (Project No. 101085855) and MARS (Project No. 101130177).

References:

1. Stevenson и Jarillo (1990), A Paradigm of Entrepreneurship: Entrepreneurial Management. Strategic Management Journal, 1990, 11(5): 17–27.
2. Tajaddini R. & Gholipour H. (2021) Economic uncertainty and business formation: A cross-country analysis. Journal of Business Venturing Insights. Volume 16, November 2021, e00274 <https://doi.org/10.1016/j.jbvi.2021.e00274>
3. Abegaz, M.B., Debela, K.L. & Hundie, R.M. The effect of governance on entrepreneurship: from all income economies perspective. J Innov Entrep 12, 1 (2023). <https://doi.org/10.1186/s13731-022-00264-x>
4. Sendra-Ponsa P. (2022). Institutional factors affecting entrepreneurship: A QCA analysis. European Research on Management and Business Economics Volume 28, Issue 3, September–December 2022, 100187 <https://doi.org/10.1016/j.iiedeen.2021.100187>
5. Hájek, Oldřich & Nekolová, Jana & Novosák, Jiří. (2015). Determinants of new business formation – some lessons from the Czech Republic. Economics & Sociology. 8. 147-156. 10.14254/2071-789X.2015/8-1/11.
6. Nekolová, Jana & Novosák, Jiří & Hájek, Oldřich. (2016). The Changing Determinants of New Business Formation in the Czech Republic. Montenegrin Journal of Economics. 12. 7-20. 10.14254/1800-5845.2016/12-1/6.
7. Schumpeter, J. A. (1934). Theory of economic development, 1st English trans. (from 2nd German end of 1926). Cambridge, MA: Harvard University Press.
8. C.R. McConnell Economics : Principles, Problems, and Policies. Second Edition. New York, San Francisco, Toronto, London, McGraw-Hill Book Company, 1963, 773 p.
9. Sutaria, Vinod and Hicks, Donald A., (2004). New firm formation: Dynamics and determinants, The Annals of Regional Science, 38, issue 2, p. 241 262, <https://EconPapers.repec.org/RePEc:spr:anresc:v:38:y:2004:i:2:p:241-262>.
10. Audretsch, D.B., Dohse, D. and Niebuhr, A. (2014). Regional unemployment structure and new firm formation, No 1924, Kiel Working Papers, Kiel Institute for the World Economy (IfW Kiel), <https://EconPapers.repec.org/RePEc:zbw:ifwkwp:1924>.
11. Gutkevych, S. (2019). Investment Attractiveness of Industries: Features and Trends. Baltic Journal of Economic Studies. 5. 50. 10.30525/2256-0742/2019-5-3-50-58.
12. Misztal, Piotr & Kulakou, Vasili. (2024). Determinants of investment attractiveness of countries and investment climate assessment methods.

Survey analysis. *Journal of Modern Science*. 60. 287-313. 10.13166/jms/196901.

13. Hymer, S. (1976). *International Operations of Domestic Firms: A Study of Foreign Direct Investment*. MIT Press.
14. Dunning, J.H. (1980). Toward an eclectic theory of international production: Some empirical tests. In *The Eclectic Paradigm: A Framework for Synthesizing and Comparing Theories of International Business from Different Disciplines or Perspectives*. London: Palgrave Macmillan UK. pp. 23-49. https://doi.org/10.1007/978-1-137-54471-1_2
15. Kida, Nakije & Smajli, Remzi & Gjuraj, Delvina & Morina, Vesa & Morina, Julinda. (2025). Driving Factors of Foreign Direct Investment in Kosovo: The Roles of Market Access and Government Support.
16. Firdaus, Firdaus & Fakhruddin, Imam & Fitradinata, Kheqal & Hidayat, Rian. (2024). The effect of ease of doing business (EODB) and corruption perception index (CPI) on foreign direct investment (FDI) in ASEAN. *Finish: Journal of Sharia Financial Management*. 5. 143-163. 10.15575/fjsfm.v5i2.34965.
17. Nyathi, Lawrence Dumisani & Mlobane, Mbheki. (2024). The Role of Ease of Doing Business in Attracting Foreign Direct Investment in the SADC Region. *International Journal of Research and Innovation in Social Science*. VIII. 2587-2602. 10.47772/IJRISS.2024.805188.
18. Martua, Aleknaek & Sayuti, & Mulyana, & Ginting, Irka. (2023). The Effect of Ease of Doing Business Indicators on Investment Interest: Empirical Evidence in DKI Jakarta Province. *Monas: Jurnal Inovasi Aparatur*. 5. 108-121. 10.54849/monas.v5i2.172.
19. Opuala-Charles, Silva & Oshilike, Ijeoma. (2023). Impact of Ease of Doing Business on Foreign Direct Investment in Nigeria Open Access. *Journal of Economics & Management Research*. 1-9. 10.47363/JESMR/2023(4)174.
20. Said, Hatem. (2024). Factors Explaining Firm Investment: An International Comparison. *International Business Research*. 9. 112-112. 10.5539/ibr.v9n3p112.
21. Phan, Quynh Trang & Nguyen, Diep. (2024). National Governance Quality, Competition, and Firm Investment. *ECONOMICS*. 10.2478/eoik-2025-0021.
22. Kaufmann, Daniel & Kraay, Aart & Mastruzzi, Massimo. (2008). *Governance Matters VII: Aggregate and Individual Governance Indicators 1996-2007*. World Bank policy research working paper. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-4654>
23. Kaufmann, Daniel & Kraay, Aart & Mastruzzi, Massimo. (2009). *Governance matters VIII: Aggregate and individual governance indicators 1996-2008*, Policy Research Working Paper Series 4978, The World Bank.
24. Kaufmann, D., Kraay, A. & Mastruzzi, M. (2011). The Worldwide Governance Indicators: Methodology and Analytical Issues. *Hague J Rule Law* 3, 220–246. <https://doi.org/10.1017/S1876404511200046>
25. Salange, S., Kahyaoğlu, S. B.: Analysis of the relationship between entrepreneurship and trade openness within the framework of quantile panel approach: the case of OECD countries. *Izmir İktisat Dergisi*. 39(3). 605-620 (2024).
26. Azer Dilanchiev and Ahmet Sekreter: Measuring the effect of trade openness on entrepreneurship development in case of Georgia. *International Journal of Recent Scientific Research* 6(10), 6990-6993 (2015).
27. Lionel Effiom, Noel Ebehung, Emmanuel Uche, Okey O. Ovat, Rowland Tochukwu Obiakor (2022). Does trade openness influence the perfor-

- mance of small and medium enterprises in Nigeria? A re-evaluation of the evidence. *Heliyon* 8.
28. Abegaz, M.B., Debela, K.L. & Hundie, R.M. (2023). The effect of governance on entrepreneurship: from all income economies perspective. *J Innov Entrep* 12, 1. <https://doi.org/10.1186/s13731-022-00264-x>
 29. Vyrostková L, Kádárová J. (2023). Entrepreneurship Dynamics: Assessing the Role of Macroeconomic Variables on New Business Density in Euro Area. *International Journal of Financial Studies* 11(4), 139.
 30. Njegomir, V. (2019). Analysis of the impact of macroeconomic environment on entrepreneurship development. *Poslovna ekonomija* 12(2), 1-19.
 31. Official website of the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Economics. <https://stat.gov.kz/en/>
 32. Official website of the National Bank of Kazakhstan. Statistics. FDI inflows. <https://www.nationalbank.kz/en/>
 33. Official website of the World Bank Group. Worldwide governance indicators. <https://www.worldbank.org/>
 34. Suliza Abd Rashid, Tajul Ariffin Masron, Nurhafiza Abdul Kader Malim, The effect of corruption on entrepreneurship in the presence of weak regulatory quality: Evidence from developing countries, *Socio-Economic Planning Sciences*, Volume 86,2023,101476, <https://doi.org/10.1016/j.seps.2022.101476>.
 35. Official website of Transparency International. Corruption Perception Index 2024. <https://www.transparency.org/en/>
 36. He, X., Mou, D., 2020. Impacts of mineral resources: evidence from county economies in China. *Energy Pol.* 136, 111088 <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.111088>.
 37. Baz, K., Xu, D., Cheng, J., Zhu, Y., Huaping, S., Ali, H., Abbas, K., Ali, I., 2022. Effect of mineral resource complexity and fossil fuel consumption on economic growth: a new study based on the product complexity index from emerging Asian economies. *Energy* 261, 125179. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2022.125179>. Part B).
 38. Rahman, Md. Mominur, Deb, Bishawjit Chandra, Rahman, Muhammad Shajib, Uddin, M. M. Mofiz, Ramzan, Muhammad, Hossain, Mohammad Jubair, Uddin, Gias: Does Trade Openness Affect Global Entrepreneurship Development? Evidence from BRICS Countries. *Annals of Financial Economics* 18(03) (2023).

Материал поступил в редакцию 25.04.2025

Утвержден к публикации 22.09.2025

КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ИНДИКАТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: КВАЛИМЕТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Кульзада Кудайбергенова¹

Сабира Исалдаева^{2*}

Асел Абен³

^{1*} Доцент кафедры общей и социальной педагогики Казахского национального женского педагогического университета, доктор педагогических наук, Алматы, Казахстан; e-mail: Kulzada.kudaibergenova@gmail.com

^{2*} Преподаватель кафедры рекреационной географии и туризма Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан; e-mail: sabira.isaldayeva@gmail.com

³ Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, PhD, Алматы, Казахстан; e-mail: aben_a@kisi.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.113.3.011>

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи качества образования и развития человеческого капитала через категорию компетентности. Рассмотрены теоретические подходы к определению человеческого капитала и проблемы его измерения в современных условиях. Особое внимание уделено методологии квалиметрии как инструменту количественной и качественной оценки образовательных результатов. На основе анализа моделей компетентности и экспертных обсуждений предложена авторская модель, в которой компетентность рассматривается как интегральный показатель развития человеческого капитала. В модели учтены как традиционные элементы (знания, умения, навыки), так и ценностные характеристики личности (нравственность, мировоззрение, коммуникативные способности). Научная новизна заключается в уточнении роли компетентности как комплексного индикатора, позволяющего соотнести качество образования с качеством человеческого капитала. Практическая значимость работы связана с возможностью применения модели в педагогической квалиметрии и системе образовательной политики.

Ключевые слова: человеческий капитал, компетентность, качество образования, квалиметрия, духовный капитал, ценностные характеристики личности, компетентностный подход, образовательная политика.

ҚҰЗЫРЕТТІЛІК АДАМ КАПИТАЛЫНЫҢ ИНТЕГРАЛДЫ КӨРСЕТКІШІ РЕТІНДЕ: КВАЛИМЕТРИЯЛЫҚ ТӘСІЛ

Күлзада Құдайбергенова¹, Сабира Исалдаева^{2*}, Әсел Әбен³

¹ Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті жалпы және әлеуметтік педагогика кафедрасының доценті, педагогика ғылымдарының докторы, Алматы, Қазақстан; e-mail: Kulzada.kudaibergenova@gmail.com

^{2*} Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ рекреациялық география және туризм кафедрасының оқытушысы, Алматы, Қазақстан; e-mail: sabira.isaldayeveva@gmail.com

³ ҚР Президентінің жаныдағы ҚСЗИ бас сарапшысы, PhD, Алматы, Қазақстан; e-mail: aben_a@kisi.kz

Аңдатпа. Мақалада білім беру сапасы мен адами капиталды дамыту арасындағы өзара байланыс құзыреттілік категориясы арқылы талданады. Адами капиталды айқындаудың теориялық тәсілдері мен оны қазіргі жағдайда өлшеудің проблемалары қарастырылады. Білім беру нәтижелерін сандық және сапалық тұрғыдан бағалау құралы ретінде квалиметрия әдістемесіне ерекше назар аударылған. Құзыреттілік үлгілерін талдау және сараптамалық талқылаулар негізінде авторлық модель ұсынылып, онда құзыреттілік адами капиталдың дамуының интегралды көрсеткіші ретінде қарастырылады. Модельде дәстүрлі элементтер (білім, іскерлік, дағдылар) ғана емес, сондай-ақ тұлғаның құндылықтық сипаттамалары (адамгершілік, дүниетаным, коммуникативтік қабілеттер) де ескерілген. Зерттеудің ғылыми жаңалығы білім сапасы мен адами капитал сапасын өзара байланыстыратын кешенді индикатор ретіндегі құзыреттіліктің рөлін нақтылауда. Жұмыстың практикалық маңыздылығы ұсынылған модельді педагогикалық квалиметрияда және білім саясаты жүйесінде қолдану мүмкіндігімен айқындалады.

Түйін сөздер: адами капитал, құзыреттілік, білім сапасы, квалиметрия, рухани капитал, тұлғаның құндылықтық сипаттамалары, құзыреттілікке негізделген тәсіл, білім саясаты.

COMPETENCE AS AN INTEGRAL INDICATOR OF HUMAN CAPITAL: A QUALIMETRIC APPROACH

Kulzada Kudaibergenova¹, Sabira Isaldaeva^{2*}, Assel Aben³

¹ Associate Professor of the Department general and social pedagogy Kazakh National Women's Pedagogical University, Doctor of Pedagogical Sciences, Almaty, Kazakhstan; e-mail: Kulzada.kudaibergenova@gmail.com

^{2*} Lector of the Department of Recreational Geography and Tourism of the Kazakh National University named al-Farabi, Almaty, Kazakhstan; e-mail: sabira.isaldayeveva@gmail.com

³ Chief Expert of KazISS, PhD, Almaty, Kazakhstan; e-mail: aben_a@kisi.kz

Abstract. The article examines the relationship between the quality of education and the development of human capital through the category of competence. Theoretical

approaches to the definition of human capital and the challenges of its measurement under contemporary conditions are reviewed. Particular attention is given to qualimetry as a methodological tool for both quantitative and qualitative assessment of educational outcomes. Based on an analysis of competence models and expert discussions, the author proposes a new model in which competence is regarded as an integral indicator of human capital development. The model incorporates not only traditional elements (knowledge, skills, abilities) but also value-based characteristics of the individual (morality, worldview, communication skills). The novelty of the study lies in clarifying the role of competence as a comprehensive indicator that links the quality of education with the quality of human capital. The practical significance of the work is associated with the potential application of the proposed model in pedagogical qualimetry and in the design of educational policy.

Keywords: *human capital, competence, quality of education, qualimetry, spiritual capital, value-based characteristics of personality, competence-based approach, educational policy.*

Введение

В условиях глобализации и цифровой трансформации качество образования становится ключевым фактором социально-экономического развития. В Послании Президента Республики Казахстан К. К. Токаева «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» подчеркнута особая роль образования в формировании человеческого капитала и в обеспечении долгосрочной конкурентоспособности страны.

Человеческий капитал традиционно рассматривается как совокупность знаний, навыков и умений, которые человек использует для создания экономической и социальной ценности (Becker, 1964; Schultz, 1961). Однако современные исследования указывают на необходимость расширения этого понятия за счёт включения духовных и ценностных аспектов – нравственности, мировоззрения, эмоциональной зрелости, креативности и социальной ответственности. Именно эти качества обеспечивают устойчивое развитие общества и определяют способность личности адаптироваться к вызовам XXI века.

Проблема заключается в том, что измерение человеческого капитала по-прежнему остается методологически сложным. Существующие подходы преимущественно ориентированы на экономическую эффективность образования и трудовые показатели, в то время как ценностные и духовные компоненты остаются в стороне. Для решения этой задачи перспективным инструментом выступает квалиметрия – наука о количественной и качественной оценке свойств и характеристик человека.

В этом контексте особую значимость приобретает компетентностный подход, позволяющий интегрировать знания, навыки и личностные качества в единый индикатор развития человеческого капитала. Компетентность может рассматриваться как показатель качества образования, а также как критерий трансформации качества образования в качество личности.

Цель исследования – выявить роль компетентности как индикатора развития человеческого капитала и предложить модель её измерения с

учётом духовных и ценностных аспектов. Задачи исследования заключаются в том, чтобы на основе имеющихся теоретических и методологических подходов рассмотреть существующие модели компетентности и выявить их ограничения, провести экспертный опрос среди преподавателей высших учебных заведений, разработать авторскую модель компетентности как интегрального индикатора человеческого капитала.

Обзор литературы

Понятие *человеческий капитал* впервые систематизировал Т. Шульц, определив его как совокупность знаний и навыков, обладающих экономической ценностью и повышающих производительность труда [Schultz, 1961]. Г. Беккер развил эту концепцию, сосредоточив внимание на образовании и профессиональной подготовке как основных инвестициях в человеческий капитал [Becker, 1994]. В последующих исследованиях круг его элементов был расширен за счёт врождённых способностей и жизненного опыта [Bontis, 1999].

На международном уровне значимый вклад в количественную оценку человеческого капитала внёс Всемирный экономический форум, разработавший Глобальный индекс человеческого капитала [WEF, 2017]. В его основе лежит представление о навыках как о динамическом ресурсе, поддающемся развитию на протяжении жизни. Структура индекса включает четыре субиндекса: образовательный потенциал, применение навыков в профессиональной деятельности, их развитие через обучение на протяжении всей жизни, а также владение специализированными компетенциями.

Схожие идеи прослеживаются в исследованиях ОЭСР [OECD, 2005], где особое внимание уделено универсальным навыкам, необходимым для эффективного функционирования личности в обществе. Проект *Assessment and Teaching of Twenty-First Century Skills (ATC21S)* [Binkley et al., 2012] выделил группы компетенций XXI века: когнитивные (критическое и креативное мышление), коммуникативные и коллаборативные навыки, цифровую грамотность, культурную компетентность и личностные качества, включая самоконтроль и ответственность. Похожую классификацию предложили Pellegrino и Hilton [2012], которые разделили компетенции на когнитивные, межличностные и личностные. Схожая триада (когнитивные, социально-поведенческие и цифровые компетенции) закреплена и в прогнозах отечественных экспертов [Бутенко и др., 2017].

В ряде работ акцентируется внимание на значении метанавыков, обеспечивающих профессиональную мобильность и адаптацию к новым условиям [Finch et al., 2013; Collet et al., 2014]. Среди них ключевыми считаются исследовательские умения [Willison, O'Regan, 2015], цифровая компетентность [ITU, 2018; Oliver, Jorre, 2018], межкультурная чувствительность [Zhu, 2011; Cukier et al., 2015], социальный [Thorndike, 1920; Goleman, Boyatzis, 2008] и эмоциональный интеллект [Salovey, Mayer, 1990; Goleman, 1995]. Совокупность этих качеств формирует основу человеческого капитала в условиях глобализованного рынка труда.

Несмотря на значительный прогресс в исследованиях, существует

методологический пробел, которые заключается в том, что подавляющее большинство моделей человеческого капитала концентрируется на когнитивных и профессиональных навыках, оставляя ценностные и духовные характеристики личности на периферии научного анализа. В результате остаётся не до конца решённой задача интеграции моральных, мировоззренческих и культурных аспектов в систему измерения качества образования.

Именно этот разрыв обосновывает необходимость дальнейших исследований, направленных на формирование более комплексных моделей человеческого капитала, где особое место занимает компетентность как интегральный показатель качества образования и развития личности.

Теоретические основы исследования

Теоретическая база статьи строится на междисциплинарном синтезе экономических, педагогических и философских подходов.

Во-первых, опора идет на классические экономические концепции человеческого капитала, рассматривающие образование и профессиональные навыки как форму инвестиций [Becker, 1994; Schultz, 1961; Romer, 1990]. Эти идеи позволяют трактовать образование как ключевой источник накопления человеческого капитала.

Во-вторых, учтен культурологический и духовный ракурс. Исследователи (Акопян, Бушуев, Голубев, 2002) предложили рассматривать «духовный капитал» как фундаментальную составляющую, включающую нравственные ориентиры, мировоззрение, ответственность и эмпатию. Это позволяет расширить понимание человеческого капитала за пределы экономической отдачи и приблизить его к целостному развитию личности.

Духовность – это высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, когда основными ориентирами ее жизнедеятельности становятся непреходящие человеческие ценности; ориентированность личности на действия во благо окружающих, поиск ею нравственных абсолютов [Коджаспирова, 2001]. Духовность как одна из основополагающих начал социокультурного кода народа уходит корнями в историческое прошлое. Приобщаясь к духовному, нравственному опыту других людей, а также мыслителей прошлого, человек осуществляет своё духовное самоопределение в социокультурном пространстве современного мира [Исатаева и др., 2025].

В условиях стремительных социокультурных трансформаций современного Казахстана вопросы формирования нравственного сознания молодежи приобретают не только педагогическую, но и общенациональную стратегическую значимость. Нравственность понимается как совокупность нравственных установок, форм поведения, связанного с морально-этическими нормами, регулирующими сознание и поведение личности [Мамырбекова, 2020].

В-третьих, методологическую основу составляет квалиметрия — научное направление, изучающее методы измерения качества (Азгальдов, 1994; Субетто, 1991). В образовательных исследованиях квалиметрия используется для анализа иерархии качеств личности и позволяет объединять когнитивные

и ценностные характеристики в системные модели.

В-четвёртых, важное место занимает компетентностный подход, в рамках которого компетентность трактуется как интеграция знаний, навыков и личностных характеристик. Казахстан принял участие в международном исследовании PIAAC в 2018 году и полученные данные показали, что результаты тестирования взрослого населения с высшим образованием сопоставимы с результатами населения стран ОЭСР, имеющих среднее образование. Так, согласно имеющимся исследованиям в Казахстане система высшего образования в меньшей степени направлена на развитие ключевых компетенций взрослого населения, по сравнению с большинством стран ОЭСР. Кроме того, наличие документов о постдипломном образовании (например, диплом магистра) никаким образом не отражается на уровне читательской и математической грамотности. В то же время в странах ОЭСР существует прямая зависимость между уровнем образования и степенью владения читательскими и математическими навыками [Оспанова, 2023]

В исследованиях Акинфиевой и Кудайбергеновой показано, что компетентность может рассматриваться как ключевой «выход» образовательной системы, выражающий её результативность.

Таким образом, данное исследование опирается на синтез четырёх теоретических направлений:

- экономическая теория человеческого капитала;
- концепция духовного капитала;
- квалиметрия как методология измерения качеств;
- компетентностный подход в образовании.

В совокупности они формируют основу для авторской позиции - *компетентность является интегральным индикатором человеческого капитала, объединяющим когнитивные и духовно-нравственные характеристики личности.*

Методология исследования

Методологическая основа работы опирается на междисциплинарный подход, объединяющий положения теории человеческого капитала, педагогической квалиметрии и компетентностного подхода в образовании.

В качестве ключевого инструмента анализа использована квалиметрия — наука о количественной и качественной оценке характеристик объектов, которая позволяет представить человеческий капитал через иерархическую систему свойств. Такой подход обеспечивает возможность перехода от качественных характеристик личности (нравственность, духовность, мировоззрение) к их операционализации в виде измеряемых индикаторов.

Для построения модели компетентности как индикатора человеческого капитала были использованы следующие методы:

- **контент-анализ** нормативно-методических документов системы образования, посвящённых вопросам качества и оценки компетентности.
- **экспертный опрос:** в исследовании участвовали 12 преподавателей высших учебных заведений, которые обсуждали индикаторы человеческого капитала и структурные модели компетентности.

- **моделирование** – разработка авторской модели компетентности на основе сопоставления существующих концепций («Структурная модель компетентности», «Компетентность как результат образования», иерархическая модель качеств личности).

Эмпирическую базу составили материалы круглого стола, собственные научные труды авторов («Компетентность как педагогическая категория», «Самореализация учителей средней школы», «Педагогическая квалиметрия») и результаты анализа педагогических исследований.

Таким образом, методология исследования сочетает системный, классификационный и квалиметрический подходы, что позволяет рассматривать компетентность как интегральный индикатор развития человеческого капитала.

Результаты исследования

Анализ существующих теорий и моделей показал, что традиционные подходы к человеческому капиталу в значительной степени ориентированы на его экономическую составляющую (Becker, 1994; Schultz, 1961; Romer, 1990). Эти модели позволяют объяснить рост доходов и производительности, однако практически не учитывают ценностные и духовные характеристики личности.

В настоящее время разрабатывается новая парадигма экономической науки, характеризующаяся антропоцентризмом и установкой на гуманизацию экономического знания. В рамках новой парадигмы происходит усиление междисциплинарных связей экономической науки с другими дисциплинами социально-гуманитарного цикла, такими как социология, психология, культурология. Новая концепция человеческого капитала предполагает рассмотрение его носителя согласно принципу неделимости личности, заключающемуся в расширении состава структурных составляющих человеческого капитала. В число таких составляющих предлагается включать не только образовательно-квалификационный, но и другие потенциалы личности индивида, важнейшим из которых является духовно-нравственный потенциал. В качестве первичного элемента структуры человеческого капитала автор выделяет духовно-нравственную составляющую, которая включает два компонента — нравственный, представляющий собой морально-нравственные установки носителя человеческого капитала, и аксиологический, представляющий собой его ценностные ориентации. От духовно-нравственной составляющей человеческого капитала зависит не только формирование остальных его составляющих, но и их использование в экономике [Никандрова, 2014]

Применительно к Казахстану отмечают, что в структуре национального богатства Казахстана наибольшую долю сегодня занимает человеческий капитал – 42%. В то же время, данный показатель все еще ниже на 20% среднемирового значения.

В педагогических исследованиях более активно рассматривается компетентностный подход, в рамках которого разработаны различные структурные модели. Так, иерархическая модель Н. В. Акинфиевой выделяет уровни развития качеств личности — от исходных характеристик до диагностических признаков. Структурно-содержательная модель К.

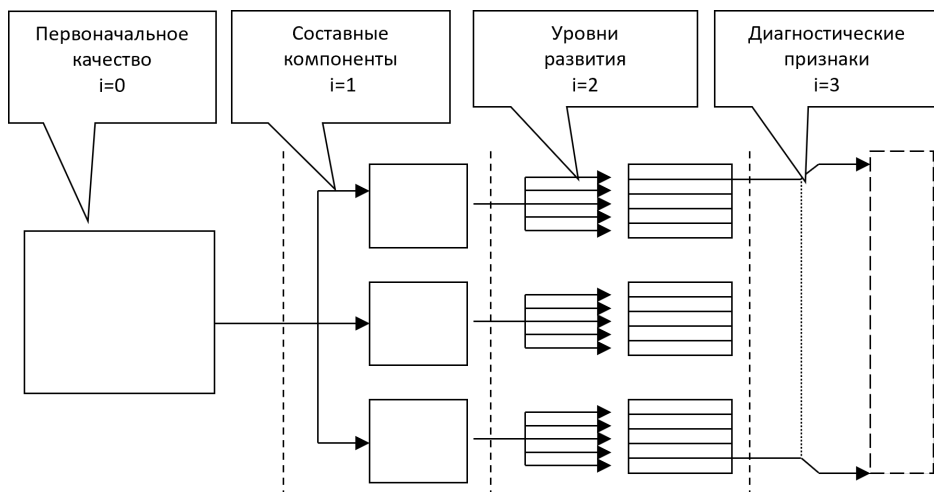
С. Кудайбергеновой трактует компетентность как «выходной» результат образовательной системы, в которой ребёнок, поступающий в неё, трансформируется в выпускника с определённым набором компетенций.

Сравнительный анализ этих и других моделей показал, что они позволяют систематизировать образовательные результаты, но в недостаточной мере отражают духовно-нравственные и мировоззренческие компоненты человеческого капитала.

Для восполнения этого пробела нами была предложена авторская модель компетентности как интегрального индикатора человеческого капитала. В её основе лежат принципы квалиметрии, позволяющие классифицировать и иерархически упорядочивать качества личности. В своем исследовании авторы исходили из комбинации трех критериев («компетентность», «квалиметрические принципы», «Я» - концепция личности).

Подход Н. В. Акинфиевой демонстрирует, что качество образовательных результатов следует рассматривать как иерархическую систему взаимосвязанных свойств. В рамках этой концепции каждое качество личности (например, знания или мотивация) разлагается на подхарактеристики и диагностические признаки, формируя так называемое «дерево качества». Такой подход позволяет переводить комплексные и трудноизмеримые характеристики, включая ценностные и духовно-нравственные, в операционализируемые показатели, что делает возможным их включение в модели компетентности и оценку уровня развития человеческого капитала. [Акинфиева, 1998].

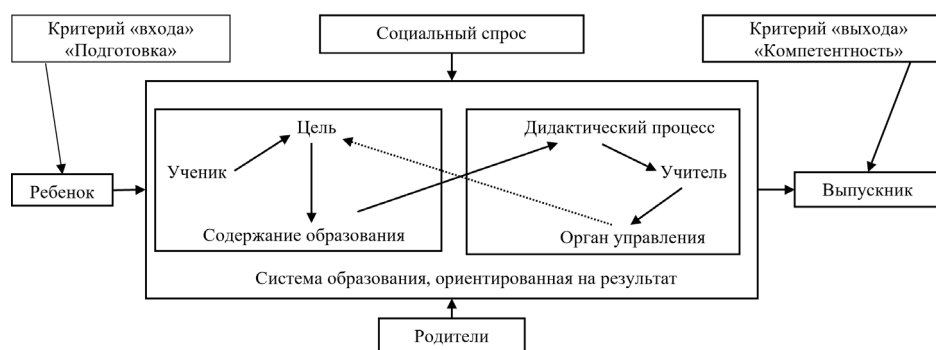
Рисунок 1. Иерархическая структура свойств личности (по модели Н.В.Акинфиевой)

Для глубокого понимания взаимосвязи «компетентности» с другими категориями педагогики Кудайбергенова К.С. рассматривает целостно цель-действие-результат и предлагает модель «компетентности» как

критерий «выхода» системы образования, ориентированной на результат (рис.2). Концепция К. С. Кудайбергеновой основывается на структурно-содержательном понимании компетентности, где она трактуется как целевой результат образовательной системы. Согласно её подходу, процесс обучения представляет собой трансформацию личности обучающегося: ребёнок, поступающий в систему образования, на «выходе» формируется как выпускник с определённым набором компетенций. Тем самым компетентность интерпретируется не только как совокупность знаний и навыков, но и как интегральное качество личности, отражающее эффективность функционирования всей образовательной системы [Кудайбергенова, 2012].

Рисунок 2. Структурно-содержательная модель компетентности Кудайбергеновой К.С.

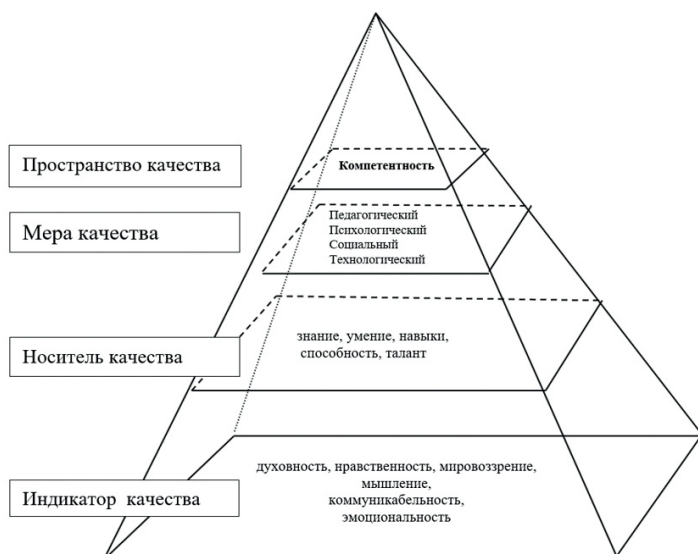

На основе анализа существующих моделей компетентностей авторы данной статьи предприняли попытку разработать усовершенствованную модель компетентности (рис 3). Как видно из рисунка, показателями компетентности или ее неотъемлемой частью, таксонами, являются: духовность, нравственность, мировоззрение, коммуникабельность, эмоциональность.

Важным моментом классификации нашего исследования является идентификация таксонов и их иерархическое положение, несмотря на большое количество объектов. Таксон или таксономические единицы составляют основу концепции, имеющей одинаковые характеристики в любой области исследований. Самое главное в квалиметрическом методе — полностью раскрыть свойства изучаемого объекта, уметь точно находить алгоритмы и отдельные элементы, и диагностические признаки каждого свойства.

Следует отметить, что представленная модель основана на предыдущих исследованиях модели компетентности и не охватывает в полной мере все ее аспекты. Однако авторы попытались определить основные составляющие модели компетентности как индикатора человеческого капитала согласно глобальным вызовам в системе образования.

Рисунок 3. Компетентность как индикатор развития человеческого капитала (разработка авторов)

Таким образом, на основе обобщения существующих концепций и результатов экспертного опроса предложена авторская модель компетентности как индикатора развития человеческого капитала. В предложенной модели:

- **компетентность** выступает интегральным индикатором качества человеческого капитала;
- **носителями качества** являются знания, умения, навыки, способности и таланты;
- **показателями компетентности** определены духовность, нравственность, мировоззрение, коммуникабельность и эмоциональность, которые занимают фундаментальное место в структуре человеческого капитала;
- **таксономический подход** позволил классифицировать данные качества в иерархическом порядке, где духовно-нравственные характеристики формируют основу для развития когнитивных и профессиональных умений (табл.1)

Таблица 1. Кейс-диагностика компетентности выпускников

Таксоны компетентности	Диагностические признаки	Методы/инструменты диагностики	Уровни проявления (результаты)
Духовность	ценностные установки, уважение к культурным традициям, стремление к самосовершенствованию	анкетирование, эссе «Мои ценности в профессии учителя»	низкий – равнодушие; средний – частичная ориентация на ценности; высокий – интеграция ценностей в профессиональное поведение

Мировоззрение	целостное восприятие мира, понимание взаимосвязи общества и образования	тест на мировоззренческие установки, интервью	низкий – фрагментарные знания; средний – осознание базовых взаимосвязей; высокий – системное видение
Нравственность	честность, справедливость, ответственность	ситуационные задачи, кейс-метод	низкий – оправдание нарушений норм; средний – избирательное соблюдение; высокий – устойчивое моральное поведение
Коммуникативность	умение выстраивать диалог, слушать, сотрудничать	наблюдение, ролевая игра «Учитель–ученик»	низкий – трудности в общении; средний – выборочная успешность; высокий – уверенное взаимодействие в разных ситуациях
Эмоциональность	эмпатия, эмоциональная устойчивость, самоконтроль	опросник эмоционального интеллекта, саморефлексия	низкий – частые конфликты/стресс; средний – частичный контроль эмоций; высокий – гармоничное управление эмоциями

Источник: разработано авторами

Соответственно, результаты исследования подтверждают, что компетентность представляет собой не только совокупность когнитивных характеристик, но и интеграцию ценностных, культурных и духовных качеств личности. Это позволяет рассматривать её как универсальный индикатор развития человеческого капитала.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают необходимость расширения традиционных представлений о человеческом капитале за счёт включения духовных и ценностных измерений. Если классические экономические модели акцентировали внимание на знаниях, навыках и профессиональной подготовке (Becker, 1994; Schultz, 1961), то современные подходы в образовании и компетентностной теории показывают, что эти компоненты не исчерпывают всей полноты развития личности.

Предложенная модель компетентности восполняет данный пробел, интегрируя когнитивные характеристики (знания, умения, навыки) с духовно-нравственными качествами (нравственность, духовность, эмоциональность, мировоззрение, коммуникабельность). Такой синтез позволяет рассматривать компетентность как многоуровневую категорию, отражающую как экономический, так и культурно-ценностный потенциал человека.

С теоретической точки зрения это приближает исследование к концепции «духовного капитала», которая до сих пор развивалась преимущественно в философско-культурологическом дискурсе, но редко применялась в контексте оценки качества образования. Использование квалиметрического подхода даёт возможность систематизировать духовные характеристики и включить их в измерительные модели.

Практическое значение результатов заключается в том, что разработанная модель может быть использована для:

- оценки качества образовательных программ с учётом духовно-нравственных результатов;
- разработки инструментов диагностики компетентности как интегрального показателя человеческого капитала;
- формирования образовательной политики, ориентированной не только на развитие профессиональных навыков, но и на укрепление ценностных основ личности.

Важно отметить, что исследование имеет и свои ограничения. Прежде всего, трудности связаны с операционализацией духовных и ценностных характеристик: их измерение требует дополнительных методологических решений и валидных инструментов. Кроме того, эмпирическая база пока ограничена экспертными оценками, что требует расширения исследований на уровне массовых выборок.

Тем не менее, обсуждение результатов показывает, что включение духовного капитала в модель человеческого капитала позволяет сделать оценку качества образования более целостной и релевантной вызовам XXI века.

Заключение

Проведённое исследование показало, что компетентность может рассматриваться как интегральный индикатор развития человеческого капитала, объединяющий когнитивные и духовно-нравственные характеристики личности. В отличие от классических экономических моделей (Becker, Schultz, Romer), ориентированных преимущественно на знания и профессиональные навыки, предложенный подход акцентирует роль духовности, нравственности, мировоззрения и эмоциональной зрелости в формировании качества образования.

Научная новизна работы заключается в адаптации квалитетического подхода к систематизации и классификации компетенций с учётом духовных и ценностных аспектов. Это позволяет преодолеть методологический разрыв в существующих теориях человеческого капитала, где подобные характеристики традиционно остаются вне аналитического поля.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности использования предложенной модели для:

- оценки качества образовательных программ;
- разработки диагностических инструментов компетентности;
- выстраивания образовательной политики, ориентированной на гармоничное развитие личности.

В то же время исследование имеет ограничения, связанные с трудностями количественной операционализации духовных характеристик и ограниченной эмпирической базой. В дальнейшем перспективным представляется развитие методик измерения духовного капитала, расширение выборки респондентов и проведение международных сравнительных исследований.

В целом, полученные результаты подтверждают необходимость комплексного подхода к развитию человеческого капитала, где компетентность

выступает системообразующей категорией, соединяющей экономические, социальные и духовные измерения качества образования.

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН BR21882434 «Системный подход к мониторингу, анализу и оценке качества высшего образования в Казахстане» программно-целевого финансирования на 2023-2025 годы, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Список литературы

1. Акопян, А. С., Бушуев, В. В., & Голубев, В. С. (2002). Эргодинамическая модель человека и человеческий капитал. *Общественные науки и современность*, (6), 98–106.
2. Акинфиева, Н. В. (1998). Квалиметрический инструментарий педагогических исследований. *Педагогика*, (4), 45–52.
3. Азгальдов, Г. Г. (1994). Теория и практика квалиметрии. Москва: Экономика.
4. Becker, G. S. (1964). Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. Chicago: University of Chicago Press.
5. Binkley, M., Erstad, O., Herman, J., Raizen, S., Ripley, M., Miller-Ricci, M., & Rumble, M. (2012). Defining twenty-first century skills. In P. Griffin, B. McGaw, & E. Care (Eds.), *Assessment and teaching of 21st century skills* (pp. 17–66). Dordrecht: Springer.
6. Bontis, N. (1999). Managing organizational knowledge by diagnosing intellectual capital: Framing and advancing the state of the field. *International Journal of Technology Management*, 18(5–8), 433–462. <https://doi.org/10.1504/IJTM.1999.002780>
7. Collet, C., Hine, D., & du Plessis, K. (2014). Employability skills: Perspectives from a knowledge-intensive industry. *Education + Training*, 57(5), 532–559. <https://doi.org/10.1108/ET-07-2014-0076>
8. Cukier, W., Gagnon, S., & Grant, K. (2015). Diversity, inclusion and intercultural competence in higher education: Challenges and opportunities. *Intercultural Education*, 26(5), 337–349. <https://doi.org/10.1080/14675986.2015.1071751>
9. Finch, D. J., Hamilton, L. K., Baldwin, R., & Zehner, M. (2013). An exploratory study of factors affecting undergraduate employability. *Education + Training*, 55(7), 681–704. <https://doi.org/10.1108/ET-07-2012-0077>
10. Goleman, D. (1995). Emotional intelligence. New York: Bantam Books.
11. Goleman, D., & Boyatzis, R. (2008). Social intelligence and the biology of leadership. *Harvard Business Review*, 86(9), 74–81.
12. Исатаева А., Кулсариева А., Нурбаева А., Әбдіманап Ш. Развитие нравственного сознания студенческой молодежи Казахстана: современные воспитательные практики. *Journal of Educational Sciences* 83(2), 2025. - DOI: 10.26577/JES202583211
13. ITU. (2018). Measuring the information society report 2018. Geneva: International Telecommunication Union.
14. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001, с. 40.
15. Кудайбергенова, К. С. (2021). Парадигмальный характер компетентности. *Педагогический журнал Казахстана*, 3(2), 25–32. // https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmalnyy-harakter-kompetentnosti?utm_source=chatgpt.com
16. Кудайбергенова К.С. Құзырлылықтың педагогикалық категория ретінде дамуының теориялық - әдіснамалық негіздері. Монография-Алматы, 2012. – 250 б

17. Mailybaeva, G. S., Nurgaliyeva, S. A., Zhexembayeva, Zh. R., et al. The efficiency of the education system in Kazakhstan: Programme for International Student Assessment (PISA) // *Opción*. – 2018. – Vol. 34, No. 85-2. – P. 168–185.
18. Мамырбекова А. К. Проблема духовности в творчестве Абая и Шакарима / А. К. Мамырбекова. — ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. — Вестник ЕНУ. Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. № 3 (132), 2020.
19. Никандрова, Е. Г. (2014). Духовно-нравственный потенциал человеческого капитала как фактор его воспроизводства в инновационной экономике. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, № 3 (87), 116–119. <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennyy-potentsial-chelovecheskogo-kapitala-kak-faktor-ego-vosproizvodstva-v-innovatsionnoy-ekonomike>
20. Oliver, B., & Jorje de St Jorre, T. (2018). Graduate attributes for 2020 and beyond: Recommendations for Australian higher education providers. *Higher Education Research & Development*, 37(4), 821–836. <https://doi.org/10.1080/07294360.2018.1446415>
21. OECD. (2005). The definition and selection of key competencies: Executive summary. Paris: OECD Publishing.
22. Оспанова, У. А., Кулахметова, А. Р., & Шалина, А. Н. (2023). Международные сопоставительные и страновые исследования (PIAAC, IALS, ALL) по оценке базовых навыков функциональной грамотности. Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология, 142(1), 222–234. <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-142-1-222-234>
23. Pellegrino, J. W., & Hilton, M. L. (Eds.). (2012). Education for life and work: Developing transferable knowledge and skills in the 21st century. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/13398>
24. Romer, P. M. (1990). Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, 98(5), S71–S102. <https://doi.org/10.1086/261725>
25. Salovey, P., & Mayer, J. D. (1990). Emotional intelligence. *Imagination, Cognition and Personality*, 9(3), 185–211. <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>
26. Sarmurzin, Y., Adayeva, M., Shauyenova, A., et al. The impact of OECD research on the education system of Kazakhstan // *Journal of Intellectual Disability – Diagnosis and Treatment*. – 2021. – Vol. 9, No. 3. – P. 192–200.
27. Schultz, T. W. (1961). Investment in human capital. *The American Economic Review*, 51(1), 1–17.
28. Субетто, А. И. (1991). Введение в квалиметрию высшей школы. Книга 1. Общие основания квалиметрии высшей школы. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. – 84 с.
29. Thorndike, E. L. (1920). Intelligence and its uses. *Harper's Magazine*, 140, 227–235. // <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.ern.net/doc/iq/1920-thorndike-2.pdf>
30. Willison, J., & O'Regan, K. (2015). Research skill development framework. Adelaide: University of Adelaide.
31. World Economic Forum. (2017). The global human capital report 2017: Preparing people for the future of work. Geneva: WEF.
32. Zhu, H. (2011). Intercultural sensitivity in multinational organizations. *International Journal of Intercultural Relations*, 35(2), 150–161. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2010.09.004>

References:

1. Akopyan, A. S., Bushuev, V. V., & Golubev, V. S. (2002). Ėrgodinamicheskaya model' cheloveka i chelovecheskiy kapital [Ergodynamic model of a human being and human capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*, (6), 98–106.
2. Akinfieva, N. V. (1998). Kvalimetricheskiy instrumentariy pedagogicheskikh issledovaniy [Qualimetric tools of pedagogical research]. *Pedagogika*, 4, 45–52.

3. Azgaldov, G. G. (1994). *Teoriya i praktika kvalimetrii* [Theory and practice of qualimetry]. Moscow: Ekonomika.
4. Becker, G. S. (1964). *Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Binkley, M., Erstad, O., Herman, J., Raizen, S., Ripley, M., Miller-Ricci, M., & Rumble, M. (2012). Defining twenty-first century skills. In P. Griffin, B. McGaw, & E. Care (Eds.), *Assessment and teaching of 21st century skills* (pp. 17–66). Dordrecht: Springer.
6. Bontis, N. (1999). Managing organizational knowledge by diagnosing intellectual capital: Framing and advancing the state of the field. *International Journal of Technology Management*, 18(5–8), 433–462. <https://doi.org/10.1504/IJTM.1999.002780>
7. Collet, C., Hine, D., & du Plessis, K. (2014). Employability skills: Perspectives from a knowledge-intensive industry. *Education + Training*, 57(5), 532–559. <https://doi.org/10.1108/ET-07-2014-0076>
8. Cukier, W., Gagnon, S., & Grant, K. (2015). Diversity, inclusion and intercultural competence in higher education: Challenges and opportunities. *Intercultural Education*, 26(5), 337–349. <https://doi.org/10.1080/14675986.2015.1071751>
9. Finch, D. J., Hamilton, L. K., Baldwin, R., & Zehner, M. (2013). An exploratory study of factors affecting undergraduate employability. *Education + Training*, 55(7), 681–704. <https://doi.org/10.1108/ET-07-2012-0077>
10. Goleman, D. (1995). *Emotional intelligence*. New York: Bantam Books.
11. Goleman, D., & Boyatzis, R. (2008). Social intelligence and the biology of leadership. *Harvard Business Review*, 86(9), 74–81.
12. Isataeva A., Kulsariev A., Nurbayeva A., Abdimanap Sh. Razvitie нравственного сознания студенческой молодежи Казахстана: современные воспитательные практики // *Journal of Educational Sciences*. – 2025. – Vol. 83, No. 2. – DOI: 10.26577/JES202583211.
13. ITU. (2018). *Measuring the information society report 2018*. Geneva: International Telecommunication Union.
14. Kodzhaspirova G. M., Kodzhaspirov A. Yu. *Pedagogical Dictionary: For students of higher and secondary pedagogical educational institutions*. - M.: Publishing Center "Academy", 2001, p. 40.
15. Kudaibergenova, K. S. (2021). Paradigmal'nyy kharakter kompetentnosti [The paradigmatic nature of competence]. *Pedagogical Journal of Kazakhstan*, 3(2), 25–32. // https://cyberleninka.ru/article/n/paradigmalnyy-harakter-kompetentnosti?utm_source=chatgpt.com
16. Kudaibergenova, K. S. (2012). Qūzyrlilyqtyń pedagogikalıq kategoriia retinde damuynıń teorii alyq-ədisnama-lyq negizderi: Monografiia a [Theoretical and methodological foundations of competence development as a pedagogical category: Monograph]. Almaty
17. Mailibaeva, G. S., Nurgaliyeva, S. A., Zhexembayeva, Zh. R., et al. The efficiency of the education system in Kazakhstan: Programme for International Student Assessment (PISA) // *Opción*. – 2018. – Vol. 34, No. 85-2. – P. 168–185.
18. Mamyrbekova A. K. Problema dukhovnosti v tvorchestve Abaya i Shakarima / A. K. Mamyrbekova // *Vestnik ENU. Seriya Istoricheskie nauki. Filosofiya. Religiovedenie*. – No. 3 (132), 2020. – L. N. Gumilyov Eurasian National University.
19. Nikandrova, E. G. (2014). Spiritual-and-moral potential of human capital as a factor of its reproduction in innovative economy [Духовно-нравственный потенциал человеческого капитала как фактор его воспроизводства в инновационной экономике]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the St Petersburg State University of Economics], No. 3 (87), 116–119. <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennyy-potentsial-chelovecheskogo-kapitala-kak-faktor-ego-vosproizvodstva-v-innovatsionnoy-ekonomike>
20. Oliver, B., & Jorre de St Jorre, T. (2018). Graduate attributes for 2020 and beyond: Recommendations for Australian higher education providers. *Higher Education Research & Development*, 37(4), 821–836. <https://doi.org/10.1080/07294360.2018.1446415>
21. OECD. (2005). *The definition and selection of key competencies: Executive*

- summary. Paris: OECD Publishing.
22. Ospanova, U. A., & Kulahmetova, A. R. (2023). International comparative and country studies (PIAAC, IALS, ALL) on the assessment of basic functional literacy skills. Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series, 142(1), 222–234. <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-142-1-222-234>
 23. Pellegrino, J. W., & Hilton, M. L. (Eds.). (2012). Education for life and work: Developing transferable knowledge and skills in the 21st century. Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/13398>
 24. Romer, P. M. (1990). Endogenous technological change. Journal of Political Economy, 98(5), S71–S102. <https://doi.org/10.1086/261725>
 25. Salovey, P., & Mayer, J. D. (1990). Emotional intelligence. Imagination, Cognition and Personality, 9(3), 185–211. <https://doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>
 26. Sarmurzin, Y., Adayeva, M., Shauyenova, A., et al. The impact of OECD research on the education system of Kazakhstan // Journal of Intellectual Disability – Diagnosis and Treatment. – 2021. – Vol. 9, No. 3. – P. 192–200.
 27. Schultz, T. W. (1961). Investment in human capital. The American Economic Review, 51(1), 1–17.
 28. Subetto, A. I. (1991). Vvedenie v kvalimetrii vysshei shkoly. Kniga 1. Obshchie osnovaniia kvalimetrii vysshei shkoly [Introduction to the qualimetry of higher education. Book 1. General foundations of the qualimetry of higher education]. Moscow: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov.
 29. Thorndike, E. L. (1920). Intelligence and its uses. Harper's Magazine, 140, 227–235. // chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgiclfndmkaj/<https://gwern.net/doc/iq/1920-thorndike-2.pdf>
 30. Willison, J., & O'Regan, K. (2015). Research skill development framework. Adelaide: University of Adelaide.
 31. World Economic Forum. (2017). The global human capital report 2017: Preparing people for the future of work. Geneva: WEF.
 32. Zhu, H. (2011). Intercultural sensitivity in multinational organizations. International Journal of Intercultural Relations, 35(2), 150–161. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2010.09.004>

Материал поступил в редакцию 01.09.2025
Утвержден к публикации 22.09.2025

